

ТЕКСТЫ И РАЗЫСКАНИЯ
ПО
АРМЯНО-ГРУЗИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

КНИГА VIII.

Gosudarstvennyi stroi
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ
древней Грузии и древней Армении
ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ И ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ.

ТОМЪ I

Измѣдованіе

И. Джавахова.

I. Dzhabakhishvili

JN
6599
.64
D.96

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРОКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин. № 12.

1905.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

Напечатано по опредѣленію Факультета Восточныхъ Языковъ Императорскаго
С.-Петербургскаго Университета. 4 декабря 1904 года.

Деканъ *В. Жуковскій.*

Секретарь *И. Меліоранскій.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАИ.
ПРЕДИСЛОВІЕ.....	III
I ЧАСТЬ. Грузія.	
ВВЕДЕНІЕ.....	3— 7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. — Соціальный строй и происхождение царской власти.	
Родовая организація и значеніе ея для государственнаго строя Грузіи, царь-мамасаклиси, престолонаслѣдованіе въ царскомъ родѣ.....	8— 17
Разногласіе между таблицами царей, составленныхъ на основаніи свидѣній классическихъ писателей и грузинскихъ летописей, невозможность провѣрки на основаніи этихъ таблицъ правильность вывода о системѣ престолонаслѣдованія.	17—18
Ученныя теоріи, заимствованныя изъ книги «Пещеры богатствъ», мѣшавшія груз. исторіку Леонтію Мровели представлять реально прошлое своего народа.....	19—27
Свидѣнія Ксенофонта и Страбона о различ. Картвельскихъ племенахъ.....	27—30
ГЛАВА ВТОРАЯ. — Территорія.	
Сахли, какъ терминъ территориальныхъ единицъ.....	33—35
Хэви, дѣлвіе на ущелья.....	33—35
Значеніе къуцана.....	35—37
Собѣли и эволюція значенія даннаго слова.....	37—40
Калаки—городъ и крѣпость, описаніе Ксенофонта того и другаго.....	40—46
Даба, аначеніе этого слова, система расселенія въ деревняхъ и расположеніе ихъ.....	40—49

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Население.

	СТРАН.
Различныя названія рода и его организація	50— 53
Значеніе термина «сѣпъ»	53— 55
Отсутствіе сословнаго дѣленія въ древней Грузіи и основаніи возникшаго позже соціального различія; азнауры и ихъ значеніе	55 — 62
Значеніе слова «эри» народъ и войско, вооруженіе войска и его организація	62— 67
Значеніе эристави	67— 70
Несвободные— <i>ლაცი</i> и ихъ положеніе	70— 74

II ЧАСТЬ. Армения.

ВВЕДЕНИЕ	77— 83
--------------------	--------

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Территорія.

«Тун», какъ общій терминъ для территоріальныхъ единицъ	84— 89
«Дзор» ущелье	90
«Ашхаръ» и «еркир»	91
«Кагай», ограда-городъ	91— 94

ГЛАВА ВТОРАЯ. Население.

Родъ, кровная родовая месть	96—100
Организація рода, танутерь— глава рода, система наследованія танутерской власти	100—103
Система престолонаследованія въ царскомъ родѣ и происхожденіе царской власти	103—106
Территоріальная основа власти танутера — правители областей	106—112
Ишханы, ихъ власть	112—115
Вмѣшательство царя въ вопросы объ назначеніи танутеровъ	115—117
«Пативъ» значеніе этого слова	117—120
«Гай»	120—121
Войско и его организація	121—123
Танутерскія крѣпости	123—124
Танутерскія печати	124—125
«Сепуъ», значеніе этого слова	125—128
Сословія: нахарары	128—131
» азаты и азатворди	132—133
» рамикы	133
» востаники	133—134
» шиваканы	134—135
» рабы	135

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137—147
----------------------	---------

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задачей автора было изучить древнѣйшій государственный строй Грузіи и Арменіи; во время изученія онъ совершенно не пользовался данными ванскихъ клинообразныхъ надписей въ виду того, что языкъ этихъ надписей еще почти совершенно не изученъ ни лексически, ни грамматически; да кромѣ того всѣ интересные для него термивы передаются въ надписяхъ большей частью идиограммами, и для намѣченной цѣли не имѣютъ никакого значенія. Вслѣдствіе этого пришлось къ сожалѣнію отказаться отъ пользованія ванскими надписями.

Въ части объ Арменіи не цитируется книга Hübschmann'a Die Altarmenischen Ortsnamen (Indogermanische Forschungen, B. XVI) въ виду того, что работа объ территоріальныхъ названіяхъ произведена нами самостоятельно и ничего существенно новаго трудъ Hübschmann'a не даетъ.

ГРУЗИЯ.

Введение.

Въ современной исторической литературѣ о Грузіи вопросъ, изученію котораго посвящено данное изслѣдованіе, почти совершенно не разработанъ: поэтому автору приходилось производить разысканія въ этой области впервые — задача была въ высшей степени трудная и сложная. Правда, еще знаменитый грузинскій ученый царевичъ Вахуштій взялся за выясненіе государственнаго строя Грузіи и въ своемъ введеніи къ *Географическому описанію Грузіи* (ქსეველი. 967-ბი და ხუკულბანი სქანოველსანი. См. изд. M. Brosset Description géographique de la Géorgie. стр. 4—7; 10—22) пытался дать общій очеркъ государственной организаціи, сословіи, войска, правосудія и компетенціи должностныхъ лицъ; у него замѣтно даже желаніе соблюдать историческую перспективу, выяснить, съ какого времени появляется тотъ или иной институтъ (ср. напр. *ibid.* стр. 28—29, гдѣ онъ говоритъ о дополнительныхъ привилегіяхъ мтаваровъ, объ учрежденіи должности перваго министра и атабекскаго званія), тѣмъ не менѣе выполненіе задачи нельзя признать удачнымъ: основной недостатокъ заключается въ томъ, что современные автору порядки вліяли на его представленіе о государственномъ строѣ древней Грузіи: именно историческая перспектива соблюдена весьма слабо; авторъ не изучалъ вопроса детально по эпохамъ. Кроме того, имѣются недочеты и въ классификаціи (такъ напр. эриставское достоинство Вахуштій относитъ къ сословіямъ см. *ibid.* стр. 10—11) и т. д.

За выясненіе государственнаго строя древней Грузіи принимался и царевичъ Теймуразъ *), и ему удалось нарисовать картину древнѣй-

*) *საქართველოს*.

шей эпохи весьма удачно и приближающуюся къ той, которая будетъ представлена читателю на основаніи сравнительнаго изученія извѣстѣй греческихъ и туземныхъ источниковъ.

Существеннымъ недостаткомъ изложенія Теймураза по этому вопросу должна быть признана полная голословность и отсутствіе ссылокъ; въ виду этого невозможно установить, были-ли у него какіе-либо матеріалы, напр. относительно совѣта выборныхъ, порядка и состава судовъ и т. п., или онъ руководствовался въ подобныхъ случаяхъ аналогіей со строемъ другихъ государствъ; выяснить же это было весьма важно, такъ какъ имѣющіеся теперь матеріалы, несмотря на то, что за послѣдніе двадцать лѣтъ найдено много новыхъ источниковъ, не даютъ никакихъ свѣдѣній относительно существованія совѣта выборныхъ. Несмотря на этотъ важный недостатокъ, изложеніе Теймураза, нарисованная имъ картина соціального строя древнѣйшей эпохи Грузіи, настолько интересна и можетъ быть во многихъ случаяхъ оправдана историческими свидѣтельствами, что вполне естественно было ожидать, что послѣдующіе изслѣдователи пошли бы по намѣченному пути и дали бы уже обоснованныя монографіи о государственномъ строѣ Грузіи за интересующій насъ періодъ. Однако, на самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ не такъ. Уже М. Броссе въ своей Исторіи Грузіи вернулся къ традиціонному представленію и слѣдовалъ въ изложеніи исторіи древнѣйшаго періода Грузіи за «Картлисъ Цховреба» (см. его საქართველოს ისტორია. I, стр. 10—11).

Равнымъ образомъ, хотя онъ въ своемъ *Essai sur l'organisation sociale de la Géorgie, au moyen des chartes* (см. *Histoire de la Géorgie Introduction et Tables de matières*) и приводитъ описаніе государственнаго строя Иберіи, принадлежащее перу знаменитаго географа Страбона — основной источникъ для изучаемаго вопроса, — но оставляетъ его безъ коментарій; между тѣмъ какъ, при знакомствѣ съ изложеніемъ ц. Теймураза, это описаніе естественно должно было привлечь его вниманіе и уяснить ему соціальный строй древней Грузіи.

Такъ безслѣдно прошло и описаніе Страбона и набросанная царевичемъ Теймуразомъ картина для Броссе и остальныхъ изслѣдователей грузинской исторіи; ни Д. Бакрадзе (საქართველოს ისტორია), ни Ф. Жорданія (Хроники и др. кн. I), ни М. Джанашвили (საქართველოს ისტორია), занимавшіеся начальнымъ періодомъ прошлаго грузинскаго народа, не отошли существенно отъ традиціоннаго представленія, а слѣдовали всецѣло за «Картлисъ Цховреба», видя подъ вліяніемъ остро-

умной, но не вполне правильной теории Сень-Мартена (Vivien de Saint-Martin. *Recherches sur les populations primitives et le plus ancien traditions du Caucase*, Paris, 1847, стр. 48—67) въ начальной части этого памятника отраженіе народныхъ преданій мифологическаго періода; между тѣмъ какъ она является продуктомъ книжнаго, ученаго представленія грузинскаго историка Леонтія Мровели. Такимъ образомъ, труды историковъ оказались совершенно безрезультатными по отношенію къ изученію социальнаго строя древней Грузіи. Съ другой стороны, хотя увлеченіе, вызванное соціологіей и сравнительной этнографіей, и возбудило въ грузинской литературѣ большое оживленіе: появилось много хорошихъ и интересныхъ работъ, посвященныхъ изслѣдованію обычаевъ грузинскаго народа, а сравнительное изученіе соціологическихъ явленій, наблюдаемыхъ у грузинскихъ племенъ, привело извѣстнаго русскаго ученаго М. Ковалевскаго даже къ весьма важнымъ и любопытнымъ выводамъ (Законъ и обычай на Кавказѣ), — но и это теченіе осталось безрезультатнымъ для выясненія государственнаго строя древней Грузіи: историки оставались глухи къ этому движенію и не пытались изучить древне-грузинскіе историческіе памятники съ соціологической точки зрѣнія; соціологи и этнографы же съ своей стороны не брались за такую задачу и, если затрагивали извѣстныя имъ историческія свѣдѣнія, то только случайно, мимоходомъ; и вотъ, предстояла задача, изучить для выясненія государственнаго строя древней Грузіи историческіе памятники сами по себѣ, безъ привлеченія современныхъ этнографическихъ матеріаловъ; однимъ словомъ, извлечь все, что можно взять изъ историческихъ свѣдѣній, для выясненія интересующаго насъ вопроса; вполне понятно, что изученіе съ этой точки зрѣнія грузинскихъ матеріаловъ должно было идти параллельно и сравнительно съ изученіемъ сообщаемыхъ классическими писателями свѣдѣній о древней Грузіи.

Работа продѣлана, изслѣдованіе закончено и картина государственнаго строя древней Грузіи, которая представится читателю, — далеко несовершенна; имѣющіяся историческія данныя чрезмерно скудны и отрывочны, чтобы возможно было полностью возстановить социальную жизнь древнѣйшаго періода Грузіи. Автору даннаго изслѣдованія кажется только, что, несмотря на неполноту картины, его труды въ отношеніи выясненія государственнаго строя, происхожденія царской власти, территориальныхъ дѣленій и основъ сословнаго различія не остались совершенно безрезультатными: дальнѣйшія ра-

боты въ этомъ направленіи, новые матеріалы, которыхъ, можно надѣяться, въ послѣдствіи найдется немало, выводы доисторической археологій Кавказа, находящейся въ данный моментъ еще въ зачаточномъ состояніи, и данныя сравнительной лингвистики, еще только зарождающейся, дадутъ въ будущемъ возможность восполнить добытые скудные результаты. Данный трудъ касается исключительно древнѣйшаго періода; вопросы о политикѣ римской имперіи и сасанидскаго правительства и вліяніи этой политики на строй грузинскаго общества почти совершенно не затронуты, въ виду того, что авторъ предполагаетъ посвятить имъ специальную монографію; точно также выдѣлена для специальной монографіи глава объ разселеніи картвельскихъ племенъ, такъ какъ для полной разработки даннаго вопроса оказались необходимыми нѣкоторые лингвистическіе экскурсы, выполненіе которыхъ въ настоящій моментъ представлялось невозможнымъ; такимъ образомъ, задачей подлежащаго изслѣдованія является изученіе исключительно государственнаго строя древней Грузіи; при этомъ были привлечены сохранившіяся у греческихъ писателей интересныя свѣдѣнія о социальномъ строѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ *), хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. тчаны, живущіе по южному побережью Чернаго моря, никогда, даже во времена высшаго политическаго могущества Грузіи, не входили въ составъ грузинскаго государства, — но это было важно для сравнительнаго изученія социальныхъ институтовъ картвельскихъ племенъ.

Изученіе государственнаго строя Грузіи возможно только по даннымъ туземныхъ и классическихъ писателей; притомъ, для выясненія положенія вещей, особенно за древнѣйшій періодъ, приходится обращаться преимущественно къ греческимъ памятникамъ, такъ какъ туземный источникъ, «Картлисъ Цховреба», какъ это будетъ установлено ниже, даетъ мало реальныхъ фактовъ изъ начальной эпохи грузинскаго государства. Конечно, подобное преобладаніе свѣдѣній иностранныхъ историковъ не можетъ не отразиться на изслѣдованіи государственнаго строя Грузіи: греческіе и римскіе писатели, естественно, обращали вниманіе на Грузію постолько, поскольку они приходили съ ней въ соприкосновеніе, поскольку этого требовали ихъ

*) Къ таковымъ относятся кардухи, халибы, моссинойки, таохи, скиенны, макроны и другіе; лингвистическія и историческія данныя, которыя заставляютъ ихъ отнести къ картвельской группѣ, будутъ приведены въ изслѣдованіи объ разселеніи картвельскихъ племенъ.

государственные и экономическіе интересы. Однако и въ этомъ преобладаніи иностранныхъ наблюдателей есть одна своя незамѣтная сторона, въ высшей степени драгоцѣнное качество: чужеземному, постороннему наблюдателю и ученому легче замѣтить особенности социальнаго строя изучаемой страны: каждое уклоненіе отъ ему извѣстныхъ нормъ невольно бросается въ глаза, естественно интересуется его новизной, — и онъ вноситъ свѣдѣнія объ этомъ въ свое произведеніе, въ то время какъ отечественный историкъ не обратилъ бы на нихъ, какъ на общезвѣстныя явленія, никакого вниманія, обошелъ бы молчаніемъ, — и благодаря этому многое, что особенно характерно для грузинской жизни, могло бы остаться незамѣченнымъ. Къ сожалѣнію, и свѣдѣнія классическихъ писателей не достаточно обильны, въ добавокъ, отрывочны и относятся къ различнымъ эпохамъ. Лучшее изъ описаній государственнаго строя Грузіи, которое можетъ служить опорнымъ пунктомъ, базисомъ для тѣхъ или иныхъ научныхъ построеній и выводовъ, принадлежитъ перу знаменитаго географа Страбона и относится къ началу перваго вѣка нашей эры. Съ изученія этого превосходнаго описанія и начнется данное изслѣдованіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Соціальный строй и происхожденіе царской власти.

Τέτταρα δὲ καὶ γένη τῶν ἀνθρώπων οἰκεῖ τὴν χώραν· ἓν μὲν καὶ πρῶτον, ἐξ οὗ τοὺς βασιλέας καθιστᾶσι, κατ' ἀγχιστεῖαντε καὶ ἡλικίαν τὸν πρεσβύτατον, ὁ δὲ δεύτερος δικαιοδοτεῖ καὶ στρατηλατεῖ. δεύτερον δὲ τὸ τῶν ἱερέων, οἳ ἐπιμελοῦνται καὶ τῶν πρὸς τοὺς ὁμόρους δικαίων· τρίτον δὲ τὸ τῶν στρατενομένων καὶ γεωργούντων· τέταρτον δὲ τὸ τῶν λαῶν, οἳ βασιλικοὶ δοῦλοι εἰσι, καὶ πάντα διακονοῦντι τὰ πρὸς τὸν βίον. κοινὰ δ' εἰσὶν αὐτοῖς αἱ κτήσεις κατὰ συγγένειαν. ἄρχει δὲ καὶ ταμειεὶ ἐκάστην ὁ πρεσβύτατος. τοιοῦτοι μὲν οἱ Ἰβηρες καὶ ἡ χώρα αὐτῶν (Geographia, Lib. XI, cap. III, Латышевъ, Извѣстія, стр. 140).

«Четыре рода людей населяетъ страну», говоритъ Страбонъ, «одинъ и первый изъ нихъ, изъ котораго ставятъ царей, по близости и возрасту самого старшаго [послѣ умершаго царя],— второе же [лицо послѣ царя] отправляетъ правосудіе и предводительствуетъ войскомъ. Второй — [состоитъ] изъ жрецовъ, которые вѣдаютъ в спорными дѣлами съ сосѣдями; третій — изъ тѣхъ, которые занимаются военнымъ дѣломъ и земледѣліемъ; четвертый — изъ простолюдиновъ, которые являются царскими рабами и обслуживаютъ царя всѣмъ [необходимымъ] для жизни. Имущества же у нихъ (т. е. населенія Иберіи) общи по родамъ; управляетъ же и распоряжается имуществомъ [каждаго рода] старѣйшій. Таковы Иберы и ихъ страна».

Въ переводѣ допущено сравнительно съ переводомъ акад. Латышева нѣсколько отступленій, имѣющихъ принципиальное значеніе для выясненія общественнаго строя Грузіи; о каждомъ изъ нихъ будетъ сказано своевременно, за исключеніемъ перваго отступленія, а

именно, перевода слова γένη черезъ родъ; употреблять слово «классъ», какъ это дѣлаетъ г. Латышевъ, неудобно потому, что въ современной научной литературѣ оно имѣетъ вполне опредѣленное значеніе и указываетъ на дѣленіе общества по экономическому положенію, — между тѣмъ изъ описанія видно, что Страбонъ имѣлъ въ виду представить читателю дѣленіе жителей Грузіи по социальному положенію; а такъ какъ употребленное акад. Латышевымъ слово «классъ» могло ввести въ этомъ отношеніи въ заблужденіе, то казалось лучшимъ передать γένη болѣе общимъ выраженіемъ «четыре рода людей».

Изъ описанія Страбона ясно видно, во-первыхъ, что въ началъ *перваго вѣка нашей эры въ Грузіи частная собственность еще не существовала, имѣнія составляли общую родовую собственность*; болѣе того, авторъ указываетъ также на одну черту, лучше уясняющую положеніе дѣла, — онъ говоритъ «управляетъ же и распоряжается имуществомъ [каждаго рода] старѣйшій [членъ рода]», слѣдовательно у нихъ не только имѣніе, но и способъ эксплуатаціи и пользованія имуществомъ былъ общинно-родовымъ; такимъ образомъ, *родъ представлялъ изъ себя основу социальнаго строя тогдашняго грузинскаго общества*; управленіе и власть принадлежали старѣйшему члену рода. Далѣе, если обратить вниманіе на слова Страбона касательно порядка престолонаслѣдованія въ грузинскомъ царствѣ, то нельзя не замѣтить, что и при управленіи отдѣльными родами и въ царскомъ родѣ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ старшинства: вѣдь авторъ описанія говоритъ, что царемъ ставили всегда «самаго старшаго по возрасту и ближайшаго» послѣ умершаго суверена, т. е. точно также, какъ въ отдѣльныхъ родахъ; *слѣдовательно, царская власть въ Грузіи была организована на подобіе власти старѣйшаго въ любомъ отдѣльномъ родѣ*; разница заключалась только въ томъ, что царь былъ въ то же время главой рода, пользовавшагося привилегіей выставлять изъ своей среды сувереновъ грузинскаго народа. Отсюда мы заключаемъ, что *родъ и родовой строй должны считаться основой не только социальнаго строя, но и основой царской власти въ Грузіи*.

Какъ долженъ былъ именоваться въ изначальную эпоху грузинскій царь, представлявшій, какъ было указано, главу рода съ исключительными правами. Страбонъ называетъ его басилевсомъ; на грузинскомъ языкѣ существуетъ два названія: ბაჲჲ и ბაჲჲმეფეობა; обычное названіе царя ბაჲჲ «меіе» представляетъ изъ себя позднѣйшую форму, происшедшую изъ ბაჲჲმეფე «меуіе» слова, обозначающаго господина,

власть имущаго: въ евангельскомъ текстѣ, даже въ современномъ, для передачи понятія царь въ большинствѣ случаевъ употребляется форма «мэупэ». По подсчету, если я только не ошибся, двадцать разъ стоитъ «меупэ» (Мат. XVIII,23; XXI,5; XXII,2; XXV, 34,40; XXVII, 11,37,42; Маркъ XV,2,9,26,32; Лука XIX,38; XXIII,2,38; Иоанъ XII,15; XVIII,37; XIX,8,12,19;) и только въ семи случаяхъ «мэпэ» (Мат. X,18; XIV,9; XVII,35; Маркъ VI,22; XIII,9; Лука I,5; XXI,12), при этомъ въ соответственныхъ мѣстахъ въ греческомъ текстѣ имѣется βασιλεύς, а въ армянскомъ же въ 17 случаяхъ употреблено *թագաւոր*, а въ трехъ (Марка XV,32; Луки XXIII,38 и Иоанна XIX,9) *արքայ*, оба слова одинаково обозначаютъ «царя». Въ современномъ евангельскомъ текстѣ только въ семи случаяхъ, какъ было указано, употреблена форма «мэпэ». Такимъ образомъ, преобладающее количество случаевъ указываетъ на древнѣйшую форму «мэупэ»; такихъ случаевъ было бы гораздо больше, если бы у насъ имѣлось критическое изданіе по всѣмъ древнѣйшимъ рукописямъ грузинскаго текста Евангелія.

«Хелмтципэ» *კელმწიფე* («хэли»=рука, власть и *მწიფე* «мтципэ»=спѣлый, полный) для обозначенія царя въ древнѣйшую эпоху почти совсѣмъ не употребляется: единственный разъ въ грузинскомъ текстѣ Евангелія встрѣчается слово «хэлмтципэ» у Луки въ XIX,17, гдѣ сказано «*იყუ შებ კელმწიფე ათაზკელა ქალაქთა*», но и въ данномъ мѣстѣ это слово не обозначаетъ царя, а власть имущаго, что ясно видно изъ соответственнаго мѣста греческаго Евангелія, въ которомъ стоитъ *ἰσθὶ ἐξουσίαν ἔχων ἐπάνω δέχα πόλεων*.

Сообразно со своимъ этимологическимъ значеніемъ въ древнѣйшую эпоху это слово употреблялось совершенно безотносительно и безразлично, кого-бы ни касалось: шла-ли рѣчь о высшемъ государственномъ сановникѣ, либо объ какомъ-нибудь незначительномъ административномъ чинѣ; такъ напр., въ *Житіи Евставія Мцхетскаго* ремесленники Мцхета обращаются къ коменданту города по поводу одного судебного процесса съ такой фразой:

«*გაგი ერთი ჩუენისა ქსუჯლის-
განი... აწ შენ მოუწოდე და ქკითხე,
რამეთუ ამას ქალაქსა შინა
კელმწიფე ხარ*» (изд. Сабинина
Рай Грузія, стр. 313).

«[есть здѣсь] одинъ человекъ
нашей вѣры... призови и допроси
его, потому что ты властитель
(хэлмтципэ) въ этомъ го-
родѣ».

Съ своей стороны комендантъ Мцхета, указывая на ограниченность своей власти въ вопросахъ, касающихся жизни и смерти гражданъ, употребляетъ выраженіе, еще яснѣе показывающее дѣйствительное значеніе термина კელმწიფე; окончивъ допросъ, онъ сказалъ:

«ამის კაცისა ჰატყვი მე არა
რამე კელმწიფეების, არცა აღბა
ძელსა, არცა ჰერობილება»... (ibid.
314).

«Я не имѣю власти (хел-
метцнѣбисъ) наказать этого че-
ловка, ни подвѣсить на крестѣ,
ни арестовать».

Также достойно вниманія, напр., что историкъ Сумбатъ, авторъ сочиненія о *Происхожденіи Багратидовъ*, говорить про власть эристава Ашота Куропалата:

«განამტკიცა კელმწიფეობა მისი
ბებთა ბერქენთა მეფისათა» (см.
Три ист. Хроники, Такайшвили,
53).

«Утвердилъ свою власть
(хелмтцнѣба) волею царя гре-
ковъ».

Итакъ, оба наименованія и მეფე მეპე и კელმწიფე хелмтцнѣ по своему этимологическому составу обозначаютъ господина, властителя, т. е. представляетъ нехарактерную черту власти и происхожденія грузинскаго царя и могли употребляться и употреблялись для обозначенія и всякой иной власти. Грузинскіе историческіе памятники сохранили то названіе, которое употреблялось въ древнѣйшую эпоху въ Грузіи для обозначенія суверена. Въ начальной части «Картлисъ Цховреба» *) у Леонтія Мровели встрѣчается нѣсколько мѣсть, въ которыхъ имѣются данныя объ этомъ; такъ напр., въ одномъ изъ нихъ говорится:

«თურქნი: ოტებულნი: მისვე:
ქახოსროსკან: გამოვლეს: ზღუა:
გურგანისი... და: მოვიდეს: მცხე-
თას: სახლი: ოცდა: რვა: და ეზრა-
ხეს: მამასახლისს: მცხეთისს:
აღუთქვეს: შეწევს: სპარსთა: ზედა:

«Турки, обращенные тѣмъ же
Кейхосровомъ въ бѣгство, пере-
плыли Гурганское море и при-
шли въ Мцхетъ [въ количествѣ]
28 домовъ и повели переговоры
съ мамасахлис'омъ Мцхета и

*) Начальная часть «Картлисъ Цховреба», повѣствующая о древнѣйшемъ періодѣ груз. исторіи вплоть до царя Вахтанга Гургасала, часть, которой постоянно приходится пользоваться, принадлежитъ, какъ это видно изъ записи (см. Карт. Цх. ред. ц. Марія, стр. 211 и над. З. Чичинадзе, стр. 261) перу груз. историка Леонтія Мровели; поэтому каждый разъ, когда ниже будетъ ссылка на произведеніе Леонтія Мровели, иужо подразумѣвать вышеуказанную часть «Карт. Цхов.».

ხელა: მამასხლის მან: მცხეთელ-
მან: აუწყა: ყოველთა: ქართულთა:
ინებეს... (Редакция ц. Маріи, изд.
Е. Такайшвили, стр. 12).

общались ему помогать про-
тивъ персовъ; а мцхетскій ма-
сахлисъ сообщилъ объ этомъ
всѣмъ грузинамъ и тѣ поже-
лали [принять Турокъ].»

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о достовѣрности самаго случая, сообщаемого авторомъ вышеприведеннаго отрывка, нужно обратить вниманіе на то, какъ онъ именуется главу Грузіи, грузинскаго народа; онъ не называетъ его мѣпе или хелмтцїиѣ, обычными грузинскими терминами для обозначенія суверена; историкъ употребляетъ рѣдкое наименованіе мамасахлиси; это слово по своему этимологическому составу обозначаетъ «отца дома (მამა, мама, сахлиси, род. отъ сахли)»; такимъ образомъ, по словамъ историка глава грузинскаго народа носилъ названіе «мцхетїса мамасахлиси», то есть «отца дома Мцхета», или *мцхетскаю отца дома*.

Авторъ вышеприведеннаго отрывка даетъ одно еще болѣе важное свѣдѣніе, поясняющее употребляемое имъ рѣдкое названіе; излагая начальный періодъ грузинской исторіи, авторъ говоритъ:

«არავინ იყო მათ შორის უწარ-
ხინებულეს და უსახელავანეს, არა-
მედ ადგილითიადგილად თავადნი
იხინიან: ხელა რომელიცა იყვნის
მცხეთას იგი იყვნის ყოველთა-
მათ სხუათა ზედა, და არცა სსხელადე-
ბოდა მეფედ, არცა ერისთავად, არა-
მედ მამასხლისი ეწოდებოდათ და
იგი იყვის მსახვებელ და ბჭე სხუათა
ქართლსიანთა, რამეთუ ქალაქი
მცხეთა განდიდებულ იყო უმეტეს
ყოველთასა და უწოდდეს დედაქა-
ლასად» (Кар. Цхов. изд. 3. Чи-
чинадзе, стр. 24; въ редакціи ц.
Маріи это мѣсто дефектно, см.
изд. Е. Такайшвили, стр. 8).

«никто не былъ исключительно
выдающимся и именитымъ, но
въ разныхъ мѣстахъ ставили для
себя главарей, — тѣ же [гла-
вари], которые были во Мцхетѣ,
стояли надъ всѣми остальными
[главарями] и не именовались они
ни царями, ни эриставами, а назы-
вались мамасахлис'ами и онъ (т.
е. мцхетскій мамасахлисъ) бывалъ
примирителемъ и судьей потом-
ковъ Картлоса, такъ какъ го-
родъ Мцхетъ болѣе всѣхъ дру-
гихъ былъ великъ и называли
его матерью городовъ».

Итакъ, по словамъ историка, въ первоначальный, древнѣйшій
періодъ царя въ Грузіи не носили того наименованія, которое было

обычнымъ въ послѣдующую эпоху, ему современную. Достойно вниманія при этомъ то обстоятельство, что авторъ въ числѣ возможныхъ названій царя указываетъ и на терминъ «эристави»; это даетъ основаніе предположить, что историкъ долженъ былъ жить въ такое время, когда «эриставы» дѣйствительно являлись представителями или замѣстителями царской власти, а это, какъ извѣстно, въ Грузіи имѣло мѣсто VIII—IX в., особенно въ первоначальный періодъ владычества Тао-кларджетскихъ Багратидовъ. Историкъ указываетъ съ особеннымъ подчеркиваніемъ на разницу, имѣвшую мѣсто въ наименованіи царской власти, и это заслуживаетъ особеннаго вниманія, очевидно, разъ историку приходилось напоминать современнымъ ему читателямъ, что въ древности грузинскіе цари назывались мамасхалисами, это показываетъ, что подобное наименованіе суверенной власти было уже неизвѣстно; оно давно, видимо, уступило мѣсто терминамъ «мепе» царь, и «эристави».

И если, несмотря на это, историкъ не былъ введенъ въ заблужденіе обычнымъ представленіемъ, рѣчь о которомъ будетъ еще ниже, это нужно объяснить какимъ-нибудь хорошимъ, древнимъ историческимъ памятникомъ, бывшимъ, вѣроятно, у него подъ руками. Итакъ, царь въ изначальный періодъ государственной жизни Грузіи назывался мамасхалис'омъ, т. е. «отцемъ дома, семьи». Какіе-же должны были быть въ древнѣйшую эпоху семья, дома; что, собственно, нужно подъ этими словами подразумѣвать? Изъ описанія Страбона мы видѣли, что самая основная единица социальнаго дѣленія былъ родъ, имѣнія были общи и управлялись самымъ старшимъ членомъ всего рода; родъ жилъ какъ бы одной семьей; это, конечно, еще не обозначаетъ, что всѣ сородичи должны были находиться подъ одной кровлей, — они жили одной родовой семьей, общей социальной жизнью; слѣдовательно подъ семьей, домомъ, въ изначальный періодъ грузинской государственности нужно понимать родъ, родовую семью, родовой домъ; меньшее дѣленіе было неизвѣстно; значить «мамасхалиси» должно было обозначать «отца рода», или вѣрнѣе отца родовой семьи, иначе говоря, самого старшаго члена, того самого, который по словамъ Страбона распоряжался и управлялъ родовымъ имуществомъ. Итакъ, мы видимъ, что для наименованія царя въ древнѣйшую эпоху употреблялось тоже названіе, которое обозначало главу рода; эта тождественность названій для царя и главы рода ясно представляетъ намъ характеръ происхожденія царской власти въ Грузіи, организацію ея сообразно съ организаціей въ отдѣль-

ныхъ родахъ и значеніе родового строя, какъ основы государственной жизни древней Грузіи. Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что вышеприведенныя свѣдѣнія груз. историка совпадаютъ съ описаніемъ знаменитаго греческаго географа. Комментируемый нами отрывокъ любопытенъ и въ другомъ отношеніи: историкъ указываетъ, что въ Грузіи ставили главарей, что однимъ изъ такихъ главарей являлся и мцхетскій мамасахлиси, пользовавшійся однако высшей привилегіей; слѣдовательно и мцхетскаго «мамасахлис'а ставили; на это указываетъ и Страбонъ, употребляя фразу «*τοὺς βασιλείας χαριστᾶσιν*»; и въ данномъ случаѣ наблюдается совпаденіе свѣдѣній. Это согласіе грузинскаго историка съ данными греческаго географа тѣмъ болѣе важно для подтвержденія высказанной нами мысли объ использованіи авторомъ какого-то древняго грузинскаго лѣтописца, что авторъ въ дальнѣйшей, да и въ предыдущей части своего произведенія, находится подъ сильнымъ, можно сказать, рабскимъ вліяніемъ шаблонныхъ, современныхъ ему представленій о происхожденіи и особенно о прямомъ престолонаслѣдованіи царской власти, между тѣмъ какъ въ изучаемомъ отрывкѣ ясно говорится о томъ, что главарей ставило населеніе.

Далѣе, изъ указанія историка видно, что главари, которыхъ ставили въ различныхъ мѣстахъ, являлись въ своихъ районахъ тѣмъ-же, чѣмъ мцхетскій «мамасахлиси» въ своемъ; разница заключалась только въ нѣкоторыхъ преимуществахъ, которыми пользовался онъ по отношенію къ остальнымъ главарямъ и народу: онъ *соб. primus inter pares*. Можно думать поэтому, что и главари остальныхъ мѣстностей должны были носить названія мамасахлисовъ, при этомъ, конечно, каждый изъ нихъ вмѣсто мцхетиса въ наименованіи имѣлъ бы названіе ему подчиненной области, либо города. Но для того, чтобы это правдоподобное предположеніе доказать и сдѣлать несомнѣннымъ, необходимо привести случай упоминанія въ историческихъ памятникахъ еще хоть одного изъ мамасахлисовъ. Къ счастью, одинъ агеографическій памятникъ сохранилъ намъ подобное упоминаніе, дѣлающее предположеніе несомнѣннымъ. Въ мученичествѣ Евстаѳія Мцхетскаго, которое относится къ концу VI вѣка (см. *Das Martyrium des heilig. Eustatius von Mzchetha*. въ *Sitzungsb. d. K. P. Akad. d. Wissen. zu Berlin*, 1901, XXXVIII, S. 21) въ числѣ правительствующихъ лицъ (მთავრნი ქართველნი) Грузіи, которые явились проститься съ представителемъ персидскаго государя марзпаномъ, отозваннымъ ко двору, упомянуть на первомъ мѣстѣ послѣ католикоса გრიგოლ ქართველთა მამასახლისი

(см. Рай Грузин, изд. Сабинина, стр. 315) Григорій мамасаклиси Карталинин.

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ независимое и несомнѣнное свидѣтельство того, что главари, или правители различныхъ областей Грузин дѣйствительно носили названіе мамасаклис'овъ и что власть ихъ, слѣдовательно, была такого-же происхожденія и свойства, какъ власть грузинскихъ сувереновъ, имѣвшихъ резиденцію во Мцхетѣ; а это обстоятельство еще лишній разъ свидѣтельствуесть о достовѣрности и пѣнности комментируемаго отрывка грузинскаго историка. Но это не все, изъ законодательнаго памятника XI вѣка, именно изъ одного эксцерпта изъ соборнаго постановленія при царѣ Багратѣ IV, сохранившемся въ кодексѣ атабековъ Беки и Агбути*), видно, что главныя должностныя лица въ деревняхъ, старшины, назывались мамасаклис'ами; относительно назначенія судей тамъ говорится

...«ვიბცა მოძღვარი იუოს, ანუ მკვეთა წინაჲ ზრდილი და ნამყოფი კაცი იუოს, ან კარგი დიდ-ვაჭარი, ან კარგი სოფლის მამასახლისი იუოს... ის დასვი ბჭედ»... (§ 6)

«кто будетъ духовникомъ, или воспитаннымъ или служившимъ (бывшимъ) при царяхъ, или хорошимъ большимъ купцомъ, или хорошимъ сельскимъ старшиной... того посадите судьями.

Данный отрывокъ показываетъ во-первыхъ, что во всѣхъ деревняхъ существовали еще до даннаго законодательнаго акта старшины, именовавшіеся «мамасаклис'ами»**); законодатель вносилъ только одно измѣненіе: лучшихъ изъ нихъ онъ предоставляетъ возможность облекать и судебными функциями; само названіе старшинъ «мамасаклис'ами», терминомъ родового быта, приводитъ къ мысли, что учрежденіе и названіе мамасаклиса деревни должно восходить къ начальному періоду государственной культуры грузинскаго народа, когда въ деревняхъ, какъ это мы увидимъ ниже, населеніе должно было жить по родамъ; — въ послѣдующую эпоху, особенно въ VII—X вѣкахъ, подобное названіе мамасаклиса не могло быть введено, такъ какъ оно уже уступило мѣсто другимъ, болѣе соответствующимъ жизненнымъ условіямъ и терминамъ, какъ მოძვარი или თავი (напр. ერისთავი, ციხისთავი, ხვეის-

*) Этому вопросу авторъ предполагаетъ посвятить отдѣльное изслѣдованіе, ср. Френкеля Сборникъ законовъ груз. царя Вахтанга VI, стр. 117, прим.

**) Мамасаклисы деревни упомянуты и въ дарственной грамотѣ Шюмгвинскому монастырю отъ 1227—30 г. (см. ზაქ. ატობ. ხსენებ., стр. 53, 54).

თაჳი т. е. зрѣстави (глава народа), цхистავი (глава крѣпости, комендантъ) и хэвистави (глава ущелья).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующій рядъ названій лицъ, облеченныхъ административной властью სოფლის მამასახლისი софлиса мамасახлиси (мамасახлиси деревни), მცხეთის მამასახლისი мцхетისа мамасახлиси (м. города Мцхета) и ქართლის მამასახლისი Картლისа мамасახлиси (м. области Карталинїи), то есть, всѣ административные чины грузинскаго государства, начиная отъ самой маленькой единицы — деревенскаго старшины, вплоть до правителя области и, наконецъ, даже самаго главы государства, носили одно и то же наименованіе мамасახлисовъ, термина родоваго строя, обозначающаго, какъ было уже указано, главу, старѣйшаго члена рода; лица, облеченныя властью, различались въ древнѣйшую эпоху Грузїи только по размѣру и мѣсту имъ подчиненной территорїи (мамасах. деревни — სოფლის, города — მცხეთის, области — ქართლის и т. п.).

Одно это *единство и выдержанность системы наименованій лицъ, облеченныхъ властью, свидѣтельствуетъ объ ея архаичности и исконномъ происхожденїи*; она является отраженїемъ того состоянїя грузинскаго государства, когда родовой строй былъ въ полной силѣ и чужезмное вліяніе не успѣло еще оказать на него разрушительнаго вѣдѣйствїя.

Итакъ, все вышесказанное даетъ намъ возможность заключить, что не только царская власть, но и вся административная іерархїя была организована на подобїе рода; вся она выросла изъ общиннородовыхъ институтовъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ главному общему выводу о томъ, что *родовой строй является основой не только соціальною, но и государственнаю строя Грузїи*.

Переходя въ частности къ вопросу о сферѣ дѣятельности царя-мамасახлиса, нужно оговориться, что этотъ вопросъ не можетъ быть выясненъ съ достаточной полнотою; притомъ, матеріалы даютъ намъ такїя свѣдѣнїя, что приходится говорить скорѣе о томъ, что не входило въ компетенцію царя-мамасახлиса, чѣмъ разрѣшать вопросъ непосредственно о сферѣ его дѣятельности; такъ напр. можно установить, что, какъ военное дѣло, предводительствованїе войскомъ, такъ и отправленїе правосудїя, не входило въ компетенцію царя — этими дѣлами вѣдало второе лицо послѣ суверена, хотя ниже будетъ указанъ и такой случай, когда царь лично руководитъ военными дѣйствїями. Точно также и международные конфликты и споры съ сосѣдними государ-

ствами не входили, согласно описанію Страбона, въ вѣдѣніе царя, а разсматривались и разрѣшались жрецами.

Относительно правосудія можно думать, что второе лицо послѣ царя въ спорныхъ дѣлахъ должно было являться только высшей инстанціей.

Нужно отмѣтить, что по вышеприведенному отрывку Картлисъ Цховреба судебныя функціи входили именно въ кругъ дѣятельности царя-мамасахлиса и въ этомъ случаѣ имѣется явное противорѣчіе даннымъ знаменитаго географа; рѣшить вопросъ, гдѣ въ данномъ пунктѣ правда, нѣтъ пока никакой возможности.

Свѣдѣніе Страбона, какъ мы видѣли, показываетъ, что царская власть составляла привилегію опредѣленнаго круга лицъ, извѣстнаго рода, или группы родовъ, что престолонаслѣдованіе шло не по прямой линіи, а по старшинству. Это свидѣтельство можно было проверить на практикѣ, т. е. можно было разсмотрѣть генеалогическую таблицу грузинскихъ царей и выяснить ставили-ли въ древней Грузіи царемъ-мамасахлисомъ дѣйствительно самого старшаго члена рода? Къ сожалѣнію, на основаніи имѣющихся грузинскихъ и греческихъ историческихъ данныхъ нѣтъ никакой возможности установить правильно не только родственныя отношенія и вопросъ о старшинствѣ грузинскихъ царей, но составить даже точный, вполне надежный, списокъ грузинскихъ сувереновъ древнѣйшей исторической эпохи Грузіи: списокъ, который можно составить на основаніи данныхъ классическихъ писателей, не совпадаетъ со спискомъ, составленнымъ на основаніи «Картлисъ Цховреба».

Такъ напр. согласно свѣдѣніямъ классиковъ-историковъ и «Картлисъ Цховреба» въ Грузіи за періодъ отъ 65 года до Р. Х. до конца IV вѣка нашей эры царствовали слѣдующіе государи:

Классич. пис.	Картл. Цх.:
Артокъ (Αρτόχης) 65 г. до Р. Х. (Arrian, Hist. Romana, de bel. Mithr. СШ. Dio Cassius, Hist. Romana XXXVII, 1 Лат. 537—8 и 612—13).	Бартомъ (66—33 до Р. Х.)
Фарнабазъ (Φαρνάβαζος) 36 г. до Р. Х. (Dio Cas. ibid. XLIX, 24 Лат. 620).	Мирванъ II (33—23)
Митридатъ (= Мирдатель Μιτριδάτης) 35 г. по Р. Х. (Dio Cas. ibid. LVIII, 26 Латыш. 622).	Аршакъ II (23—2 по Р. Х.)
	Адеркъ (2 по Р. Х. 55)
	Бартомъ II (55—72) и Картамъ
	Каось (72—87) и Фарсманъ I
	Армазелъ (87—103) и Азоркъ
	Дерокъ (103—118) и Амзаспъ I

Фарасманъ (Φαρασμάνης) до 41 г. по Р. X. (Dio Cas. ibid. LVIII, 26, Латыш. 622).	Мирдаты I (113—129) и Фарасманъ II
Митридатъ (отъ 41 г. по Р. X.) (Dio Cass. LX, 8; Латыш. 622).	Адамъ (129—132)
Фарасманъ (при Адрианѣ 117—138) Dio Cas. ib. Epit. 3 LXIX, Лат. 622).	Фарасманъ III (132—182)
Миріанъ Meribanes, Merihanes (Халатыянецъ Арм. Арш. 267) 361 г. (Amnian. Marc. lib. XXI, 6, 8).	Амзаспъ II (182—186)
Саурмагъ (Saurmaces, став. Римлянъ, 368—74 г. Amnian. Marc. lib. XXVII, 12, 17).	Ревъ (186—213)
Аспагуръ (Aspacures, став. Персовъ, Amn. Marc. lib. XXVII, 12, 17) 368—74 г.	Ваче (213—231)
	Бакуръ I (231—246)
	Мирдаты II (246—262)
	Аспагуръ (262—265)
	Миріанъ (265—342)

Сличеніе двухъ списковъ показываетъ, насколько трудно установить согласіе между ними; при этомъ, классическіе писатели не сообщаютъ никакихъ данныхъ касательно родственныхъ отношеній грузинскихъ царей, а «Картлисъ Цховреба» хотя и содержитъ въ себѣ кое-какія свѣдѣнія объ этомъ, но вся начальная часть грузинскихъ лѣтописей и особенно генеалогическій списокъ царей настолько сами по себѣ нуждаются въ проверкѣ, что служить они проверкой извѣстій географа-современника ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Итакъ, продемонстрировать на историческихъ данныхъ правильность, или ошибочность сообщаемыхъ Страбономъ свѣдѣній относительно порядка престолонаслѣдованія въ древней Грузіи нѣтъ никакой возможности.

Обычный порядокъ замѣщенія царскаго престола могъ быть, конечно, сохраненъ только при нормальномъ теченіи государственной жизни Грузіи; вполне понятно, что съ распространеніемъ политическаго вліянія на Грузію Рима, а позднѣе и Персіи законный порядокъ престолонаслѣдованія долженъ былъ не разъ нарушаться: какъ одно, такъ и другое государство, употребляло усилія и политическое давленіе для того, чтобы на грузинскомъ престолѣ сидѣло ему покорное и сочувствующее лицо, хотя бы даже по обычному правопорядку и не ему слѣдовало-бы занять вакантный царскій престолъ. Римляне старались прочно утвердиться въ Грузіи, тамъ у нихъ были, по сло-

вамъ Страбона, свои правители, удерживавшіе въ повиновеніи страну, но лишь только Римляне бывали отвлечены другими дѣлами, то жители Иберіи начинали волноваться и возставать (Strabon, Geographia, Lib. VI, cap. 4, § 2; Латышевъ, Изд. 107). Римляне стали брать заложниковъ (Arrian. Hist. Rom. de bel. Mithr. СІІ; Латышевъ, 531) и знатныхъ плѣнниковъ въ Римъ (Arrian ibid. СХVІІ; Латышевъ, 537—8); Діонъ Кассій передаетъ, что Помпей до тѣхъ поръ не соглашался заключить мира съ грузинскимъ царемъ Артокомъ, пока тотъ не прислалъ ему въ качествѣ заложниковъ своихъ дѣтей (Dio Cas. XXXVII, 2; Латышевъ, 614); тотъ же историкъ сообщаетъ, что Гай Калигула (37—71 г.) вызвалъ Митридата Иберскаго въ Римъ и заключилъ въ оковы; только въ 41 году онъ былъ отпущенъ на родину для занятія престола (Dio Cas. LX, 8; Латышевъ, 622). Однимъ словомъ, римляне не довольствовались уже однимъ присутствіемъ ихъ представителей въ Грузіи, а вмѣшивались во внутреннія дѣла, въ вопросы о престолонаслѣдованіи, районѣ власти (см. Dio Cas. Epit. 3 LXIX, 15; у Латышева 622, о томъ, какъ Адріанъ увеличилъ область, подчиненную иберскому царю Фарасману, когда тотъ съ супругой, сыномъ и другими знатными иберами прибылъ въ Римъ) и т. п. При такомъ положеніи дѣлъ, трудно думать, чтобы обычный порядокъ старшинства при замѣщеніи вакантнаго престола могъ въ чистотѣ соблюдаться, въ особенности, когда восточная часть Грузіи подпала позднѣе подъ политическое вліяніе сассанидскаго государства, когда и римляне и персы, каждый въ своей части ставили себѣ угодныхъ царей. Вѣдь и персы также съ неменьшимъ рвеніемъ осуществляли свои политическіе планы, чѣмъ римляне, и вмѣшивались во внутреннюю жизнь страны, до тѣхъ поръ, пока они не добились своего и не уничтожили въ VI вѣкѣ царской власти. Вопросъ о политикѣ римскаго и сассанидскаго правительствъ и вліяніи этой политики на государственный строй древней Грузіи будетъ разсматриваться въ другой книгѣ, а потому здѣсь затрагивается только вскользь.

* * *

Вотъ все то немногое, что можно было выяснитъ на основаніи греческихъ и грузинскихъ данныхъ о происхожденіи царской власти и государственной организаціи Грузіи; скудость выводовъ зависитъ отъ того, что начальная часть «Картлисъ Цховреба», принадлежащая Леонтію Мровели, содержитъ мало такого, что могло бы быть утилизировано для нашей цѣли; эта бесплодность объясняется и обязана

главнымъ образомъ тѣмъ научнымъ приѣмамъ и нормамъ, которые мѣшали автору видѣть дѣйствительность и извлечь изъ нея данныя для интересовавшей его эпохи; произведеніе, имѣвшее колоссальное вліяніе на приѣмы работы и результаты грузинскаго историка, напечатано г. Е. Такайшвили въ качествѣ приложенія къ имъ издаваемому «Картлисъ Цховреба» редакціи ц. Марія; достойно вниманія то обстоятельство, что и въ самой рукописи это сочиненіе предшествуетъ, какъ объ этомъ сообщаетъ почтенный издатель (стр. 786), всей лѣтописи, а слѣдовательно и интересующему насъ произведенію Леонтія Мровели.

Въ этомъ сочиненіи содержится «толкованіе о сотвореніи неба и земли и объ Адамѣ, какъ перенесли (მისცვალეს) его тѣло и похоронили на Голгоѣѣ, преемственность родовъ (ცვალებას ნათესავთს)... и рожденіе (подраз. родословная) патриарховъ отъ Адама до Христа» (см. изд. Е. Такайшвили, стр. 786). Разсказъ ведется съ сотворенія міра и главное вниманіе обращено на жизнь перваго человѣка, патриарха и непрерывную генеологическую преемственность до Христа; при этомъ въ сочиненіи содержится много въ высшей степени характерныхъ представленій о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся происхожденія племенъ, царской власти, языка, порядка престолонаслѣдованія, исторіи вѣрованій и т. д.; тутъ дается одна цѣльная всемірной историческая схема развитія человѣческаго общества; хотя эта сторона изложенія и не составляетъ, какъ это можно видѣть изъ заглавій статей, непосредственной задачи автора, тѣмъ не менѣе, благодаря своему характеру и оригинальности, невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Прежде всего весьма оригинальна и любопытна мысль автора, по которой *царская власть устанавливается съ первыхъ же дней сотворенія человѣка:*

«შეიმოს: სამოსელი: სამეფო:
და დადგა: თავსა: გჯრგჯნი: მეფო-
ბისა: მამინ: იქმნა: აღამ: მეფე:
მღურდელ (sic): წინას: წარმეტყუ-
ელად: მუნ: დასგა (sic) ღთნ: სსუ-
დასსა: ჰსტვიითა... მამინ: ესმა: ან-
გელისათა: ცით: გამო: სამინელი:
სიტყუა: ღთისა: და: ჰქუა: მას: ჳი:
აღამ: აჰა: ესე რა: გეავ: შენ: მეფე:

«одѣлъ онъ», пишетъ авторъ, «царское одѣяніе и возложилъ на главу царскую корону: *тогда сталъ Адамъ царемъ, священникомъ, пророкомъ*; Богъ посадилъ его тамъ на престолъ съ почетомъ (или съ повязкой) и... тогда послышалось ангеламъ съ неба страшное слово Божье и сказалъ

მღუდელ: წინასწარ: მეტყუელ: და:
 მთავარ: და: უფალ: და: განმგებელ:
 და უოველნი: დაბადებულნი: დატე-
 მორჩილნი: შენ: რათა: ხოლო:
 მარტოს: დატემორჩილნი: და:
 და მოგცე: კელმწიფებს: უოვე-
 ლის: რომელი: დავბადე: და: რა-
 უამს: ესმს: ანგელოზთა: სიტყუა:
 ესე: ღთისაგან: მოდრეკეს: და: თა-
 უუნისცეს: ღთის: და: მერმე: ადამს:
 ხატს: ღთისსა: ანგელოზთა: და:
 მთავარანგელოზთა: საეღროთა: უფ-
 ლებთა: და: მთავრობათა: და კელ-
 მწიფებთა: სერაბინ: ქერაბინთა: და:
 დიდებულთა: წმიდათა: მამინ: აღი-
 ეუნა: ღთინ: სამოთხეს: და: კუა-
 ლად: მუნვე: თაუნისცეს: ანგე-
 ლოზთა: წმიდათა:»... (ibid. стр.
 789).

[Богъ] ему: «О Адамъ, вотъ я
 тебя сдѣлаю царемъ, священни-
 комъ, пророкомъ и главой, *ис-*
подиномъ и правителемъ и всѣ
 твари подчинятся тебѣ, чтобы
 одному тебѣ подчинялись они, и
 дамъ тебѣ власть надъ всѣмъ,
 что я сотворилъ. И, когда ангелы
 услышали это слово божье, пре-
 клонили [головы] и *поклонились*
Богу, а потомъ Адаму, образу
 божьему, ангелы и архангелы и
 престолы и власти и начальства
 и серафимы и херувимы и воз-
 величенные святые. Тогда воз-
 велъ Богъ его въ рай и вновь
 поклонились ему тамъ святые
 ангелы».

Право управленія и власть передается отъ отца къ сыну, но
 всегда старшему, слѣдовательно право наслѣдованія идетъ по прямой
 линіи; такъ, напр., послѣ смерти Адама его старшій сынъ

«სეთი: უძლდა: ერსა: თჳსს: გან-
 კებთა: კეთილთა:»... (ibid. 798).

«Свѣтъ *предводительствовалъ на-*
родомъ своимъ, хорошо *управляя*».

А когда Свѣтъ умералъ, то онъ

«აკურთხს: სეთი: ენუქ: ძე: მისი...
 და დაადგინა: გამგედ: ერსა: თჳსსა:
 ზედა: და: აფუცა... რათა: უძლადეს:
 სიმარტლითა:»... (ibid. 799).

«благословилъ Эноха, сына сво-
 его... и *поставилъ его правите-*
лемъ надъ своимъ народомъ и за-
 клиналъ, чтобы онъ справедливо
 велъ ихъ».

«მამინ: დადგა: ენუქ: წინაშე: ღთისს:
 მსახურ: ქუაბსა: მას: საგანძურსა:
 და: განაკება: ერსა: თჳსსა:»... და:
 უძლდა: ერსა: თჳსსა:»... (ibid.
 799),

«Тогда сталъ Энохъ служить пе-
 редъ Богомъ въ пещерѣ бо-
 гатствъ и *управлялъ народомъ*
своимъ и *предводительствовалъ*
народомъ своимъ».

И онъ въ свою очередь, умирая,

«შემოკრიბნა: მამათ: მთავარნი: და: ძე: თჳსი: კანან: და: მალაქელ: და: იარედ: და: ენოქ: და: მათუსალა: და: ძენი: მათნი: და: აკურთხნა: იგინი:... და აკურთხნა: ძე: თჳსი: კანან: და: ამცნო... შენ: იყავ: გამგედ: ერის:» (ibid. 800).

собралъ патриарховъ и сына своего Кайнана и Малалаэла и Иареда и Эноха и Маеусала и сыновей ихъ и благословилъ ихъ... и благословилъ онъ сына своего Кайнана и возвѣстилъ... «будь правителемъ народа».

Когда Кайнанъ почувствовалъ приближеніе смерти, то

«შემოუკრბეს: მას: ყოველნი: მამათ: მთავარნი... და ჭქუა: იხილე: შეიღო: მალაქელ(sic!)... იყავ: შენ: განმგე: ყოველს: ერსა: ზედა:»... (ibid. 800).

«вокругъ него собрались всѣ патриархи... и сказалъ: смотри сынъ Малалаэль... будь правителемъ надъ всѣмъ народомъ».

А онъ съ своей стороны умирая, когда къ нему

«შემოკრბეს: მამად: მთავარნი: იარედ: ჰირშო: ძე: მისი: ენუქ: და: მათუსალა: ლამექ: და: ნოე:... აკურთხნა: იარედ: ძე: თჳსი: და: ამცნო: ...იყავ: განმგებელ: ერის: შენისათა:»... (ibid. 801).

«собрались патриархи: Иаредъ, первенецъ его, Энохъ и Маеусалъ, Ламехъ и Ной... благословилъ Иареда, сына своего, и заповѣдалъ: ... будь правителемъ народа своего».

Затѣмъ наступаетъ эпоха паденія, замѣшательства, когда завѣты предковъ были нарушены и потомки Сива вступили въ общеніе съ Кайнитами (стр. 801—803), послѣдствіемъ чего явилось *уничтоженіе правителей народа* (არცაღა: იოს: გამგე: ერსა: თჳსსა: ზედა: стр. 804); послѣ потопа ко всему этому прибавилось столпотвореніе вавилонское и связанное съ нимъ смѣшеніе языковъ (стр. 813); достойно вниманія, что по словамъ автора до столпотворенія

«იუო: სიტყუა: მათი: ერთ: და: ენასა: ზრახვიდეს: ჯდამისიდგან (sic): ვიდრე: მუნ: დღედმდე: ენასა: ასურულსა: ფრიად: ვრცელსა: ვიდრე: სომხითამდე: და: არს: იგი: მუფე: ყოველსა: ენისა: და: მიერიდ (sic) გან: განეყო: წერილი:» (стр. 812).

«была рѣчь ихъ едина, и однимъ языкомъ говорили отъ Адама до того дня — языкомъ сирійскимъ, [распространеннымъ] на большомъ районѣ, вплоть до Арменіи; этотъ [языкъ] есть царь всѣхъ языковъ и съ того времени только раздѣлилась письменность».

Благодаря столпотворенію, по мнѣнію автора,

«იქმნა: ქუეყანა: სამეოცდა: ათ: ენათა: და: სამეოცდა: ათ: მთავრად: და: უოველსა: ენასა: დადგინეს (sic) მეფე: (стр. 813).

«миръ сталъ [дѣлиться] на семьдесятъ языковъ и семьдесятъ правителей и каждому языку поставили [своего] царя».

Въ то время какъ до раздѣленія языковъ на землѣ было извѣстно только единобожіе и своеобразный, мистическій культъ предковъ (см. стр. 793—794 и слѣд.), послѣ столпотворенія между тѣмъ наступаетъ идолопоклонство.

«შემოვიდა: კერძო: მსახურება: ქუეყანასა: რამეთუ: მას: უამსა: აღარაინ: იყო: მოძღუარნი:... რომელნი: მე: უკებდეს: ცასა: და: სხუანი: მზესა: და: რომელნი: მე: მთავარესა: რომელნი: მე: ვარსკულავთა: და რომელნი: მე: მფრინველთა: და რომელნი: მე: ქუეყანასა: და მკეცთა: და: ხადირთა: და: ქუათა: და: ხეთა» (стр. 814).

«вошло идолопоклонство, говоритъ авторъ, на землю, потому что въ то время не было никого предводителемъ: одни приносили жертвы небу, другіе—солнцу, одни—лунѣ, другіе — звѣздамъ, нѣкоторые—птицамъ, нѣкоторые—землѣ, животнымъ, звѣрямъ, камнямъ и деревьямъ».

Такова общая схема исторіи человѣчества, потомковъ Адама, согласно изложенію автора вышеупомянутыхъ четырехъ трактатовъ; эта своеобразная схема начального періода рода человѣческаго имѣла, какъ было уже объ этомъ сказано, громадное вліяніе на историческое міросозерцаніе грузинскаго писателя Леонтія Мровели.

Въ то время какъ на Западѣ блж. Августинъ, а за нимъ и другіе политическіе мыслители паписты среднихъ вѣковъ утверждали, что до потопа свѣтскую власть получили только безбожники, — первымъ властителемъ среди людей былъ Каинъ, — а послѣ потопа ею пользовались тѣ, которые вели свое происхожденіе отъ проклятаго племени Хама (см. v. Eicken, Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung, J. 1887, S. 358), на Востокѣ, въ частности въ Грузіи на основаніи вышеописанныхъ Толкованій былъ принятъ взглядъ, что царская, свѣтская власть была еще первому человѣку дарована самимъ Богомъ.

Такой точкой зрѣнія и объясняется то, что по словамъ груз. историка Леонтія Мровели старшій изъ восьми братьевъ-этнарховъ Кав-

каза 'Ааосъ былъ царемъ надъ братьями-энартами (ქრ. ცხ. ред. ц. Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 5; ქრ. ცხ. изд. З. Чичинадзе, стр. 20).

Далѣе, если прослѣдить за его описаніемъ начальнаго періода грузинской исторіи, нельзя не замѣтить, какъ отражается схема вышеприведеннаго Толкованія на его представленіи; онъ употребляетъ даже одни и тѣже выраженія: именно, старшій сынъ и у Леонтія считается *правителемъ и господиномъ* надъ потомками Картлоса. Такъ напр., согласно изложенію Леонтія Мровели, послѣ смерти родоначальника грузинъ 'Картлоса его *старшій* сынъ Мцхетосъ

«იყო: განმეკე: და: უფალ: მათ: ოთხთავე: ძმათა: ზედა: ესე: ოთხნივე: იუენეს: მორჩილ: მის:» ('Карт. Цх. ред. ц. Маріи, стр. 6—7).

«былъ *правителемъ и господиномъ* надъ тѣми четырьмя братьями и они всѣ четверо были покорны ему».

Передъ смертью *старшій* сынъ Уплюсъ «былъ отцомъ Мцхетосомъ

...უფლად... დატეკებულ: იყო: სუფარათა: ქართლოსისათა: მამის: მისისგან: მიტეხულ: იყო: უფლებს:... (ib. 7).

оставленъ *господиномъ* на *престолъ* потомковъ 'Картлоса, *власть* была дана ему его *отцомъ*».

Хотя братья и потомки родоначальника грузинъ вскорѣ, по словамъ историка, не захотѣли уже его слушаться; послѣ этого наступаетъ, согласно описанію, смутная эпоха, но лишь только царемъ становится Фарнавазъ, то наследованіе престола идетъ вновь по прямой линіи: отъ него къ его сыну Саурмагу; отъ послѣдняго къ его усыновленному Мирвану (ibid. 23), ибо у Саурмага своего мужскаго потомства не было, Мирвану наследуетъ его сынъ 'Парнаджомъ (ibid. 24); затѣмъ начинаются возстанія эриставовъ, призвавшихъ имъ угодное лицо. Однимъ словомъ, наследованіе суверенной власти, по представленію Леонтія Мровели, шло всегда отъ отца къ старшему сыну, и только смуты и волненія могли нарушить этотъ порядокъ. Между тѣмъ, мы видѣли, изъ описанія современника Страбона, что царская власть переходила именно не по прямой линіи, а всегда къ старшему члену царскаго рода. Вышеуказанная историческая схема, очевидно, заставила его принять систему престолонаследованія по прямой линіи и для Грузіи.

Далѣе, по ознакомленіи съ вышеуказанной схемой становится вполне понятнымъ, что имѣющее у Леонтія свидѣтельство изъ какого-то древняго и хорошаго источника о томъ, что правители въ Грузіи въ древности не носили обычныхъ въ послѣдующую эпоху, а въ другихъ странахъ изстари извѣстныхъ названій «меіе» и «хелм-тципе», но именовались только мамасахлисами, что власть этихъ мамасахлисовъ, наконецъ, не была такъ монархична и централизована, какъ это должно было быть согласно тойже всемірноисторической схемѣ, — могло быть историкомъ объяснено только временно наступившей смутной эпохой въ жизни потомковъ Картлоса; въ подобные моменты вѣдь всегда свѣтская суверенная власть теряетъ свою неограниченность и силу; зато когда смута прошла, въ Грузіи по словамъ Л. Мровели возстановилась царская власть въ формѣ неограниченной монархіи; первый реставраторъ-царь Фарнавазъ является поэтому у грузинскаго историка потомкомъ Уплоса (ქრ. ცხ. რ. ძ. მარია, стр. 16—17, 18), при которомъ и произошло паденіе суверенной власти, такъ что онъ является по закону наследственности носителемъ царской власти въ Грузіи.

Аналогія между двумя интересующими насъ произведеніями можетъ быть проведена дальше:

Какъ по вышеупомянутой схемѣ вначалѣ, при *царяхъ-правителяхъ*, было извѣстно только единобожіе да культъ предковъ, и только позднѣе наступаетъ эпоха язычества, такъ и въ Грузіи, по изложенію Леонтія Мровели, только послѣ того, какъ *потомки* родоначальника грузинъ *перестали повиноваться старшему сыну Мухетоса*,

«დაივიწყეს: ღთი: დაშხდებელი:
მათი: და: იქმნეს: მსხურ: მზის:
და: მთავარის: და: ვარსკვლავთა:
ხუთთა: და: მტკიცე: და: უფროსი:
მათი: სავიჯარი: იყო: [სავლავი]:
ქართლოსისი:» (ibid. 8, სრ. ქრ. ცხ.
изд. Чичинадзе, 24).

«забыли Бога Творца ихъ и стали поклоняться солнцу, лунѣ и пяти звѣздамъ и наикрѣпчайшая и высшая клятва ихъ была могила 'Картлоса».

Тутъ интересно то, что характеръ язычества въ обоихъ случаяхъ одинаковъ: предметы, которымъ поклонялись и тѣ и другіе, почти дословно повторяются и причиной соvrащенія въ язычество въ обоихъ случаяхъ является *отсутствие царской власти и предводителей*.

Adambuch, S. 10). К. Бецольдъ не успѣлъ еще обнародовать своего изслѣдованія касательно данного сочиненія; на его разысканія, насколько можно судить по предварительному сообщенію, привели къ заключенію, что Schatzhöhle должно было возникнуть въ сирійской литературѣ приблизительно въ VI вѣкѣ нашей эры, и хотя, какъ это уже высказали Дилльманъ и Рѳншъ, и не можетъ принадлежать перу знаменитаго сирійскаго отца Ефрема, тѣмъ не менѣе вышло вѣроятно изъ литературныхъ круговъ, принадлежавшихъ къ его школѣ (К. Bezold, Schatzhöhle, I, X).

Благодаря затрагиваемой темѣ это призведеніе было излюбленнымъ источникомъ: авторы различныхъ хронографовъ перерабатывали его и пользовались имъ съ особеннымъ усердіемъ (см. Gelzer, I. c. II, 271). Исключительнымъ уваженіемъ и любовью пользовалось оно, какъ это видно изъ изслѣдованія проф. Гельцера, въ александрійской церкви, затѣмъ въ эіопской, между тѣмъ какъ въ византійской исторической литературѣ съ нимъ были знакомы не непосредственно, а по цитатамъ древнихъ хронографовъ (ibid. II, 296). Существованіе данного памятника и на грузинскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, а особенно фактъ его вліянія на начальную исторію «Картлисъ Цховреба», принадлежащую Леонтію Мровели, доказываетъ распространенность и значеніе его и въ грузинскихъ ученыхъ кругахъ.

* * *

Выше былъ выясненъ государственный строй Иберіи, или приблизительно той мѣстности, которая входитъ теперь въ составъ Тифлисской губерніи; у Ксенофонта и Страбона имѣется нѣсколько данныхъ, рисующихъ социальный строй и другихъ грузинскихъ племенъ; къ сожалѣнію, только не всѣ сообщаемыя ими свѣдѣнія въ достаточной степени полны и подробны, чтобы можно было дѣлать безъ большого риска правдоподобныя заключенія; кромѣ того, данныя отрывочны и разновременны: объ одномъ племени подробныя свѣдѣнія относятся къ IV вѣку до Р. Х. и позже о нихъ очень мало что сообщается, подробное описаніе же другого племени имѣется только къ I вѣку нашей эры, между тѣмъ какъ о положеніи вещей у этого племени въ болѣе древній періодъ, напр. въ IV в. до Р. Х., ничего неизвѣстно. Въ виду этого невозможно привести въ связь эти разновременныя и отрывочныя историческія данныя; тѣмъ не менѣе, для большей полноты ниже приводятся и эти свѣдѣнія.

Такъ, напр., у Ксенофонта имѣется извѣстiе, что въ городѣ Гимниадѣ жилъ начальникъ (ἄρχων) страны Скивонновъ (Anab. lib. IV, сар. 7, 19), но, конечно, изъ такого коротенькаго сообщенiя невозможно сдѣлать какой-либо выводъ относительно государственной организаціи племени Скивонновъ. Болѣе опредѣленные данныя имѣются объ моссинойкахъ. Тамъ извѣстно, во-первыхъ, что страна этого племени распадалась на два враждебныхъ лагеря; это видно изъ заявленiя Тимесифея спутникамъ Ксенофонта о томъ, «что жители противоположной области находятся во враждѣ съ этими моссинойками; въ виду этого Еллины рѣшили пригласить тѣхъ, не пожелаютъ ли они заключить съ греками союзъ. Посланный къ нимъ Тимесифей привелъ съ собою ихъ *правителей* (τοὺς ἄρχοντας)... *правитель* (ὁ ἄρχων) моссинойковъ отвѣчалъ, что согласны и принимаютъ союзъ» (Anab. Xenoph. Lib. V, сар. 4,3,8).

Изъ даннаго отрывка можно заключить во-первыхъ, что племя моссинойковъ имѣло нѣсколько *правителей* (τοὺς ἄρχοντας); среди этихъ правителей *одинъ считался главнымъ*; онъ то и заключалъ отъ имени другихъ союзъ съ иностранцами. Затѣмъ, у обоихъ враждебныхъ сторонъ былъ городъ, «называвшійся у нихъ столицей и занимавшій самый возвышенный пунктъ страны моссинойковъ;... тѣ, въ чьихъ рукахъ она находилась, и считали себя господами всѣхъ моссинойковъ; (союзники еллиновъ) говорили при этомъ, что [ихъ противники] владѣютъ столицей не по праву, а силой захватили общее достоянiе (κοινόν) всѣхъ моссинойковъ»... (ib. lib. V, сар. 4,15).

Въ столицѣ пребывалъ «царь (βασιλεύς) ихъ, жившій въ деревянной башнѣ, построенной на возвышенности; онъ долженъ былъ оставаться тамъ постоянно, тамъ его содержали на общественный счетъ и охраняли» (ib. lib. V, сар. 4,26).

Интересно, во-первыхъ то, что моссинойки, распадавшіеся на нѣсколько, минимумъ на двѣ части, достигли всеже извѣстной степени объединенiя: у нихъ была одна общая столица, территория которой составляла собственность всѣхъ моссинойковъ; у нихъ былъ, наконецъ, одинъ общій правитель, названный у Ксенофонта царемъ. Этотъ царь не представлялъ изъ себя независимаго монарха: общество или племя играло еще большую роль; у царя, напр., было отвято право оставлять свое мѣсто, общество охраняло его и содержало на свой счетъ. Собственно говоря, власть надъ всѣми моссинойками принадлежала не ему царю, а тому племени, въ которомъ числился онъ самъ: это

можно заключить изъ выраженія Ксенофонта: *тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась она* (столица), и считали себя господами *всѣхъ моссинойковъ*; при этомъ и данныя дѣйствія были направлены не столько противъ царя, сколько противъ захватившаго столицу племени. Неизвѣстно, каковъ былъ источникъ власти правителей (*ἄρχοντες*): назначались ли они царемъ, или же они являлись независимыми отъ царя главарями племени? Второе должно быть вѣрнѣе, на такую мысль наводитъ весь строй общественной организаціи и характеръ власти царя моссинойковъ, а также и то обстоятельство, что эти правители были солидарны со своими племенами и выступали противъ общаго повелителя; будь они ставленниками царя, они, быть можетъ, охотнѣе взяли бы сторону суверена.

Затѣмъ, изъ словъ обиженной части моссинойковъ, что ихъ противники *«владѣютъ столицей не по праву»*, можно заключить, что у этого племени существовали опредѣленные права на обладаніе главнымъ городомъ; изъ указанія же Ксенофонта, что *тѣ, въ чьихъ рукахъ находилась она, считали себя господами всѣхъ моссинойковъ*, видно, что владѣть столицей могли всѣ племена моссинойковъ; и ссылка на нарушеніе владѣльческихъ правъ указываетъ на существованіе порядка и даже условій владѣнія столицей.

Это все, что возможно извлечь изъ коротенькаго сообщенія Ксенофонта; нѣтъ у него ясныхъ данныхъ о томъ, была ли у моссинойковъ родовая организація, существовалъ ли у нихъ одинъ привилегированный родъ, именуемый царскимъ, изъ среды котораго долженъ былъ выходить суверень, или власть была индивидуальная и т. д.

И о происхожденіи царской власти въ Колхидѣ ничего неизвѣстно (см. Strabon Geographia Lib. XI, cap. II, 18). Имѣется только свѣдѣніе Приска Панійскаго, относящееся къ поздней эпохѣ, относительно нѣкоторыхъ обычаевъ, извѣстныхъ при дворѣ Лазскихъ царей; оказывается, во-первыхъ, что у нихъ допускалось одновременное царствованіе отца и сына (*Ἱστορία Γετδική*, IV, 26. Латышевъ, Изв. 840—1); потомъ извѣстно также, что царь носилъ персидское платье и былъ окруженъ по мидійскому обычаю тѣлохранителями (*ibid.* IV, 34. Латышевъ, Изв. 842), вотъ и все.

И у свановъ, по словамъ Страбона, былъ царь и совѣтъ изъ 300 мужей (*Geogr. Lib. XI, cap. II, 19*), но неизвѣстно, кто были они: главы ли родовъ, или просто самые уважаемые и умудренные опытомъ лица.

Таковы всё имѣющіяся у классическихъ писателей данныя объ царской власти у различныхъ племенъ; изъ вышесказаннаго легко было убѣдиться, что благодаря прекрасному описанію Страбона и цѣннымъ отрывкамъ грузинскаго историка можно возстановить въ достаточной мѣрѣ общую картину соціального строя и происхожденія царской власти только Иберіи, данныя же относительно другихъ мѣстностей, населенныхъ картвельскими племенами, чрезмѣрно отрывочны и скудны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Территорія.

Территориальное дѣленіе государства основывалось на различныхъ принципахъ въ зависимости отъ эпохи и тѣхъ или иныхъ условий. Установленный выше фактъ основного значенія родового строя, какъ базиса государственной и соціальной организаціи Грузіи, исключительнаго примѣненія термина «мамасахлиси» для обозначенія всѣхъ лицъ, облеченныхъ правительственной или административной властью, даетъ основаніе предполагать, что и въ терминологіи древнѣйшаго территориальнаго дѣленія грузинскаго государства могли сохраниться слѣды родового строя. И дѣйствительно, въ историческихъ памятникахъ попадаются кое-гдѣ данныя, изъ которыхъ можно заключить, что слово «сахли» домъ, употреблялось также для обозначенія иныхъ болѣе обширныхъ территориальныхъ единицъ. Такъ напр., въ извѣстномъ спискѣ архипастырей области Самцхе-Саатабаго и ихъ епархіяхъ въ числѣ провинцій, входившихъ въ адкурское епископство, указаны слѣдующія:

...*სახლი, სულ აჭურბო, დიასამიძის სახლი, სახლიცხე და სახლის წელის გლმანთი და გურიის წარდგომადის* (изд. Бакрадзе, см. Археол. путеш. по Гуріи и Аджарѣ, 81).

«Садгеръ, весь Ацкуръ, *Домъ Диасамидзе*, Ахалцихъ и по ту сторону Ахалцихской рѣки до Гуріи».

Въ данномъ отрывкѣ слово *სახლი* домъ, конечно, не можетъ означать *Дома Диасамидзе* въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ это противорѣчило бы смыслу всего предложенія, гдѣ перечисляются провинціи, или мѣстности, составлявшіе епархію адкурскаго епископа; выраженіе *დიასამიძის სახლი* = *Домъ Диасамидзе* такое же названіе мѣстности, какъ и Садгеръ, Ацкуръ, Ахалцихъ и другіе; разница заключается только въ самомъ терминѣ: тутъ провинція названа домою, притомъ домою

Диасамидзе. Почему? Это можетъ имѣть двойное основаніе: во-первыхъ, потому, что въ этой мѣстности могъ обитать весь родъ, всѣ члены фамиліи Диасамидзе, — во-вторыхъ, потому, что эта мѣстность могла находиться подъ управленіемъ, властью рода феодаловъ Диасамидзе; въ первомъ случаѣ мы бы имѣли примѣръ, доказывающій, что мѣстность, провинція, населенная опредѣленнымъ родомъ носила названіе «дома», во-второмъ случаѣ примѣръ, доказывающій, что мѣстность, находящаяся подъ чьей-либо властью именовалась также «домомъ». Имѣется-ли въ данномъ случаѣ первая причина или вторая, такъ или иначе,—ясно, что возможность второго случая предусматриваетъ первоначальное существованіе перваго.

Точно также въ спискѣ провинцій, входившихъ въ составъ цурцкабской епархіи указаны въ томъ же памятникѣ:

...ახურსიძის სახლი სულს, ბო-
ცოთ ხევი ხერთვის ქვეით მისია»
(ibid. 81).

«Весь *Домъ Хурсидзе*, ущелье
Боцо ниже Хертвиса принадле-
жить ему».

И въ данномъ случаѣ слово «домъ» обозначаетъ мѣстность, районъ, и равняется, какъ это будетъ установлено ниже, по своему значенію сирійскому Δ и армян. տուն , при этомъ опредѣленіе «весь» указываетъ на его значительную территориальную величину.

Въ начальной части «Картлисъ Цховреба» имѣется одно мѣсто, гдѣ слово «сахли» (домъ) обозначаетъ даже цѣлое государство; такъ напр. Леонтій Мровели, авторъ этой части грузинскихъ лѣтописей, пишетъ:

«...ადეს განუყო სურიდონ ულ-
ველი ქვეყანას სამთა ქეთა მისთა,
მამინ რომელსაცა ქეს მისცა სხ-
ლად სპარსეთი, მსვე ხვდა წილად
ქართველი... (изд. Чичинадзе, 27,
ქ. ცხ. ред. ц. Маріи, 10).

«Когда Ауридонъ раздѣлилъ
всю землю своимъ тремъ сы-
новьямъ, то тому, которому онъ
далъ Персію, [въ качествѣ] *Дома*,
тому же досталась въ удѣлъ и
Карталинія».

Въ данномъ предложеніи слово «сахли» = домъ не можетъ имѣть значенія жилья для личнаго обитанія или заселенія: изъ предшествующихъ данному отрывку фразъ видно, что Персія, согласно представленію автора, въ это время была уже заселена и это государство дается сыну отцемъ въ удѣлъ для управленія, какъ подвластное ему

царство; и достойно вниманія то обстоятельство, что историкъ употребляетъ при этомъ слово «сахли» домъ.

Эти нѣсколько случаевъ употребленія слова «сахли» представляютъ изъ себя только слабые отголоски терминологіи административнаго дѣленія государства древнѣйшей эпохи, когда родовой строй, «домъ» былъ основой государственной жизни Грузіи, такъ какъ вполне понятно, что со времени измѣненія древняго социальнаго строя страны употребленіе термина «сахли» должно было уступить мѣсто болѣе соотвѣтствующимъ жизненнымъ условіямъ терминамъ. Къ подобнымъ же остаткамъ терминологіи родового быта нужно, кажется, отнести и названія деревень сложныхъ со словомъ «кари» კარი, обозн. двери, ворота, такъ какъ это послѣднее представляетъ изъ себя вторую половину извѣстнаго composita სახლკარი, что значитъ домъ—ворота и употребляется въ смыслѣ мѣста, занимаемаго семьей со всѣми постройками. Такія названія, какъ Кобіанткарі, Барнабіанткарі, Павлеурткарі, Беніанткарі, Джагумаанткарі, и т. д. обозначаютъ собственно [домъ] ворота [рода] Кабіашвили, Барнабы, Павлеура, Беніа, Джагума.

* * *

Въ эпоху, доступную наблюденію изслѣдователя по памятникамъ письменности обычными терминами для обозначенія территориальныхъ единицъ административнаго дѣленія грузинскаго государства были კევი «хэви», ქვეყანა «квуэана», სოფელი «сопэли», ქალაქი «калаки» и დაბა «даба»; всѣ эти названія сохранились вплоть до послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Грузіи. Но прежде всего объ *хэви*; это слово обозначаетъ по-грузински ущелье. Вся Грузія, благодаря своимъ топографическимъ условіямъ, какъ горная страна, сплошь изборожжена ущельями; горныя цѣпи составляютъ естественную границу разселенія; каждое ущелье представляетъ изъ себя отдѣльную единицу. Изъ описанія Ксенофонта видно, что подобное положеніе можно было наблюдать еще съ IV вѣка до Р. Х. Въ историческую эпоху дѣленіе на ущелье «хэви», какъ это видно изъ груз. памятниковъ, принято было во всѣхъ областяхъ Грузіи, такъ, напр., груз. историкъ Сумбатъ Давидовичъ говоритъ:

«ქუეხს: სარკის: მიტეკეღლ: სარ-
კინოზთა: ეოვეღნოვე: გეგნი:
შავშეთ: კლარჯეთ: ნიკალისანი:
(Карт. Цх. р. ц. Маріа, 346).

платили дань Арабамъ *въ ущелья*
Шавшетіа, Кларджетіа и Ни-
гала:

Изъ даннаго отрывка видно, что во всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ провинціяхъ Грузіи основную административно-территориальную единицу представляло изъ себя ущелье «хэви»; изъ другого мѣста того же автора можно заключить, что подобное дѣленіе было принято и въ области Тао; про Баграта III историкъ пишетъ:

«მოგლო: ბაგრატ: უოგუელი: სამე-
ფო: თჳსი: აფხაზეთი: ჭქეთი: და:
კახეთი: მთვინა: და: დანამთრს:
ბევთა: ტაოსთა» (ibid. 353).

«обошелъ Багратъ все царство свое: Абхазію, Эрѣти и Кахетію и прибылъ и расположился на зиму въ *ущельяхъ* Тао».

Произведеніе Леонтія Мровели убѣждаетъ, что «хэви» и ему, было извѣстно, какъ основное дѣленіе родной страны; такъ напр. онъ говоритъ, что Фарнавазъ потомковъ Азона

«ვანეუბს: ბევთა: და: ქუეყანათა:
შინს:...

«раздѣлилъ по *ущельямъ* и областямъ».

До чего дѣленіе на ущелья «хэви» было обычнымъ видно изъ того, что анонимный армянскій географъ VII вѣка многія области, входившія въ составъ Грузіи, называетъ съ грузинской приставкой «хэви» ущелье или же съ его армянскимъ эквивалентомъ «*п^оръ*», такъ напр.:

№
//
«*Գորգովաթիսիւեւի, Տորնիսիւեւի, Մանգղեացիոր, Քուխափոր, Բողնոփոր, Աչէւէթիսիւեւի Քուրդիթիրիկոսիւեւի* (см. изд. Патканова, стр. 17 арм. текста = 39 стр. перевода, особ. прим. 143; A. Soukry. Géogr. de Moïse de Coghène, стр. 28; текстъ сильно искаженъ и пришлось кое-гдѣ возстановить и исправить, пользуясь обоими изданіями.

«Горговатисъ - хэви, Торнисъ-хэви, Манглис(исъ)-хэви, Квиша-хэви, Болнисисъ хэви, Ачабетисъ хэви Курдигирикосъ хэви (должно = Курди-ватчрисъ хэви)»...

Характерно также то обстоятельство, что древне-грузинскіе переводчики слово *գաւար* «гаваръ», встрѣчавшееся въ армянскихъ агіографическихъ памятникахъ и обозначающее только область или провинцію, а не ущелье, передавали на грузинскій именно терминомъ «хэви»,

такъ напр. въ *муч. Оукаветскихъ* фраза «გვეს ბავგვენდისს (238, b пергамент. рук. афонск.-иверск. монаст. *) = 'რადრეცანიე უაღაი (Uჭ. томъ XIX, стр. 33) точно также въ *муч. Нерсеса* «უბრძნს გვესგვევად» (л. 355a) = ზრადუბაღ რაი უაღარაგ (Uჭ. томъ 4). Такимъ образомъ, мы видимъ, что «хэви» обозначало не только «ущелье», но и провинцію, даже страну; это сохранилось въ языкѣ даже до настоящаго времени: мѣстность, населенная горами-грузинами, называется «хэви», а на сванскомъ это же слово обозначаетъ Сванетію.

Что терминъ «хэви» былъ принятъ и въ административномъ языкѣ грузинскаго государства, это ясно видно изъ грамоты ц. Баграта IV отъ 1058 года, гдѣ онъ пишетъ, что созвалъ на верховный судъ

«უვეკლთა გვეთა ზემოთა და ქვემოთა: აზნაურნი მეცნიერნი საბჭოთა საქმეთანი» (ძიომღვიმ. ისტორ. საბუთები 8).	«всѣхъ ущелий верхнихъ и нижнихъ азнауровъ, знатоковъ думныхъ дѣлъ».
--	--

Это — объ «хэви» ущелья, какъ терминъ территориально-административнаго дѣленія страны, дѣленія, основанномъ на топографическихъ условіяхъ Грузіи; онъ употреблялся во всѣхъ областяхъ Грузіи, какъ въ быдешней жизни, такъ и въ административной терминологіи; должностное лицо, стоявшее во главѣ ущелья «хэви», именовалось გვესთავი «хэвись тави» (*глава ущелья*).

* * *

Для выясненія сравнительной величины, значенія и взаимоотношеній между остальными терминами, особенно между ქვესა ზუაგანა, ქალაქი კალაქი и სოფელი софали можно привести одну фразу изъ грузинской версіи *Хожденія ап. Андрея*, въ которой всѣ три названія слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ. Авторъ *Хожденія* говоритъ про первозваннаго Апостола, что онъ

...ძალით სულის წმიდისთა ქვენითი ქვესად, და ქალაქითი ქს-	«силою Св. Духа не переставалъ проповѣдовать въру Христову[,
---	--

*) Эти и цитируемые ниже грузинскіе переводы агиографическихъ памятниковъ арм. святыхъ списаны на Леонѣ проф. Н. Я. Марромъ, который любезно далъ намъ возможность прочесть и извлечь изъ списанныхъ имъ житій интересныя для намѣченной задачи мѣста, за что и приношу свою искреннюю благодарность.

დაქად და სოფელითი სოფელად არა
დასცხნის ქადაგებად სარწმუნოებისს
ქრისტესისა». (რაი გრუზი. საბი-
ბინა, 26).

переходя] изъ страны въ страну,
изъ городъ, изъ деревни въ де-
ревню».

Такимъ образомъ, самая большая территориальная единица «куэ-
дана» страна, «калаки» обозначаетъ городъ, а самая маленькая — это
«сопели» деревня. Последующія изысканія по этому вопросу только
отчасти подтверждаютъ данное заключеніе.

Основное значеніе слова ქუედასъ куэдана прежде всего — земля;
въ грузинскомъ текстѣ Евангелія для передачи этого понятія всегда
употребляется данное слово; такъ, въ притчѣ о сѣятелѣ говорится:

«სხუა დაჭვარდა ქუედასს კეთილისა» (Маркъ, IV,9) иное упало на
землю (*куэдана*) добру; въ армянскомъ переводѣ стоитъ тутъ *Երկիր*,
въ греческомъ γῆ. Основное значеніе интересующаго насъ названія
еще яснѣе видно изъ слѣдующей фразы о слѣдующемъ, гдѣ гово-
рится какъ Христосъ

«გოთარცა ჰსთქუა, ჰხეწუე ქუედა-
სსა და ჰეჭქმის თიკაჲ ხეწუესაგან
(Иоанна, IX,6)

«какъ только сказалъ, плюнулъ на
землю (*куэдана*), сдѣлалъ брение
изъ плюновения».

Основное значеніе этого слова долго сохранялось въ грузинской
литературѣ; въ *Житіи Григорія Хандзтійскаго* имѣется нѣсколько
мѣстъ, гдѣ оно употреблено въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, такъ
напр., отъ грузинъ отшельниковъ, по словамъ автора агиографическаго
памятника, св. Григорій научился «ქუედასს ზედა წოლსს (стр. 3,43),
спать на землѣ (*куэдана*); въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ для пере-
дачи понятія «покосныя земли, мѣста» употребляетъ выраженіе «სოთ-
ბელი ქუედასაჲ» (ibid. стр. 13,50) покосная земля (то же слово).

Это же слово, какъ было указано, имѣетъ также значеніе страны,
такъ напр., историкъ Сумбатъ Давидовичъ говоритъ, что предки Багра-
тидовъ, выйдя изъ Палестины, пришли въ Арменію и

«დაშთეს იგინი ქუედასთა სომსი-
თისთა» (Такайшвили, Три ист.
хрон. 43).

«остались въ землѣ (*куэдана*)
армянской».

Авторъ *Житія Григорія Хандзтійскаго*, говоря о происхожденіи
Микеля, пишетъ:

«იყო მიქელ ქუეყანის შავშეთისაჲ
სოფლის ნორგიალისაჲ» (Житіе,
л^б, 25).

«быль Микель изъ земли (куэ-
ниса) Шавшетіи, селенія Нор-
гіала».

Уже въ грузинскомъ переводѣ Библіи слово ქუეყანა къуэқана въ значеніи страны обычно и, въ то время какъ первоначальный смыслъ этого слова постепенно исчезалъ, вторичное значеніе все болѣе и болѣе приобрѣтало право гражданства и вошло въ административную терминологию, что доказывается законодательными памятниками (Георгія V Блгстательнаго, Беки и Агбуги).

Что въ это время, собственно, подразумѣвалось подъ словомъ ქუეყანა къуэқана, какая именно территоріальная единица, сказать за отсутствіемъ данныхъ невозможно; можно думать, что ქუეყანა къуэқана обнимала территорію, населенную извѣстной этнической единицей; на такую мысль наводитъ то обстоятельство, что обыкновенно названіе къуэқана прилагалось къ такимъ мѣстностямъ какъ ჯავახეთი, შავშეთი, სომხეთი, კახეთი Джавахетія, Шавшетія, Сомхетія, Кахетія и т. д.; хотя это не выдерживается и попадаются случаи, когда оно прилагается къ гораздо меньшимъ территоріально-этническимъ единицамъ. Есть основаніе предполагать, что къуэқана уменьшалась или увеличивалась обыкновенно сообразно съ политическими или иными условіями; должностное лицо, стоявшее во главѣ управленія къуэқана, именовалось «*эристави*» (глава народа).

* * *

Соцალი სოფელი, какъ было выше указано, имѣетъ значеніе деревни, села; можно привести два, три примѣра, подтверждающихъ это значеніе слова; такъ напр. въ *Мученичество 9 отроковъ колайскихъ* говорится:

«იყო სოფელი ერთი დიდი თავს
წყდა: დიდის მის მდინარისსა:
რომელს ჭრქვან მტკუარი. კესს
რომელს ჭრქვან კოლაჲ»... (Марр,
Тексты и разыск. кн. V, 55).

«Было одно большое село (со-
цали) у истока большой рѣки,
называемой Курою, въ ущельи,
которое называется Кола».

Ясно, что согласно данной фразѣ სოფელი «соцали» является болѣе маленькой единицей, чѣмъ «хэви» ущелье; затѣмъ само описаніе его мѣстоположенія дѣлаетъ несомнѣннымъ, что рѣчь идетъ объ селѣ, либо

деревнѣ, въ крайнемъ случаѣ объ городѣ, но не какъ не о цѣлой области или провинціи. Точно также въ слѣдующемъ эксперптѣ, приводимомъ изъ исторіи Сумбата Давидовича, это слово можетъ быть понятно только въ томъ же значеніи, какъ и въ предыдущей фразѣ:

«გვეი შვეშთის უშენებელ იყო მასინ გარეშე მცირედთა სოფელთასა». (Изд. Такайшвили, Три ист. хроники, 52).

«ущелье Шавшетіи не было обитаемо за исключеніемъ немногихъ селеній (сопэлта)».

Примѣровъ, доказывающихъ, что «сопэли» употребляется въ значеніи села, очень много; однако, это же слово въ древне-грузинской литературѣ имѣетъ и болѣе широкій смыслъ: оно обозначаетъ область или провинцію, даже цѣлую страну; такъ напр. въ *мученичество Евстаѳія Мухетскаго* св. подвижникъ, когда его допрашиваетъ персидскій марзпанъ, говоритъ о своемъ происхожденіи слѣдующее:

«რომლის სოფლის ხარ ანუ რომლის ქალაქისა... ხოლო წმიდამან ევსტათი ჭრქუა მას: მე სოფლის სპარსეთის ვიყავ, [გვეის] არბუკეთის, ქალაქის განძაკის ვიყავ» (Сабивинъ, Рай Грузія, 314).

«изъ какой страны (сопლისа) ты, или изъ какого города... святой Евстаѳій же сказалъ ему: я былъ изъ страны (сопლისа) Персїи, изъ ущелья Арбукеги, изъ города Гандзака».

Очевидно въ данномъ случаѣ «сопели» обозначаетъ страну, а не деревню; это можно подтвердить хотя бы тѣмъ, что въ этомъ же произведеніи отвѣтъ, повторенный Евстаѳіемъ на вторичномъ допросѣ, звучитъ такъ:

«მე ვიყავ ქუეყანის სპარსეთის, გვეის არბუკეთის, ქალაქის განძაკის» (ibid. 316).

«я былъ изъ страны (куэდანиса) Персїи, ущелья Арбукеги, города Гандзака».

т. е. вмѣсто слова «сопэли» употреблено «куэдана», обозначающее, какъ мы видѣли, страну.

Точно также и въ груз. переводѣ *мученичества Шушаники* подается слѣдующее предложеніе:

«სხნაურნი დიდ დიდნი... სხნა-
ურნი და უსხნონი სოფლისა
ქართლისანი მოვიდენ»... (Саб-
нинъ, Рай Грузин, 191).

«прибыли азнауры (родовитые)
великие, родовитые и безродные
страны (სოჴლისა) Грузин».

Ясно, что въ данномъ эксцерптѣ «სოჴალი» равняется по значенію странѣ.

Но это не все; слово «სოჴალი» употребляется, наконецъ, и въ значеніи вселенной, такъ напр., въ Евангеліи отъ Матоея время передъ страшнымъ Судомъ описано въ такихъ краскахъ:

...«იუოს მჴინ ჴირი დიდი, რა-
მელა არა იუო დასაბამითუან სოფ-
ლისათვიდრე აქამოდე» (XXIV, 21)

«тогда будетъ великая скорбь,
какой не было отъ начала міра
(სოჴლისა) до нынѣ».

Въ греческомъ текстѣ грузинскому «სოჴალი» соответствуетъ *κόσμος*; примѣровъ, въ которыхъ слово «სოჴალი» употребляется въ значеніи вселенной, можно привести множество. Подобное значеніе интересующаго насъ слова вполне понятно, такъ какъ оно по своему этимологическому составу имѣетъ тотъ же смыслъ, что и греческое *οἰκουμένη* и русское вселенная и происходитъ отъ глагола სუჴჴჴ.

Является естественно вопросъ, какое изъ всѣхъ вышеуказанныхъ значеній (деревни, области, страны и вселенной) должно считаться основнымъ, первоначальнымъ. Судя по этимологическому составу слова, оно могло бы употребляться для обозначенія любого изъ нихъ, разъ вопросъ касался *населеннаго* пункта, или области; въ дѣйствительности однако это было не совсѣмъ такъ: относительно названія деревни можно категорически установить, что *въ древнѣйшую эпоху* слово «სოჴალი», какъ *terminus technicus* для обозначенія села, либо деревни, совершенно неизвестно; изъ массы случаевъ, въ которыхъ это слово встрѣчается въ Евангеліи, нѣтъ ни одного, когда бы оно имѣло смыслъ деревни и равнялось греческому *κῶμη* и армянскому *դէ-դ*, а всегда обозначаетъ страну, область, или вселенную и равняется греческому *χώρα* или *κόσμος*, армянскому *աշխարհ* или *Երկիր*. Единственное слово, которое было известно грузинскимъ переводчикамъ Евангелія въ качествѣ названія деревни, либо села, — это слово *დაბა* «даба». Такимъ образомъ, въ IV—V в. въ грузинской литературѣ «სოჴალი» обозначало населенную область, страну, наконецъ, вселенную, впоследствіи только приблизительно около VIII стѣка оно начало употреб-

|| N

латься также как *terminus technicus* для деревни, причемъ это послѣднее значеніе начало постепенно вытѣснять всѣ остальные, и только значеніе вселенной удержалось до послѣдняго времени.

* * *

Для передачи понятія *городъ* въ грузинской литературѣ употребляется слово ქალაქი «калаки»; оно не туземнаго происхожденія и является заимствованнымъ *via armeniasa* сирійскимъ словомъ ܟܠܝܟܐ; это слово образовано отъ глагола ܟܠܝܟܐ окружать, огородить. Будучи заимствованнымъ, въ армянскомъ оно приняло форму քաղաք *кагак* или по древнему произношенію *калак*; въ армянской исторической литературѣ это слово сохранило еще отчасти, какъ указано будетъ во второй части даннаго труда, первоначальное значеніе ограды.

Но и въ грузинскихъ письменныхъ памятникахъ имѣется нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ отражается древнѣйшее представленіе о *калаки*; такъ напр., въ грузинской версіи *Хожденія ап. Андрея* встрѣчается слѣдующая фраза:

«დაბას ნიკას ბითონისას
რამეთუ არღა იყო იქი ქალაქად,
არამედ უკანასკნელ შეზღუდა იგი და
განავრცელა მეფემან ტრიახემ მან»
(Сабининъ, Рай Грузіи, стр. 31).

«въ деревню Никею Вонній-
скую ибо не была она еще горо-
домъ, но впоследствии окружилъ
ее укрѣпленіемъ и расширилъ
царь Троянъ».

Такимъ образомъ, выходитъ, что деревня, окруженная крѣпостью, становится городомъ; во всякомъ случаѣ существеннымъ признакомъ города является ограда, крѣпостныя стѣны.

Далѣе въ хроникѣ «*Обращенія Грузіи*» говорится:

«მეფობდა ბრატმან, რომელსაჲ
მცხეთას ქალაქი დაეწყო და მეფობდა
მირვან და მან აღაშენა მცხეთა[ს?]
ქალაქი» (изд. Такайшвили, Три
Хроники 8).

«царствовалъ Братманъ, при ко-
торомъ во Мцхетѣ было начато
(*калаки*) *городъ* и онъ построилъ
городъ Мцхетъ».

Изъ даннаго предложенія выходитъ, что по мнѣнію автора Мцхетъ существовалъ до ц. Братмана и Мирвана, но онъ не имѣлъ еще «*калаки*» и эти государи построили, причемъ первый изъ нихъ началъ, а второй докончилъ; что же они строили? если допустить, что

въ данномъ случаѣ слово *калаки* употреблено въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблялось въ сирійскомъ, а именно *ограды либо крѣпости*, то тогда все предложеніе станетъ яснымъ: Братманъ началъ строить стѣны вокругъ царской резиденціи Мухета и Мирванъ закончилъ предпріятіе своего предшественника. Такимъ образомъ, если интерпретація данного эксцерпта правильна, устанавливается, что *калаки* и въ древне-грузинскомъ имѣло значеніе ограды, крѣпости.

Какъ косвенное подтвержденіе данному выводу можно привести одно мѣсто изъ «Картлисъ Цховреба», гдѣ о городѣ Тифлисѣ сказано:

«*ცხოვრობისი სოფელი და კალაქი* «селеніе (сопѣли) Тифлисъ и
მოსახლენი იყო მანძი» изд. З. крѣпость были тогда опустошены.
Чичинадзе, 189).

Такимъ образомъ *городъ Тифлисъ* состоитъ изъ *селенія (сопѣли)* и *крѣпости (калаქ)*, и это *вмѣстѣ и составляетъ то, что называется «калаки»*.

Хотя изъ вышеприведенныхъ немногихъ примѣровъ видно, что слово «калаки» и въ древнегрузинскомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранило первоначальное значеніе ограды, крѣпости и въ этомъ отношеніи равняется туземному названію «цихъ», тѣмъ не менѣе, вѣроятно, уже въ моментъ заимствованія сирійское *קָלַק* = *ქალაქ* = *ქალაქი* употреблялось какъ *terminus technicus* для обозначенія города и административнаго центра.

Итакъ, въ грузинскомъ, какъ и въ армянскомъ не существуетъ собственнаго слова для обозначенія «города»; это можетъ объясняться тѣмъ, что въ обѣихъ странахъ въ древнѣйшую эпоху очень мало была развита городская жизнь, что пункты, которые служили въ административномъ, оборонительномъ, а особенно въ торговомъ отношеніи центрами, мало чѣмъ отличались отъ остальныхъ населенныхъ пунктовъ.

И дѣйствительно, если взять описаніе Ксенофонта тѣхъ мѣстностей, которыя были заселены различными картвельскими племенами, ясно видно, что въ IV вѣкѣ до Р. Х. на юговосточномъ побережьи Чернаго моря города еще мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ деревень; онѣ не представляли еще изъ себя торговаго центра и по большей части въ виду своего расположенія на высотахъ играли роль укрѣпленныхъ поселковъ, куда спасались во время войны жители

окрестныхъ деревень. Города, имѣвшіе значеніе торговаго центра, принадлежали по всему южному побережью Чернаго моря греческимъ колонистамъ.

Изъ описанія Ксенофонта видно, что вершины горъ, неприступныя возвышенности служили туземцамъ оборонительными пунктами: тамъ они строили свои крѣпости и города, туда спасались и всѣ жители окрестныхъ деревень; такъ, Ксенофонтъ рассказываетъ, что «когда эллины появились въ горной странѣ, то дрилы стали поджигать и покидать всѣ деревни, которыя, по ихъ мнѣнію, могли быть взяты врагами... *Одно укрѣпленіе было у нихъ ихъ главнымъ городомъ, въ него то и собрались теперь всѣ они.* Оно было окружено очень глубокимъ оврагомъ, и *доступъ къ нему былъ труденъ*» (ib. Lib. V, 2,3). И въ странѣ моссинойковъ столица была построена на самомъ высокомъ мѣстѣ, оно имѣло и укрѣпленіе, которое, по словамъ Ксенофонта, «лежало передъ городомъ, называвшемся у нихъ столицей и занимавшимъ самый возвышенный пунктъ страны моссинойковъ» (ib. Lib. V, сар. 4,15). Почти вся область этого племени была покрыта сѣтью подобныхъ укрѣпленій: «большая часть этихъ крѣпостей ($\chi\omega\rho\acute{\iota}\omega\nu$), передаетъ тотъ же авторъ, была такого рода: они ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota\varsigma$ тутъ рав. = $\chi\omega\rho\acute{\iota}\omega\nu$) отстояли другъ отъ друга стадій на 80, однѣ дальше другія ближе. Когда жители переключались другъ съ другомъ, то крики слышны были изъ одной въ другую»: (ib. Lib. V, сар. 4,31). Подобныя укрѣпленія могли не быть даже вообще населенными пунктами; бывало иногда, что въ нихъ отсутствовали жилища помѣщенія и постройки, какъ это было въ странѣ таховъ, которые «жили въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, гдѣ и хранили собранные запасы всякаго провіанта... эллины, рассказываетъ Ксенофонтъ, подошли къ одному укрѣпленію, которое не представляло изъ себя ни города и не имѣло даже жилищъ, но въ которомъ собрались тогда мужчины и женщины со множествомъ скота»... (ib. Lib. IV, сар. 7,2).

Страбонъ передаетъ также, что крѣпость Шорапани, служившая границей между Колхидой и Иберіей, могла вмѣстить въ себѣ населеніе цѣлаго города» (Geogr. XI, сар. 2, 17); очевидно, большіе размѣры Шорапани были рассчитаны на военныя нужды, когда окружное населеніе принуждено было искать убѣжища въ крѣпости.

Итакъ, изъ описанія Ксенофонта видно, что въ древности въ мѣстностяхъ, населенныхъ картвельскими племенами, города собственно представляли изъ себя также деревни съ укрѣпленіями, иногда даже

безъ постояннаго населенія и жилья, и являлись оборонительными, а не торговыми центрами; потому и строили ихъ мѣстные жители не на ровномъ мѣстѣ, куда доступъ и сообщенія могли быть легки, а на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ страны, чтобы лучше можно было обороняться; въ виду этого нужно думать, что вмѣсто заимствованнаго слова «калаки» въ старину употреблялись «цихэ», или «згудэ», обозначающія по-грузински крѣпость.

Какъ дѣло обстояло въ IV в. до Р. X. въ восточной части Грузіи, въ такъ называемой Иберіи, неизвѣстно, но то, что сообщаетъ Страбонъ о культурномъ состояніи ея въ современную ему эпоху, указываетъ уже на развитую городскую жизнь, такъ какъ, по словамъ знаменитаго географа, Иберія была тогда

οἰκείται καλῶς τὸ πλεον πόλεσι
τε καὶ ἐποικίσις ὥστε καὶ κερ-
μωτὰς εἶναι στέγας καὶ ἀρχιτεκτο-
νικὴν τὴν τῶν οἰκήσεων κατασκευ-
ὴν καὶ ἀγορὰς καὶ τὰλλα κοινά.
Geographica Lib. XI, cap. III, 1).

«прекрасно заселена большей частью городами и селами, такъ что имѣются и черепичныя крыши и устройство жилищъ, согласно требованіямъ архитектуры, рынки и другіе общественныя зданія»

При наличности подобной развитой городской жизни странно, что описывая государственный строй Иберіи и пересчитывая сословія, Страбонъ ни однимъ словомъ не обмолвился о существованіи въ странѣ купеческаго сословія. Трудно сказать, объясняется ли отсутствіе данныхъ о торгово-промышленномъ сословіи въ Иберіи пропускомъ или свѣдѣнія знаменитаго географа о городахъ должны считаться преувеличенными. Во всякомъ случаѣ, города въ Иберіи съ рынками, общественными зданіями, построенными по правиламъ архитектуры доказываютъ, что они являлись уже экономическими центрами въ странѣ; быть можетъ, подобная эволюція за время III—IV вѣковъ произошла въ положеніи городовъ и у картвельскихъ племенъ, жившихъ по юго-восточному побережью Чернаго моря, но свѣдѣній у насъ объ этомъ не имѣется.

Достоиню вниманія, какое представленіе имѣетъ Леонтій Мровели, авторъ начальной части «Картлясъ Цховреба» относительно образа первоначальнаго расселенія грузинскихъ племенъ: во все время своей жизни этнархъ Грузіи Картлосъ — строятъ только крѣпости; первое, что воздвигаетъ онъ, это укрѣпленіе, а потомъ только жилое помѣщеніе:))

«პირველად: შექმნის: მუნ: ზედს: სი-
მაგრე: და: იშენს: მუნ: ზედს: სხელი»: (Редакція ц. Маріи, изд. Такай-
швили, 5).

«прежде всего воздвигъ тамъ
(на горѣ) укрѣпленіе и поставилъ
тамъ домъ».

И послѣ всѣ его постройки представляли изъ себя крѣпости,
какъ передаетъ, на примѣръ, историкъ

«ცხე ორბის: რომელს: აწ: ჰქვანს:
სამშვილდე: და კულად: აღაშენს:
მტერის ციხე: რომელს: აწ: ჰქვანს:
ზუნანი:» (Кар. Цхов. р. ц. Маріи
изд. Е. Такайшвили, стр. 6).

«крѣпость Орби, которая теперь
зовется Самшвилдэ, затѣмъ онъ
построилъ крѣпость Мтвери, ко-
торая нынѣ зовется Хунанъ».

Жена Картлоса и та даже строитъ крѣпость «Дада-Цихэ» (ibid.
6); но за то она первая строитъ и городъ, а вслѣдъ за ней уже и ея дѣти
(ibid. 6). Характерно то, что историкъ не приписываетъ Картлосу ни
одного основанія города, а только постройку крѣпостей.

Самый фактъ проникновенія сирійскаго названія для города въ
армянскій и грузинскій языки указываетъ на происхожденіе въ этихъ
странахъ городской, или точнѣе торгово-промышленной культуры. Еще
съ глубокой древности шелъ торговый путь изъ Месопотаміи, Мидіи
и Бактріи въ Арменію и въ Грузію (см. Strab. Geograph.: lib. XI, cap.
V, 8; lib. XI, cap. VII, 3).

Въ самомъ Мцхетѣ была, по описанію *Житія Евстагія Мцхет-
скаго* колонія персидскихъ сирійцевъ, занимавшихся кожевеннымъ и
сапожнымъ мастерствомъ; однимъ словомъ, имѣются независимыя
другъ отъ друга данныя, подтверждающія существованіе сирійской-
иранской торговой культуры въ Грузіи и въ Арменіи.

Изъ описанія Страбона видно, что въ Иберіи къ I вѣку нашей
эры, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ городахъ существовала уже раз-
витая городская жизнь: общественныя зданія, построенныя согласно
съ требованіями архитектурнаго искусства, рынки и площади до нѣко-
торой степени свидѣтельствуютъ объ этомъ. Какова же была обще-
ственная жизнь грузинскихъ городовъ, была-ли у нихъ своя органи-
зація? На эти вопросы невозможно дать прямого отвѣта: историческіе
матеріалы чересмѣрно бѣдны для того, чтобы рѣшать подобные во-
просы. Выше было указано, что у Леонтія Мровели упомянутъ мцхет-
скій мамасахлिसъ (отецъ дома), причемъ онъ считался, по словамъ

историка, сувереномъ грузинскаго народа; собственно говоря, какъ само названіе показываетъ, онъ является мамасахлисомъ города Мцхета, и въ томъ обстоятельствѣ, что это же лицо считалось сувереномъ грузинскаго народа, можно было, пожалуй, видѣть указаніе на то, какую роль играли города въ концентраціи царской власти, если бы только на основаніи такого скуднаго свѣдѣнія не рискованно было дѣлать столь важное заключеніе. Оставляя въ сторонѣ послѣднее предположеніе, на лицо—все же фактъ, что глава города назывался мамасахлис'омъ, что это было обычнымъ и общераспространеннымъ; еще до послѣднихъ вѣковъ самостоятельнаго существованія Грузіи сохранялась должность и наименованіе городскихъ мамасахлисовъ, несмотря на то, что иноземное вліяніе вносило новыя названія, какъ меликъ, или кэдхудъ; такъ напр., въ документѣ 1634 года упомянуть «мамасахлисъ г. Тифлиса (см. Ф. Жорданія. ქართლკახეთის მონასტრების და ეკლესიების ისტორიული სპობები. 1903 г. გვ. 210), а въ *Инструкціяхъ* царя Вахтанга VI (*Дастурмамани*) въ числѣ правителей города вторымъ послѣ мелика названъ мамасахлисъ (З. უმიკაშვილი, დასტურ-ღამალი, 85), въ раздѣльномъ же актѣ отъ 1781 года главнымъ лицомъ города Гори обозначенъ мамасахлисъ (Г. Пурцеладзе, *Грузинскія крест. грамоты*, 37). Этимъ устанавливается фактъ существованія городскихъ мамасахлисовъ; очевидно это очень древній институтъ, вѣроятно эпохи родового строя; но, въ чемъ состояли обязанности ихъ, какъ ихъ выбирали, каково было ихъ отношеніе къ высшимъ властямъ страны и къ городскому населенію, намъ абсолютно ничего не извѣстно.

Въ грузинскихъ городахъ жили иноземные ремесленники и торговцы, какъ это видно изъ *Житія Евставія Мцхетскаго* (Рай Грузія, стр. 313, 314).

Въ городахъ, какъ было сказано, были всегда крѣпости, но существовали и такія укрѣпленія, которыя составляли отдѣльную оборонительную величину для окружнаго сельскаго населенія; выше была приведена выписка изъ начальной части «Картлисъ Цхов.» изъ которой можно видѣть, что крѣпости считались въ древности самыми важными пунктами: вѣдь родоначальникъ грузинъ еще до возведенія жилого помѣщенія принимается прежде всего за постройку крѣпости.

По-грузински крѣпость называется ციხე «цихэ», причемъ извѣстно еще შიდა-ციხე «шида-цихэ» (მ. ქ. ქრონ. Такайшвили, *Три Хрон.* 7), что равняется вышгороду; какъ онъ строился и въ какомъ

отношеніи находился къ большей или внѣшней крѣпости, невозможно установить. Въ городахъ и укрѣпленіяхъ, какъ это видно изъ разсказа Діона Кассія, стояли гарнизоны (Dio Cassius, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*, XXXVII,4 и Латышевъ, Изв. стр. 613). Начальникъ или комендантъ крѣпости назывался *ἑσπέρων* «цехистави», въ переводѣ обозначающее «главу крѣпости»; изъ древне-грузинскихъ источниковъ извѣстенъ комендантъ г. Мцхета, поставленный персидскимъ правительствомъ (*Житіе Евставія Мцхетскаго*, Рай Грузія, стр. 313), но вѣроятно эта должность существовала въ странѣ еще до сассанидскаго владычества. Персидскій комендантъ крѣпости г. Мцхета былъ облеченъ, какъ это видно изъ агіографическаго памятника, и судебными функціями: онъ производилъ дознаніе и произносилъ приговоръ, если только онъ не касался жизни преступника; въ такихъ случаяхъ онъ долженъ былъ переслать обвиняемаго вмѣстѣ съ добытыми результатами слѣдствія къ высшему представителю сассанидскаго правительства въ Грузіи къ марзпану, имѣвшему въ VI в. резиденцію въ г. Тифлисѣ (ibid. стр. 314).

Въ распоряженіи коменданта крѣпости находились всадники и гарнизонъ (ibid. стр. 314).

* * *

«Даба» *დაბა* въ древне-грузинскомъ употребляется въ значеніи деревни*); выше было указано, что въ грузинскомъ переводѣ Евангелія точно также, какъ и въ *мученичество Евставія Мцхетскаго* (изд. Сабинина, Рай Грузія, стр. 314 *დაბა*, 316 *ბუბი მცხდოუბი დაბა*, 318 *დაბა*) и *Шушаники* (ibid. стр. 182 *დაბა*, 183 *დაბა*), для передачи этого слова извѣстно только «даба» и названіе «сопэли» въ смыслѣ деревни ни разу не встрѣчается; во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ попадаетъ слово «даба» въ Евангелія, оно равняется или армянскому *դաბա* и греческому *δαμα* (напр. Матѣ. IX,35, X,11),

или армян. *չէն* и греч. *δαμα* (напр. Матѣ. XIV,15, Маркъ VIII, 23, 26, 27),

или армян. *աղարակ* и греч. *ἀγρος* (напр. Марк. V,14),

*) Громадное значеніе для выясненія происхожденія городовъ и деревень имѣетъ изученіе географической номенклатуры. Исторической географіи Грузіи еще не существуетъ, поэтому приходилось довольствоваться извѣстнымъ трудомъ Вахуштія: подавляющее количество названій деревень и городовъ съ суффиксами *ети* и префиксами *са*.

или армян. *տն* и греч. *τόπος* (напр. Лука X,2).

Терминъ «даба» обозначаетъ, обработанную, воздѣланную мѣстность, въ отличіе отъ необработанной, именуемой по-грузински *ჯდაბა* «судабно». Первоначальное значеніе этого слова сохранено еще въ сванскомъ, гдѣ «дѣб» обозначаетъ только пашню (см. Сборн. Мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавк. вып. XXI, стр. 76). Позднѣе терминъ начинаетъ вытѣсняться терминомъ «сопѣли», но чѣмъ, собственно, объясняется это явленіе невозможно еще установить*). Выше было выяснено, что въ деревняхъ высшее должностное лицо называлось «мамасахлис»омъ, это терминъ эпохи родового строя, когда въ селеніяхъ жили по родамъ; для древнѣйшей эпохи установить родовой принципъ расселенія жителей по деревнямъ невозможно за отсутствіемъ данныхъ, но еще не такъ давно, насколько это намъ извѣстно изъ найденныхъ теперь *грузинскихъ народныхъ переписей*, этотъ принципъ соблюдался въ арагвскомъ ущельи; такъ напр., по переписи 1774 года видно, что въ деревнѣ Джагумангъ-кари жила исключительно фамилія Джагумидзе (см. изд. Е. Такайшвили 432) въ Кайшауртгъ-кари—исключительно фамилія Кайшаури (ibid. 432), — въ сел. Корого — только фамилія Тца-малайдзе (ib. 437), въ Сваніангъ-кари — исключительно фамилія Сванандзе (ibid. 437); въ сел. Роро — исключительно фамилія Бедойдзе (ibid. 441); въ сел. Гвидакѣ — исключительно родъ Бучукурри (ibid. 442); въ сел. Чончо — исключительно фамилія Нариманидзе (ib. 445—47), въ Бакиангъ-кари — только родъ Бакиаури (ibid. 448), въ Копіангъ-кари — исключительно фамилія Кобайдзе (ibid. 455) и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ Грузіи въ позднѣйшее время уже трудно установить существованіе того же принципа при расселеніи жителей по деревнямъ, такъ какъ сильное и продолжительное вліяніе различныхъ разрушающихъ факторовъ привели къ распаденію родового строя. Но однимъ изъ признаковъ бывшаго родового расселенія по деревнямъ является, какъ было выше указано, присутствіе въ номенклатурѣ деревень суффикса «кари», а также патронимическаго префикса «са» въ такихъ названіяхъ, какъ Сашабуро, Сатчилао, Сагурамо, Саломинао, Салипартіано, Самикѣлао и т. д.

Въ первоначальную эпоху въ виду расселенія по родамъ «мамасахлис»омъ деревни долженъ былъ являться старшій членъ въ родѣ, но долго-

*) Есть основаніе предполагать только, что тутъ на лицо діалектическое явленіе.

ли это продолжалось и, какія измѣненія перетерпѣлъ этотъ институтъ въ позднѣйшее время, сказать за отсутствіемъ данныхъ невозможно. Приведенный въ первой главѣ эксерптъ соборнаго постановленія при ц. Багратѣ показываетъ во всякомъ случаѣ, что въ старину мама-сахлис'ы деревень не имѣли судебныхъ полномочій и что только съ XI вѣка ц. Баграмомъ были имъ таковыя предоставлены.

У древне-греческихъ историковъ сохранилось нѣсколько весьма интересныхъ описаній деревень въ мѣстностяхъ, населенныхъ картвельскими племенами. Эти описанія относятся преимущественно къ IV вѣку до Р. Х. и даютъ намъ возможность представить себѣ картину сельской жизни.

Изъ описанія Ксенофонта видно, что въ противоположность укрѣпленіямъ всѣ деревни, черезъ которыя только приходилось совершать путь эллипамъ, были преимущественно расположены на горныхъ равнинахъ. Такъ, напр., въ главѣ о походѣ на страну кардуховъ онъ рассказываетъ, что «Хейрисофъ достигъ вершины... а потомъ двинулся... въ деревни, которыя были расположены въ долинахъ и ущельяхъ горъ» (Anab. Lib. IV, cap. 1,7); дальше онъ продолжаетъ: «было уже темно, когда послѣднія греческія войска спустились съ вершины (горъ) съ деревни» (Anab. Lib. IV, cap. 1,10). Но не только въ этой мѣстности, двигаясь далѣе, Ксенофонтъ опять засталъ поселки въ равнинѣ: «въ этотъ день, говоритъ онъ, греки остались въ *деревняхъ въ равнинѣ*, которая лежитъ у рѣки Кентрита»... (ib. Lib. IV, cap. 3,1).

Передъ вступленіемъ въ землю таховъ, передаетъ тотъ же авторъ, «эллины, взобравшись на вершину, совершили жертвоприношеніе и поставили Трофей, а затѣмъ *спустились съ равнины и вступили въ деревни*» (ib. Lib. IV, cap. 6,27).

На плоскости находились точно также и поселенія скиѳиновъ; «эллины пришли, рассказываетъ Ксенофонтъ, къ рѣкѣ Аарпаду въ 4 плетра ширины; а оттуда *по землѣ скиѳиновъ по равнинѣ и прибыли въ деревни*, въ которыхъ, пробыли 3 дня» (ib. Lib. IV, cap. 7,18).

Точно также, когда Ксенофонтъ рассказываетъ о разграбленіи греками колхскихъ деревень, то онъ сообщаетъ, что трапезундскіе горожане «ходатайствовали *за сосѣднихъ колховъ, жившихъ преимущественно въ равнинѣ*» (ib. Lib. IV, cap. 8,24), чтобы ихъ деревни не опустошались.

Въ туземныхъ городахъ и селахъ постройки были деревянныя; это объясняется обиліемъ въ этихъ мѣстностяхъ лѣсовъ. Не только

дома, но даже башни и крѣпостныя стѣны были построены изъ этого матеріала. У дриловъ, напр., кругомъ укрѣпленія «былъ проведенъ широкій ровъ, на насыпи котораго были натыканы колья и было выстроено множество деревянныхъ башенъ» (Херophon. Анаб. Lib. V, сар. 2,5). Царь, или предводитель моссинойковъ, жилъ также въ деревянной башнѣ (ib. Анаб. Lib. V, сар. 4,26), а обыкновенные дома были двухэтажные, причеиъ въ верхнихъ этажахъ хранились съѣстные припасы, каштаны и т. п., внизу жили сами (ib. Lib. V, сар. 4,27-29).

Изъ описанія Страбона видно, что въ Иберіи поселенія были обставлены лучше и преобладали каменные постройки даже съ черепичными крышами (Geogr. lib. XI, сар. III). Но, такъ какъ еще до послѣдняго времени въ разныхъ мѣстахъ можно было видѣть наполовину или совершенно подземныя постройки жилищъ крестьянъ, которыя напоминаютъ по описанію Ксенофонта подобныя же постройки въ Арменіи (Анаб. Lib. IV; сар. 5,25), то можно предполагать существованіе построекъ этого типа въ эпоху Ксенофонта и Страбона и въ нѣкоторыхъ областяхъ Иберіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Населеніе.

Изъ описанія Страбона можно было убѣдиться, что основной единицей социальнаго дѣленія грузинскаго народа былъ родъ; на грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько названій для передачи этого понятія: ჯგერო, ბათქსვგო, ტყემლი или ტყდო «гвари», «натесави», и «тоими» или «томи», — причѣмъ послѣднее слово представляетъ изъ себя заимствование персидскаго via armenіаса слова *tançal*, *tuxm*, что обозначаетъ сѣмя, родъ; это слово было видимо общепринятымъ у всѣхъ народовъ, находившихся подъ вліяніемъ иранской культуры; оно вошло также въ сирійскій *ܛܘܡܐ*, какъ *terminus technicus* для обозначенія фамиліи, рода. Въ грузинскомъ хотя и было оно распространено, но преимущественно въ переводныхъ съ армянскаго памятникахъ, и потому для древнихъ оригинальныхъ произведеній не можетъ считаться обычнымъ; есть, напр., произведенія, притомъ наиболее древнія, въ которыхъ это слово почти ни разу не встрѣчается, вмѣсто него тамъ употреблено другое слово; такъ, напр., въ хроникѣ *Обращенія Грузіи* и *Исторіи Багратидовъ* Сумбата Давидовича, исторіи Леонтія Мравели для передачи понятія родъ всегда употребляется *ბათქსვგო* «натесави», а не *ტყემლი* «тоими».

Даже въ евангельскомъ текстѣ это послѣднее слово необычно, оно встрѣчается только пять разъ (Мат. XIX, 28; XXIV, 30; Лука I, 27; II, 4 и 36; XXII, 30), во всѣхъ остальныхъ случаяхъ грузинскіе переводчики употребляютъ слово «натесави»; это послѣднее — настоящее грузинское слово и обозначаетъ «посѣянное», такъ что по смыслу равнозначуще заимствованному «тоими». Первое изъ грузинскихъ названій рода — *ჯგერო* «гвари» тоже коренное туземное слово, но оно совершенно не встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ письменности: оно не употребляется вовсе, напр., въ *Евангелии*, въ *агиографическихъ памят-*

никакъ начальнаго періода, въ *хроникъ Обращенія Грузіи* и *Исторіи Багратидовъ* Сумбата Давидовича; появляется оно довольно поздно, приблизительно въ IX—X вѣкахъ, но затѣмъ вытѣсняетъ почти совершенно другія наименованія рода; это обстоятельство, вѣроятно, нужно объяснить діалектическимъ происхожденіемъ слова *шари*; оно появилось съ момента выступленія на арену государственной жизни одного изъ грузинскихъ племенъ и, получивъ право гражданства, стало обычнымъ въ законодательныхъ памятникахъ. Кромѣ вышеприведенныхъ названій рода на грузинскомъ существовало еще одно наиболѣе арханчешское; это именно *სახლი* «сахли» — домъ, тотъ же самый терминъ, который употреблялся для обозначенія территориальныхъ единицъ; въ древнѣйшій періодъ родъ назывался «сахли» домоу; это сохранилось еще до сихъ поръ въ томъ словѣ, которое употребляется для обозначенія сородичей, однофамильца: по-грузински они называются *სახლისძე* «сахлисъ кацни», т. е. «люди дома»; очевидно, тутъ домъ «сахли» обозначаетъ родъ; затѣмъ это же названіе показываетъ, что сородичи или однофамильцы, жившіе позднѣе обыкновенно отдѣльно, составляли въ древности одинъ домъ, жили одной семьей.

Выше было указано, что къ первому вѣку нашей эры согласно описанію Страбона въ Грузіи частная собственность еще не была известна; имѣнія были общи по родамъ; во главѣ рода стоялъ самый старшій членъ данной фамиліи, который и распоряжался всѣмъ родовымъ имуществомъ; какъ уже было установлено, эти старшіе родо-вымы имуществомъ; какъ уже было установлено, эти старшіе родо-вымы носили названіе «мамасахлис»овъ. Это видно и изъ одного мѣста произведенія армянскаго историка Лазаря Парпсакаго, гдѣ онъ говоритъ,

«*საჯიშարհէն Վրաց բռեշին
Աշուշա եւ այլ տիպականերք
սჯիարհին (Պատմութիւն Հայոց,
Գրական ք. ԻԵ)».*

что «во дворецъ персидскаго царя изъ страны грузинъ [прибыли] бдэшхъ Ашуса и другіе танутеры страны».

Въ виду того, что армянское слово «танутерь» вполне равняется и передаетъ по значенію грузинское «мамасахлис» и такъ какъ данной фразѣ предшествуетъ списокъ главъ или танутеровъ армянскихъ нахарарскихъ родовъ, отправившихся совместно съ грузинской и албанской знатью ко двору царя царей, вслѣдствіе этого приходится прийти къ заключенію, что въ интересующей насъ фразѣ упоминаются мамасахлисы, или главы грузинскихъ привилегированныхъ родовъ.

Совершенно иное представление имѣется объ правопорядкѣ и условіяхъ пользованія имѣніями, царившихъ въ древнѣйшемъ грузинскомъ обществѣ, у историка Леонтія Мровели, автора начальной части «Карт. Цхов.» Достоинно прежде всего вниманія то обстоятельство, что всѣ члены семьи родоначальника грузинъ и его потомковъ дѣлятся тотчасъ по смерти отца; они дѣлятъ между собой всю недвижимость; такъ, напр., поступаютъ сыновья Картлоса Мцхетосъ, Гардабосъ, Кахосъ, Кухосъ и Гачіосъ; характерно при этомъ, что дѣлитъ братьевъ ихъ мать (Карт. Цх. ред. ц. Маріи, стр. 6); точно также дѣлятъ и сыновей Мцхетоса (ibid. 7). Любопытно также, что братья дѣлятъ между собой не только землю, но и жилое помѣщеніе, причѣмъ домъ достается всегда старшему сыну, такъ, напр. Мцхетосъ наследуетъ мѣстопоселенія отца (ibid. 6) точно также какъ и Уплосъ (ibid. 7). Очевидно, историкъ имѣлъ совершенно превратное представленіе о правовыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ древнѣйшій періодъ въ Грузіи; по его взгляду частная собственность была извѣстна еще тогда; по смерти отца происходилъ немедленно дѣлежъ; очевидно, авторъ переноситъ современныя ему правовыя нормы въ первобытную эпоху Грузіи. Нужно указать при этомъ, что во всей этой картинѣ встрѣчается одна интересная, быть можетъ, болѣе или менѣе архаическая черта: это именно фактъ наследованія дома отъ старшимъ сыномъ; дѣло въ томъ, что по законамъ царя Вахтанга VI (см. § 103) домъ отца долженъ былъ перейти именно къ самому младшему брату; поэтому, если только представленіе Леонтія Мровели въ данномъ вопросѣ не является книжной правовой реценціей, оно должно отражать теперь уже утерянный правовой институтъ древней Грузіи.

Была-ли должность мамасаклиса'а выборна, существовали-ли родовыя собранія, контролировавшія дѣйствія старшаго члена рода по вопросамъ управленія родовымъ имуществомъ, каково было взаимоотношеніе и зависимость между мамасаклисомъ и остальными членами рода, на всѣ эти вопросы дать отвѣты за отсутствіемъ какихъ бы то ни было данныхъ невозможно. Нужно думать только, что для назначенія мамасаклиса'а могли обходиться и безъ выборовъ, такъ какъ вопросъ о томъ, кто самый старшій членъ въ данной фамиліи едвали нужно было подымать, это было всѣмъ извѣстно, и вопросъ о кандидатѣ рѣшался самъ собой. Почти ничего неизвѣстно также о правахъ отца по отношенію къ дѣтямъ за исключеніемъ одного мѣста *житія 9 отроковъ Колайскихъ*, гдѣ правитель на предложеніе жите-

лей судить дѣтей-рenegатовъ отвѣтилъ: «они — ваши сыновья, власть принадлежитъ вамъ. Дѣлайте съ ними, что хотите!» (Н. Марръ, Тексты в раз. кн. V, 69); родители, такимъ образомъ, властны распоряжаться жизнью и смертью своихъ дѣтей; но этотъ примѣръ сравнительно поздней эпохи, время распространения христіанства въ Грузіи, и, какъ обстояло дѣло въ этомъ отношеніи раньше, нельзя ничего сказать.

Отдѣленный членъ рода, какъ было упомянуто, назывался სხლის შვილი «сахлись швили» (см. შიომღ. ისტ. სპ. стр. 55) и სხლის კაცი, «сахлись кацн», т. е. сынъ, человекъ дома, но имѣется и другое наименованіе «გვარის შვილი» «сынъ рода»; въ древне-грузинской литературѣ встрѣчается еще одинъ терминъ, имѣющій отношеніе къ данному вопросу: это — терминъ სეჟე «сѣпэ» или სეჟეწული «сѣпэ-тцули». Слово сѣпэ заимствовано, какъ это установлено Н. Марромъ, изъ армянскаго սեպուհ, которое съ своей стороны представляетъ изъ себя заимствованное изъ персидскаго языка viçpūt или viçb-puthra (см. Н. Марръ, Зап. Вост. Отд. т. V, стр. 286—9 и ibid. т. XI, стр. 165—170).

Viçb-puthra обозначаетъ «сына дома» и равняется арамейскому ܒܪܝܬܐ Barbitā и, судя по этимологическому составу, могло бы обозначать любого члена рода, сородича, т. е. равнозначуще часто грузинскимъ терминамъ სხლის შვილი «сахлись швили», სხლის კაცი «сахлись кацн» и გვარის შვილი «гварисъ швили»; болѣе точное соответствіе послѣдняго слова имѣется въ сирійскомъ ܒܪܝܬܐ Bartūhna, обозначающемъ именно сына рода.

Терминъ სეჟე «сѣпэ» и სეჟეწული «сѣпэ-тцули» встрѣчается въ нѣсколькихъ произведеніяхъ: въ *мученичество Евставія Мхетскаго* сказано, напр., что на прощаніи съ уѣзжавшимъ марзпаномъ Грузіи

«შეკრბეს ქართლის მთავარნი... და სამოელ ქართლის კათალიკოსი და გრიგოლ ქართლის მამასახლისი და არბუბა (არბუბა) ქართლის პიტიახში და სხუანი სეჟეწულნი»... (изд. Сабинина, Рай Грузіи, 315)

«собрались правители 'Каргліи и Самунгъ католикосъ 'Каргліи и Григорій мамасახлись 'Каргліи и Аршуша питіахшъ 'Каргліи и другіе сепуһи»;

выраженіе «и другіе сепуһи» даетъ основаніе предполагать, что, по мнѣнію автора, правители (ერისთავნი), мамасახлись и питіахшъ Грузіи также считались сепуһами; заключительными словами «и другіе сепуһи»

агиографъ хотѣлъ сказать, что сверхъ перечисленныхъ, считающихся сепунами, были и другіе, которыхъ онъ по имени и занимаемой должности не хочетъ называть. Въ виду этого «сэпэтцули» въ данномъ отрывкѣ должно обозначать членовъ знатныхъ родовъ, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ политическую власть; при этомъ сэпуh'ство, вѣроятно, не составляло особой должности, такъ какъ и мамасахлись и питіахшъ и остальные эристав'ы носили это общее наименованіе: такимъ образомъ, интересующій насъ терминъ будетъ по значенію равняться сасанидскому термину «людей домовъ» *اهل البيوتات*, сохраненному у Табари, которымъ, по мнѣнію пр. Нольдеке, назывались члены семи знатнѣйшихъ фамилій въ сасанидскомъ государствѣ. (Nöldeke, Tabari, Geschichte d. Perser zur Zeit. d. Sass. 71, 437, I. Darmesteter Études Iraniennes, Mélanges d'histoire et de littérature Iranienne, p. 139).

Для большого подтвержденія принятаго вывода значенія სეჟე «сэйэ» или სეჟეწულო «сэпэтцули» можно привести еще слѣдующее мѣсто *мученичества Шушаники*:

«ზნაურნი დიდდინი, სეჟექალნი,
დედანი, აზნაურნი და უზნობნი
სოფლისა ქართველისნი მოვიდენ»...

(изд. Сабянина, Рай Грузія 191).

«пришли родовитые (азнаурни)
великіе, *сепуhi женщины*, дамы,
родовитые и неродовитые стра-
ны Грузія».

Очевидно, что въ данномъ отрывкѣ «сэйэкални» *женщины сепуh'и* можетъ обозначать только членовъ знатныхъ родовъ женскаго пола, такъ какъ женщины въ то время не занимали никакихъ должностей; при этомъ вѣроятно такъ назывались незамужнія дѣвушки.

Такимъ образомъ, терминъ сэпэ обозначаетъ члена рода, сына или дочь любого рода и равняется грузинскимъ «сахлись швили» (сынъ дома), «сахлись каци» (человѣкъ дома) и «гварись швили» (сынъ рода); при этомъ, какъ культурное иноземное слово, оно употреблялось и примѣнялось въ кругу знатныхъ родовъ и преимущественно относительно членовъ ихъ семей и вытѣснило изъ обихода благодаря этому туземныя равнозначущія названія; этотъ терминъ употреблялся, какъ на это указываетъ М. Хоренскій, и примѣнительно къ потомкамъ царской фамиліи,

ყაუი ზ სბჟი ნიგა ჯაროღინ
გონღი ანოლარ არგონი. Այլ
առաջինն հաստատ ի զարմից

на мѣсто нихъ (т. е. древнихъ) воз-
становили отряды изъ другихъ,
именуемыхъ (соб. по имени) цар-

Թագաւորացն անաջնոց, որպէս է
այժմ ի վրաց աշխարհին, որ
Սեփեռլըն կոչի (Պատմ. Հ. II, 4)

скими. Первый же [изъ этихъ отрядовъ] положительно [былъ составленъ] изъ потомковъ первыхъ царей, какъ это теперь въ Грузіи, которые называются «сепетцуг'амъ».

Въ значеніи принцессы царскаго рода употреблено слово სეფე-
ქლო «сейэ-кало» и въ *ж. св. Нины* (см. изд. Такайшвили, стр. 26).

* * *

Конечно, по своему значенію роды были не одинаковые: одни пользовались бѣльшимъ вѣсомъ и уваженіемъ, задавали тонъ, какъ въ обыденной жизни, такъ и въ экстраординарныхъ случаяхъ, другіе должны были довольствоваться болѣе скромными ролями; роды могли быть знатные, такъ называемые, дворянскіе и незнатные.

Насколько можно судить по описанію Страбона, въ Грузіи къ началу перваго вѣка нашей эры сословное неравенство, собственно говоря, еще только начиналось: если оставить въ сторонѣ жрецовъ, должность которыхъ была видимо наследственной въ извѣстныхъ родахъ, въ наличности оказываются три социальныя группы: изъ нихъ первая это—родъ, изъ котораго ставили обыкновенно грузинскаго царя, — о немъ была рѣчь раньше, и къ вопросу о сословіяхъ непосредственнаго онъ отношенія не имѣетъ; третье — это τὸ τῶν λαῶν, οἱ βασιλικοὶ δοῦλοι εἰσι «простолюдины, которые являются царскими рабами»; они, согласно описанію Страбона, считались царскими рабами и доставляли своему господину все необходимое для жизни. Объ нихъ будетъ еще рѣчь особо; пока можно лишь сказать, что, судя по краткому описанію Страбона, — рабство еще не составляли общаго явленія: ни земледѣльцы-воины, ни жрецы не владѣли ими; къ началу перваго вѣка нашей эры въ Грузіи рабы имѣлись еще только у царскаго рода; остается, однимъ словомъ, лишь та социальная группа, про которую Страбонъ пишетъ:

«τρίτον δὲ τὸ τῶν στρατευομένων
καὶ γεωργούντων»

«третій [родъ жителей состоитъ]
изъ тѣхъ, которые занимаются
военнымъ дѣломъ и земледѣ-
ліемъ».

Такимъ образомъ, за исключеніемъ царскихъ рабовъ, вѣроятно немногочисленныхъ, все населеніе въ Грузіи было свободно само и не владѣло съ своей стороны несвободными; указаній на существованіе при этомъ сословныхъ или иныхъ различій въ населеніи у Страбона совершенно не имѣется.

Это свободное населеніе Грузіи занималось земледѣльемъ, а когда того требовали обстоятельства и военнымъ дѣломъ; такъ нужно, мнѣ кажется, понимать слова Страбона: во всякомъ случаѣ, ошибоченъ обычный переводъ, въ томъ числѣ и г. Латышева (Извѣстія древнихъ писат. греч. и рим. томъ I, вып. 1, стр. 140), по которому выходитъ, будто «къ третьему классу относятся войны и земледѣльцы», иначе говоря, будто этотъ «классъ» распадался на двѣ группы: на воиновъ и земледѣльцевъ, — ошибоченъ потому, что если Страбонъ бы желалъ выразить подобную мысль, то онъ вмѣсто данной фразы, нужно думать, употребилъ бы τὸ τῶν στρατιωτῶν καὶ γεωργῶν, пользуясь же причастными формами, вѣроятно, знаменитый географъ указываетъ на то, что строгой дифференціаци и профессиональнаго дѣленія на воиновъ и земледѣльцевъ среди свободнаго населенія еще не существовало, а это, какъ будетъ указано ниже, имѣетъ немаловажное значеніе.

Лица, принадлежавшія къ знатымъ родамъ, именуется на грузинскомъ языкѣ ჯგერები «азнаурни»; это названіе употребляется во всѣхъ древнихъ памятникахъ; такъ напр. въ *хроникъ Обращенія Грузіи* (изд. Такайшвили, 25, 27), въ грузинскомъ текстѣ *мученичества Шуманики* (изд. Сабинина, Рай, стр. 182, 191) и другихъ древнѣйшихъ агиографическихъ памятникахъ. Достоинъ вниманія, что даже *Леонтій Мровели*, авторъ начальной части «Картлисъ Цховреба» *явленіе привилегированнаго, т. н. дворянскаго сословія считаетъ сравнительно позднимъ явленіемъ*, во всякомъ случаѣ онъ не относитъ его къ изначальнымъ институтамъ государственной жизни грузинскаго народа: у него имѣется слѣдующая, хотя и наивная, но все же интересная теорія о происхожденіи этого, вліятельнаго сословія въ Грузіи: воины, недовольные Азономъ, намѣстникомъ Александра, въ количествѣ

ათასი მკედარი... განუდგეს: აზონს:
და მოვიდეს: წინაშე: ფარნავაზის:
მამის: უკუეღბი: ქართველნი: გან-
უდგეს: აზონს: (Кар. Цхов. р.
Марія, изд. Такайшвили, 19).

«1000 всадниковъ отпали, говорить историкъ, отъ Азона и пришли къ Фарнавазу; тогда всѣ грузины возстали противъ Азона.

Послѣ побѣды и утверждения порядка въ странѣ Фарнавазъ

«იგი: რომნი: ათასნი: მეკლარნი:
რომელნი: აზონისკან: მოკრთეს:
ფარნავაზს:.. განუენა: კეთა: და
ქუეუანათა: შინა: იპურნა: იგინი:
კეთილად: რამეთუ: ბრძალას: მას:
აზონისსა: მკნედ: იუენეს: და:
უწლდა: მათ: სახელი: აზნაურნი:»
(ibid. 22).

«тѣхъ 1000 римскихъ всадни-
ковъ, которые присоединились
отъ Азона къ Фарнавазу... раз-
дѣлилъ по ущельямъ и областямъ;
онъ обращался съ ними хорошо,
такъ какъ въ битвѣ съ Азономъ
они были мужественны, и на-
звалъ ихъ *Азнаурами*».

Но только при царѣ Саурмагъ, получившемъ суверенную власть благодаря «азнаурамъ», они усилились, такъ какъ, по словамъ историка, Саурмагъ

«დაამდაბლნა: ქართლოსნნი: და:
წარჩინებულენა: აზნაურნი:» (ibid.
23).

*«унизилъ потомковъ Картлоса
и выдвинулъ впередъ Азнауровъ
(Азонидовъ= родовитыхъ).*

Во всей этой теоріи интересно, конечно, не то объясненіе, безусловно ошибочное и наивное, которое даетъ Леонтій Мровели относительно происхожденія привилегированнаго сословія, а сама точка зрѣнія автора. Изъ вышеприведенныхъ отрывковъ явствуетъ, что *грузинскій историкъ считаетъ* сословныя преимущества и различія болѣе или менѣе позднимъ явленіемъ, что *сначала, въ древнѣйшій періодъ историческаго существованія грузинскаго народа всѣ жители, всѣ потомки Картлоса были равны и свободны*; болѣе того, дворянскіе роды авторъ считаетъ даже не туземнаго, а иностраннаго происхожденія. Основательно ли это, и въ чемъ источникъ сословныхъ различій родовъ, покажетъ дальнѣйшее изученіе.

Обратимъ вниманіе на самый терминъ, употребляющійся въ грузинскомъ для обозначенія членовъ знатныхъ, именитыхъ родовъ, именно на слово აზნაური «азнаური». Еще покойный грузиновѣдъ М. Броссе указалъ на зависимость этого термина отъ армянскаго ազն «азнъ» родъ (Description géographique de la Géorgie, 7); «აზნაური» aznauri (изъ *aznavegi) представляетъ слово, произведенное съ суффиксомъ ur = *ver сынъ, отъ армянскаго ազն azn родъ» (Н. Марръ, Тексты и разысканія, книга VI, Физиологъ, 81); такимъ образомъ «азнаური» будетъ собственно обозначать «сынъ рода», *родовитый*. Населеніе

Грузіи въ V в. по Р. X. распадалось въ общемъ, какъ это видно изъ *Житія Шушаники*, на «*ზნაურნი და უზნონი სოფლის ქართლისანი*» (изд. Сабинина, Рай Грузіи 191) «*азнаური да уазнони соѣлса картлिसани*».

Итакъ, были люди *უზნონი* «уазнони» или, какъ историкъ ц. Тамары говорить, «*გვარითა უზნონი*», родомъ безродные (см. *ქრ. ცხ. изд. Чичинадзе 408* «*გვარითა უზნონთა ჯამაღლეხს სიმდიდრე*»); выраженіемъ «уазно» и «гваріа уазно» соответствуетъ слово *უგვარო* «угваро», слово, употребленное тѣмъ же авторомъ (*ibid.* 407), такъ какъ и «уазно» и «угваро» оба обозначаютъ «безродный»; разница заключается только въ томъ, что въ первомъ случаѣ для образованія взято иностранный слово, а во второмъ туземное.

Понятіе противоположное «угваро» и «уазно» (безродный) было «азнаური», или, какъ историкъ Тамары выражается, «*გვარტომბითა ზნა უზნა*» (*ibid.* 444) «родомъ небезродный», а еще чаще «*გვარინი*» «гваріани» и всѣ обозначаютъ «родовитый» (*ibid.* 407); разница между двумя терминами «азнаური» и «гваріани» заключается опять таки только въ томъ, что первое образовано отъ заимствованнаго, второе отъ чисто грузинскаго слова.

Но есть еще болѣе высшая градація, чѣмъ «гваріани» и «азнаური», это *დიდგვარინი* «дидгваріани», терминъ употребляемый историкомъ ц. Тамары (см. *ქრ. ცხ. изд. З. Чичинадзе, 410*); названіе «дидгваріани» прилагалось къ человѣку самаго знатнаго происхожденія и обозначаетъ собственно «члена большаго рода», т. е. члена многочисленнаго рода.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ три ступени: *დიდგვარინი* «дидгваріани», *გვარინი* или *ზნაურნი* «гваріани» или «азнаური» и *უგვარო* или *უზნა* «угваро» или «уазно».

При этомъ терминъ «дидгваріани», обозначающій самую высшую градацію знатности, показываетъ, что въ древнѣйшую эпоху Грузіи какъ родъ, такъ и его отдѣльный членъ стоялъ тѣмъ выше, былъ тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ больше былъ родъ; это и понятно, вѣдь сила была всегда на его сторонѣ. Это социальное-правовое понятіе было настолько прочно укрѣплено въ общественномъ сознаніи, что чувствовалось даже въ XVIII вѣкѣ; такъ, напр., царь Вахтангъ говорить:

«დიდებულნი თავადი ეს არის: გაუერქელი ერთი თავი თითონ არავის ერისთავი, გაუერქელი ერთი თავი თითონ ქსნის ერისთავი, გაუერქელი ერთი თავი თითონ ამილახორი, გაუერქელი ერთი თავი თითონ ორბელიშვილი, როცა გაუერქელი უფილად ციციშვილი» (Законы § 35).

«вельможные князья слѣдующіе: глава *нераздѣленную* [рода] самъ Эриставъ Арагвскій, глава *нераздѣленную* [рода] самъ Амлахори, глава нераздѣленнаго [рода] самъ Орбелишвили и, *когда нераздѣленными были, и Цицишвили*».

Только до тѣхъ поръ, пока родъ оставался нераздѣленнымъ, члены его могли быть причисляемы къ «дидебуламъ», вельможамъ: стояло лишь, напр., роду Цицишвили раздѣлиться, какъ онъ потерялъ это достоинство. Почему? потому, что онъ уже не былъ членомъ многочисленнаго рода, не былъ «დიდებულნი» «дидгვარიანი».

Если перейти къ разсмотрѣнію термина «уазно» или «угваро», которыми обыкновенно называли лицъ, стоявшихъ на самой низкой ступени соціальной жизни, то и тутъ на первомъ планѣ выступает *властное значеніе рода*; достойно вниманія именно то обстоятельство, что *грузинскимъ терминомъ «уазно» съ переводныхъ памятникахъ съ армянскаго передается армянское անազատ «аназатъ», слово, обозначающее несвободнаго*. Такъ, напр., въ грузинскомъ текстѣ *Мученичества Шушаники* выраженіе «ზნაურნი და უზნაური სოფლის ქართლისანი» (изд. Сабинина, 191) соотвѣтствуетъ армянской фразѣ «*ազատք եւ անազատք աշխարհին վրաց (Սուփ. Հայկ. Թ. стр. 52)* «свободные и несвободные [жители] страны Грузія». Такимъ образомъ, *лицо «безъ рода» не пользовалось никакимъ значеніемъ*, было лишено даже гарантій свободы, такъ какъ у него не имѣлось защитника въ лицѣ рода; въ то время какъ членъ рода, родовитый, называвшійся по-грузински *გვარანი* «гваріани», или «азнаური» могъ быть увѣренъ въ своей независимости и онъ оставался свободнымъ: это и отразилось на самомъ терминѣ, употребляемомъ для обозначенія членовъ привилегированныхъ родовъ, на словѣ «азнаური», *которое этимологически имѣетъ смыслъ «сына рода», родовитаго, но употреблялось въ значеніи «свободный»*. Выше былъ приведенъ лишь одинъ примѣръ; здѣсь можно указать еще нѣсколько изъ массы подобныхъ случаевъ.

Въ агіографическихъ памятникахъ армянской церкви, переведенныхъ на древне-грузинскій, терминомъ *ზნაური* «азнаური», пере-

дается всегда армянское слово *ազատ* «азат», имѣющее смыслъ свобода-наго, такъ напр.: въ *муч. Атома, ею сына и друзей*: ქუნით სომხთით მწვევებულ აზიან აქა აზნაურნი (л. 233, b) = *საჯარჯჯნი ჯაჲთჳ აჲრ ჯახხალ ხნ აჯათჳ* (Уз. т. XIX, стр. 71);

ამხილდა... გუნდისათვის აზნაურთა სომხთისათა (ibid. л. 234, a) = *სოჯ არარხალ... ჟაჯათაჲნი ჯაჲთჳ* (ibid. стр. 72).

მონათა ჩემთა აზნაურთა და ჩინებულთა მგებართა მიმართ ქუნიის სომხთისათა (ibid. 234, a) = *აჲ... ბაჲსაჲ მერ, აჲ აჯათჳ ხლ ოჲმჩი ჯხბხალ ჯაჲთჳ აჯარჯი* (ibid. стр. 72).

შეიკრიბნა ონ ანტომ (sic) ვნუნამან თჳსნი აზნაურნი (ibid. л. 234, b) = *ბოჲიქხალ თჳრ ბოჲიქხალნი ჩიროქჳ აჯათჳ* (ibid. стр. 73).

Въ муч. Давида Девинскаго:

არტავსტ ძმაჲ მისი თანს აზნაურთა მრავლთა (ibid. л. 177, b) = *ბროჲსაჲჲ ნორჩნ ხეჲჲრ რაჲიქ აჯათჳ* (Уз. т. XIX, стр. 95).

Такимъ образомъ, *если откинуть отъ смысла терминологию, то отъ древнѣйшую эпоху Грузіи основнымъ и существеннымъ значеніемъ отъ сословныхъ преимуществъ пользовались родовыя достоинства и качества*: тотъ, кто являлся членомъ многочисленнаго, могущественнаго рода, тотъ пользовался и большимъ почетомъ и влияніемъ среди лицъ, принадлежавшихъ къ обыкновенному, небольшому роду, именовавшихся «гваріани», или «азнаури» и пользовавшихся независимостью и свободой. Люди «безъ рода», «угварони», «уазнони» не пользовались никакимъ значеніемъ и, въ виду того, что были лишены защиты въ лицѣ сородичей, считались несвободными. Сообразно съ этими правовыми нормами, конечно, и понятіе о чести въ древней Грузіи, зиждилось на родовыхъ, а вовсе не на индивидуальныхъ достоинствахъ; вѣдь даже само слово *გვარისშვილბა* «гварисъшвиоба», употребляющееся по-грузински для ея передачи, обозначаетъ, собственно, ничто иное какъ «сынность рода», принадлежность къ роду. Данные анализа сословной терминологіи показываютъ, такимъ образомъ, что нѣтъ никакой необходимости искать причину возникновенія въ Грузіи социальнаго неравенства въ иноземномъ влияніи. Древнѣйшее указаніе на существованіе въ Грузіи нѣкотораго сословнаго различія въ средѣ свободнаго населенія относится ко второму вѣку нашей эры и имѣется у Діона Кассія, который сообщаетъ, что Фарасманъ Иберскій прибылъ съ супругой въ Римъ къ императору Адріану, который поставилъ грузинскому царю на Марсовомъ полѣ конную статую. По словамъ историка императоръ «смотрѣлъ

γυμνασίαν αὐτοῦ τε καὶ τοῦ υἱέος
τῶν τε ἄλλων πρώτων Ἰβήρων
ἐν ὄπλοις εἶδεν (Erit., LXIX, 16,
Латыш. Изв. 622).

упражнения съ оружіемъ его
самого и сыновей другихъ *пер-*
выхъ Иберовъ.

Кого, собственно, подразумѣвалъ Діонъ Кассій, употребляя слово *πρῶτοι*, первые, знатные? вѣроятно все, что тутъ рѣчь идетъ о лицахъ, стоявшихъ на высшей ступени социальнаго строя; въ грузинскомъ переводѣ Евангелія греческое *πρῶτοι* и армянское *մեծամեծք* передается словомъ *հնչադո* «азнаური» (Маркъ VI, 21). Можно думать поэтому, что въ текстѣ Діона Кассія подъ выраженіемъ *τοῦ υἱέος τῶν τε ἄλλων πρώτων Ἰβήρων* нужно понимать «сыновей другихъ знатныхъ или вѣрнѣе родовитыхъ (=азнауровъ) Иберіи». Съ усиленіемъ центральной власти роды стали выдвигаться также благодаря службѣ; они назывались *մսხურეული* «мсахуреули», служилые; такимъ образомъ, на ряду съ родовой честью стала выступать служилая честь, но изученіе этого выходитъ за предѣлы даннаго тома нашего труда. Съ теченіемъ времени «родовитые», или «азнауры» начали усиливаться и приобрѣли видимо сословно-политическую организацію. По крайней мѣрѣ согласно описанію автора *Хроники Обращенія Грузіи* они выступаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ, такъ, напр., историкъ про постройки храмовъ говоритъ:

«აღაშენეს აზნაურთა წმიდაჲ იგო
ეკლესიას მცხეთას» (Три Хроники,
стр. 25)

«построили *азнауры* святую цер-
ковь во Мцхетѣ».

«აზნაურთა სტეფანე-წმიდაჲ აღა-
შენეს ანატეის ზედა» (ibid. 27).

«азнауры на Арагвѣ построили
[церковь] св. Стефану».

Болѣе важно то, что *власть надъ страной послѣ уничтоженія царской власти въ Грузіи* (т. е. съ VI в. по Р. Х.) *перешла, по словамъ историка Багратидовъ, къ сословію азнауровъ*:

«ფინათგან მოაკლდა მეფობა შვილ-
თა გარეკასლისთა, მით ჟამითგან
ეპურა უფლებს ქართლისს აზნაურთა
გიდრე ამათამდე (ibid. стр. 44).

«съ того времени, какъ потомки
Горгасала лишились царства,
власть держали въ рукахъ азна-
уры 'Картли вплоть до (влады-
чества) этихъ (Багратидовъ)».

Къ сожалѣнію у историковъ нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы изучить сословно-политическую организацію «родовитыхъ» и вопросъ до поры до времени долженъ остаться открытымъ.

* * *

Выше было указано, что, согласно описанію Страбона, все свободное населеніе Грузіи занималось въ древнѣйшую эпоху земледѣліемъ, а въ необходимыхъ случаяхъ выступало на поле брани; такое положеніе дѣлъ заставляетъ предполагать, что страна еще не знала строгой специализаціи, что еще не существовало лицъ, занимавшихся весь свой вѣкъ военнымъ дѣломъ, *не было организованнаго войска, а имѣлось на лицо только народное ополченіе*: вчерашній земледѣлецъ превращался сегодня, въ минуты опасности или предпринимаемаго похода, въ воина. Подобное положеніе вещей засталъ и Ксенофонтъ среди всѣхъ картвельскихъ племенъ, жившихъ по юговосточному побережью Чернаго моря: стоило только появиться эллинскому войску въ той или иной мѣстности, какъ все мирное мужское населеніе вооружалось и становилось въ ряды сражающихся. Такимъ образомъ, народъ становился войскомъ, и войско представляло изъ себя народъ. Подобное положеніе дѣла ясно отражается и въ самой терминологіи: грузинскій языкъ для обозначенія понятія народъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи только слово շօ «эри».

Такъ, напр., въ Евангеліи словомъ շօ «эри» передается армянское *սմբուի* и греческое *ὄχλος* (Мат. 26,47,55, Маркъ 14,43) или же армянское *ժողովուրդ*, а греческое *ὄχλος* и *λαός* (Лука 8,4; 19,47; Иоаннъ 11,50). Въ то же самое время данное слово «эри» въ древне-грузинской литературѣ употребляется для передачи понятія «войско», такъ, напр., въ переводѣ *муч. Оукаветскихъ* фраза армянскаго текста: *սյնկհտեւել զօրս գումարեալ (ՍՀ. томъ XIX, стр. 34)*, обозначающая «послѣ этого собравъ войско» передана (л. 239,а): «սմօյօտօցսօ շօն յօյնս յօ» (эри = зор), или еще фраза «համար առեկր զօրացն» (ibid. стр. 39), что обозначаетъ: сдѣлалъ подсчетъ войскамъ, переведено на грузинскій (л. 240,а) «սընհտեւել յօ շօնս» (эри = зор) и т. п. Равнымъ образомъ единственный терминъ, извѣстный Евангелію для перевода слова воинъ, շօնսցսօ «эрисагани» (см. Мат. 8,9 = гр. *στρατιῶται*, арм. *զինաւորք*; 28,12 = гр. *στρατιωτης*, арм. *զօրաւիան*; Иоанна 19,2,32,34 = гр. *οἱ στρατιῶται*, арм. *զինաւորք*) обозначаетъ одновременно и «изъ войска» и «изъ народа», въ какомъ смыслѣ данный терминъ употребляется даже въ Евангеліи (см. Луки 12,13 շօնսցսօ = гр. *ἐκ*

του βχλου, арм. *ժողովուրդ*). Понятно, что подобное двойное значение слова «эри» можетъ объясняться только тѣмъ, что народъ и войско составляли одну и ту же величину. Съ другой стороны то обстоятельство, что въ Иберіи народъ составлялъ войско, и существовало народное ополченіе, и можетъ дать объясненіе, почему страна могла выставить такое многочисленное войско (по словамъ Страбона около 60,000 пѣхоты и 22,000 всадниковъ, численность войска у Албанцевъ, см. Geographica, lib. XI, cap. IV,5 и Латыш. Изв., стр. 142).

Относительно вооруженія и военной организаціи картвельскихъ племенъ у классическихъ писателей имѣется довольно много свѣдѣній, особенно у Ксенофонта; это и понятно: ему приходилось видѣть всѣхъ ихъ только во время военныхъ дѣйствій или же готовыми къ бою. Какъ холоднаго оружія, такъ и оборонительнаго было у нихъ достаточное количество; «у кардуховъ были хорошіе луки и стрѣлы, которые были болѣе двухъ локтей длинны и пробивали не только щитъ, но и панцырь; тетива ихъ громадныхъ луковъ натягивалась лѣвой ногой» (Xenoph. Anab. lib. IV, cap. 2). «Халибы носили льявяные панцыри, доходившіе до живота, а вмѣсто оперенія къ панцырямъ были густо прикрѣплены крученые шнуры; они носили также поножи и шлемы, а у пояса ножъ въ родѣ лаконскаго меча... У нихъ были также копья локтей 15 длинны съ однимъ остриемъ» (Xenoph. Anab. Lib. IV, cap. 7,15-16). Макроны выступали на войну «съ плетеными щитами и копьями въ волосяныхъ хитонахъ» (ib. Lib. IV, cap. 8,3) точно также какъ и дриллы «съ плетеными щитами и копьями, въ поножахъ и пафлагонскихъ шлемахъ» (ib. Lib. V, cap. 1,22). Лучше всѣхъ этихъ племенъ были вооружены моссинойки: у нихъ «у всѣхъ были плетеные щиты, обтянутые воловьими шкурами съ бѣлой шерстью и имѣвшіе форму плющевого листа, а въ правой рукѣ дротики длиною около 6 локтей, спереди снабженные остриемъ, а спереди древка деревяннымъ шаромъ; они были одѣты въ небольшіе хитоны, недоходившіе до колѣнъ, такой толщины, какъ мѣшечный холстъ, на головахъ имѣли кожаные шлемы, въ родѣ пафлагонскихъ, съ пучкомъ волосъ по срединѣ, видомъ очень напоминающіе тіару; кромѣ того у нихъ были и желѣзные сѣкиры» (ibid. Lib. V, cap. 4,12-14); иберы, по описанію Страбона, носили панцыри и большіе щиты и шлемы изъ звѣриной кожи (Geogr. Lib. XI, стр. IV,5; Латыш. Изв. 142). Со временъ Геродота въ вооруженіи туземцевъ не произошло большихъ перемѣнъ; въ его время «мосхи имѣли на головахъ деревянные шапки, а оружіемъ имъ служили не-

большіе щиты и копья; наконечники на копьяхъ были большіе. Тябарены, макроны и моссинойки были вооружены, говоритъ Геродотъ, подобно мосхамъ» (Herodoti histor. VII, 78 и 79).

Колхи носили на головахъ деревянные шлемы и имѣли небольшіе сыромятные щиты и короткія копья, а кромѣ того ножи (ib. VII, 78). Достоянно вниманія во-первыхъ преобладаніе въ вооруженіи дерева и воловьихъ шкуръ: во времена Геродота не только щиты, но и шлемы были деревянные; при этомъ въ выдѣлкѣ ихъ можно установить двѣ стадіи развитія: въ древнѣйшую эпоху щиты были плетеные изъ деревянныхъ прутьевъ, какъ это было у макроновъ и дрилловъ. Щиты подобнаго типа были видимо повсемѣстно у всѣхъ картвельскихъ племенъ; къ такому выводу приводитъ тотъ фактъ, что на такомъ крайнемъ сѣверномъ пунктѣ расселенія картвельскихъ племенъ, какъ Хевсуретія, еще до сихъ поръ мальчики выходятъ на поединокъ «съ длинною деревянною саблею и щитомъ, сплетеннымъ изъ облупленныхъ ивовыхъ ствей» (Раде, Хевсурія и Хевсуры, Записки Кавк. Отд. И. Р. Геогр. Общ. 1880, книга XI, вып. 2, стр. 140); очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переходомъ древняго способа приготовления оружія въ дѣтскую забаву и игру—фактъ нерѣдкій въ исторіи предметовъ матеріальной культуры и обычаяевъ.

Дальнѣйшее усовершенствованіе заключалось въ томъ, что деревянные части стали обтягивать невыдѣланной воловьей шкурой. Не только во времена Ксенофонта, но и при Геродотѣ нѣкоторыя изъ племенъ, носили уже щиты подобнаго типа; единственно только макроны и дриллы употребляли еще въ IV вѣкѣ при Ксенофонтѣ примитивной формы—плетеные. Точно такимъ же образомъ вмѣсто деревянныхъ шлемовъ, бывшихъ у этихъ племенъ при Геродотѣ, Ксенофонтъ видѣлъ уже кожаные. Ни на шлемахъ, ни на щитахъ металлическія части не употреблялись еще. Даже панцыри и тѣ дѣлались то изъ льна, то изъ шерсти; металлическіе панцыри у нихъ не употреблялись. Вообще, въ оружіи изъ металла дѣлались наконечники копья и ножи.

Дальнѣйшія усовершенствованія и улучшенія въ области изготовленія оружія не могутъ быть прослѣжены по свидѣтелямъ греческихъ писателей, а туземные источники для древнѣйшей эпохи не сообщаютъ реальныхъ данныхъ. Можно только сказать, что, судя по терминологіи, иранское вліяніе въ этомъ отношеніи должно было играть значительную роль.

Июкова же была военная организація въ Грузіи: какъ высту-

пало народное ополчение на полѣ битвы, прямыхъ указаній относительно этого у классическихъ и туземныхъ писателей не имѣется, но вопросъ можно рѣшить, судя по положенію вещей въ исторически хорошо извѣстное время. Не можетъ быть, напр., никакого сомнѣнія, что народное ополчение не должно было составлять единачо воинства, а собиралось и выступало отдѣльно по племенамъ: подобный порядокъ строго соблюдался еще въ эпоху Давида Строителя и Тамары: историкъ великой царицы, напр., рассказываетъ:

«განწყვეს რაზმი წესის-კბრ,
გოთარცა განჩენილ არს თქმთა და
თქმთა» (ქრ. ცხ. 445).

«построили отрядъ согласно
правилу, какъ это установлено,
по племенамъ.

Не только боевой строй, но даже осада и штурмъ крѣпости, по словамъ того же писателя, производились по племенамъ; при осадѣ города Зенджана (= Зангана)

«გოთარცა განგრძეულა ომი, გან-
იყვეს თქმთა და თქმთა ზღუდე ქა-
დაქისა, რათა შესთხარონ» (ibid.
481).

«когда война затянулась, то пле-
мена (= войска) раздѣлили между
собой стѣны города, дабы сдѣ-
лать брешь въ ней.

Разъ такъ строго выполняется принципъ племеннаго раздѣленія въ военной организаціи въ эпоху, когда почти всѣ картвельскія племена были объединены подъ общей государственной властью, то тѣмъ болѣе основанія предполагать властное значеніе даннаго принципа въ военной организаціи Грузіи древнѣйшаго періода. Болѣе того, ополченія выступали на войну и дѣйствовали не только по племенамъ, но вѣроятно и по родамъ и ущельямъ: къ такому выводу приводитъ то всеобъемлющее значеніе, какое имѣлъ въ государственномъ и социальномъ строѣ Грузіи родъ.

Классическіе писатели сохранили намъ также данныя о тактикѣ, извѣстной въ древности картвельскимъ племенамъ: выше было описано, каково было ихъ вооруженіе.

Всѣ несовершенства вооруженія, какъ это видно изъ описанія Ксенофонта, скрашивались и были мало ощутительны благодаря природной защитѣ и неприступности принадлежавшихъ имъ мѣстностей: съ ними и съ невооруженными трудно было бороться, особенно, когда приходилось вести осаду или атаковать: такъ, напр., таховъ, съ ко-

торыми эллинамъ пришлось вести борьбу было, по словамъ Ксенофонта, мало, да и то изъ нихъ только двое или трое были вооружены (Xenophon. Anab. Lib. IV, cap. 7) и тѣмъ не менѣе взять мѣсто, гдѣ они были собраны, стоило большихъ усилій, такъ какъ при первой же попыткѣ со стороны эллиновъ подняться на скалу, таохи тотчасъ начинали скатывать камни и заграждать путь (ib. Lib. IV, cap. 7,4). Эта — обычная тактика, единственный способъ веденія войны: какъ только начинались враждебныя дѣйствія, туземцы, подобно дрилламъ, принимались «поджигать и покидать всѣ деревни, которыя по ихъ мнѣнью могли быть взяты непріятелями» (ib. Lib. V, cap. 2,3 также Lib. V, cap. 4,30) и собирались въ одномъ укрѣпленномъ и малодоступномъ мѣстѣ; такъ поступили, напр., кардухи; когда эллины спустились въ равнины, населенныя кардухами, то тѣ «покинули свои жилища и, взявъ съ собой женъ и дѣтей, бѣжали въ горы» (ib. Lib. IV, cap. 1, подобные же случаи Lib. IV, cap. 7,2) послѣ того, какъ они укрѣплялись такимъ образомъ, все ихъ вниманіе было обращено только на загражденіе пути непріятелю; для этого они, скатывали громадные обломки скалъ, камни (ib. Lib. IV, cap. 2; Lib. IV, cap. 7,4; Lib. IV, cap. 8,8) и бревна (ib. Lib. V, cap. 2,28). Это былъ ихъ единственный способъ защиты: ни осадныя орудія, ни метательныя машины баллисты и катапульты имъ не были тогда еще извѣстны; такимъ образомъ, оборонительныя средства ихъ и тактика были въ IV в. до Р. Х. еще примитивнаго свойства; поэтому, когда непріятель, несмотря на камни и бревна, все же взбирался на вершину, тогда туземцы становились совершенно безпомощными: они тотчасъ пускались бѣжать, такъ напр., Ксенофонтъ рассказываетъ, что при приближеніи грековъ враги ихъ (кардухи) къ всеобщему удивленію безъ битвы оставили высоты (ib. Lib. IV, cap. 2. § 15; также Lib. IV, cap. 8,19). При этомъ у племени таховъ, когда греки взобрались на гору, перестали бросать камни, и вмѣсто того, чтобы обороняться, «женщины» — такъ какъ нельзя было уже бѣжать, — «стали бросать своихъ дѣтей съ утесовъ и затѣмъ бросались сами; то же самое дѣлали и мужчины» (ib. Lib. IV, cap. 7,12), очевидно, чтобы только не попасться въ плѣнъ. Подобное неумѣніе выдерживать натискъ и вести битву на открытомъ полѣ объясняется примитивнымъ состояніемъ тактики. Хотя у одного изъ племенъ, у моссюнойковъ уже замѣтны первые признаки тактическихъ дѣйствій: такъ, напр., они уже не дѣйствуютъ въ разсыпную, передъ началомъ битвы они, рассказываетъ Ксенофонтъ, «построились въ ряды

слѣдующимъ способомъ: они стали по сотнямъ, не больше, одни противъ другихъ подобно хорамъ... Послѣ этого одинъ изъ нихъ запѣлъ, и всѣ остальные пошли въ тактъ съ пѣніемъ*) и, прошедши сквозь ряды эллинскаго войска и лагерь, сразу двинулись противъ непріятелей» (ib. Lib. V, cap. 4,14), тѣмъ не менѣе натиска правильно организованнаго, дѣйствовавшаго по всѣмъ требованіямъ тактическаго искусства греческаго войска они не были въ состояніи выдержать (Хенор. Анаб. lib. V, cap. 4,26); на это не хватило имъ опытности; конечно, въ этомъ отношеніи въ Иберіи дѣло обстояло лучше: большая опытность и культурность сказывалась и на военномъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе и иберы не могли выдержать борьбы противъ римской стратегіи. Такъ напр. Діонъ Кассій рассказываетъ, что иберійское войско во главѣ съ царемъ Артокомъ на равнинѣ не могло выдерживать натиска хорошо организованнаго римскаго войска Помпея, но разбѣявшись по лѣсу оно въ состояніи было держаться нѣсколько дней, пуская стрѣлы съ деревьевъ: (Ρωμαικὴ ἱστορ. XXXVII,2; Латышевъ, 613). Какъ позднѣе усовершенствовалось военное дѣло прослѣдить не удается.

Страбонъ сообщаетъ, что командованіе надъ всѣми войсками Иберійскаго царства было сосредоточено въ рукахъ ближайшаго послѣ суверена члена царскаго рода; кромѣ войска въ его компетенцію входила и гражданская сфера дѣятельности, а именно отправленіе правосудія. Хотя изъ словъ Страбона и можно было заключить, что царь не предводительствовалъ войсками, но изъ приведеннаго у Діона Кассія разсказа о борьбѣ Помпея съ иберійскимъ царемъ Артокомъ или Артагомъ видно, что и царь также принималъ на себя командованіе надъ войсками (см. ibid. XXXVII, 1 и 2; Латышевъ, Изв. 613). Сверхъ главнокомандующаго существовали еще военачальники, вѣроятно, особые для каждаго племени; три военачальника иберовъ (καὶ ἡγεμόνες τρεῖς Ἰβηρίων) были взяты въ плѣнъ и шли за триумфальной колесницей Помпея (Appian, Historia Romana de bell. Mithr. CXVII; Латышевъ, Извѣстія 537).

Древне-грузинскіе историческіе памятники, въ числѣ нихъ и начальная часть Карглисъ Цхов., собственно говоря, не знаютъ отдѣль-

*) Пѣніе видимо было распространено среди тамошнихъ картвельскихъ племенъ; такъ напр. и кардухи (ib. lib. IV, cap. 3) и халибы (ib. lib. IV, cap. 7,16) пѣли передъ и послѣ сраженій, причѣмъ ритмъ пѣсенъ былъ своеобразный.

ной должности военачальниковъ, они всегда являются и административными чинами; такъ напр. Леонтій Мровели рассказываетъ, что

«მეფე: იქმნა: ყოველს: ქართლს: და: კურს: ზედათ (sic.) განა მრავლნა: ყოველნი: მკედარნი: ქართლს: განაწესნა: ეგნი: რვანი: და: და: სპასუქტი: ერთი:... ესე: სპასუქტი: იყო: შემდგომადვე: წინაშე: მეფის: მთავრობით: განაგებდის: ევთა: ზედა: ხოლო: ამათ: ევთა: ქუეშე: ადგილთა: და: ადგილთა: განაჩინნა: სპასუქტნი: და ათასის: თავნი: და: მათ: ყოველთაგან: მოვიდოდა: ხარკი: სამეფო: და: საერისთაო: ესრეთ: განაწესა: ესე: ყოველი: ფარნავაზ: მიმსგავსებულად: სამეფოს: სპარსთასა» (Карт. Цх. ред. ц. Маріи 20 и 21).

«сталъ царемъ во всей 'Картли и надъ Ингуромъ и умножилъ [число] всякихъ всадниковъ 'Картлосидовъ; учредилъ [должность] восьми эриставовъ и одного спасета... этотъ спасетъ былъ вторымъ послѣ царя по власти, управлялъ эристами, а подъ властью этихъ эриставовъ въ различныхъ мѣстахъ онъ назначилъ спасаларовъ и тысяча-начальниковъ, и черезъ нихъ всѣхъ поступали подати царскіе и эриставскіе; такъ учредилъ все это Фарнавазъ по подобію персидскаго государства».

Должности, учрежденіе которыхъ по персидскому образцу историкъ приписываетъ царю Фарнавазу, дѣйствительно извѣстны были въ древней Персіи; такъ напр. «спасети» соответствуетъ Еган Spahpat, «спасалари» равняется Sipahsalag и «атасіставъ» соответствуетъ Nasagarat, передаваемое греческими историками черезъ ἀζαπαταις (Spiegel, Eranische Alterthumskunde, III, 635) остается одно наименованіе ერისთავი «эристави»; оно чисто грузинскаго происхожденія и единственное туземное названіе, употребляемое въ древне-грузинской литературѣ переводчиками Библии для передачи слова военачальникъ, такъ, напр., фраза грузинскаго текста Бытія (I Моис. XXI, 22 и 32) ერის მთავარი ძალის მისის равняется сирійскому $\sigma\lambda\alpha\mu\ \alpha\delta\iota$, армянскому *սպարապետ*; точно также и въ грузинскомъ переводѣ *муч. Сукаветскихъ* эристави стоитъ въ значеніи военачальника, такъ напр. *მეფის ერისთავი* (л. 240, a) = *სამეფოს ვაჟი* (U². т. XIX, стр. 41) *განაგებდა ერისთავი* (241, b) = *ბრძოლა ხდებოდა ვაჟი* (ibid. стр. 42).

Поэтому, если только командующій войсками Иберіи носилъ туземное названіе, то онъ могъ именоваться «эриставомъ».

Описаніе Страбона показываетъ, что правосудіе, не составляло прерогативы царя—мамасахлиса, а было отдѣлено и входило въ сферу

дѣтельности командующаго войсками. Это свѣдѣніе греческаго географа можетъ пожалуй найти косвенную поддержку въ томъ обстоятельстве, что и мамасакхисъ деревни въ древнѣйшую эпоху, до царя Баграта, не имѣлъ судебныхъ функцій; очевидно отправленіе правосудія было сферой дѣтельности другого лица; такъ какъ выше (гл. первой) было выяснено, что вся административная іерархія вышла изъ одного и того же института, то весьма возможно, что это совпаденіе свѣдѣнія Страбона объ отправленіи правосудія не царемъ съ подобнымъ же фактомъ по отношенію къ мамасакхису деревни отражаетъ положеніе вещей въ Грузіи древнѣйшей эпохи.

Нужно однако указать, что картина, которую рисуетъ начальная часть «Картлисъ Цховреба», значительно разнится отъ изложенія греческаго географа: грузинскому историку неизвѣстно вовсе отдѣльная должность командующаго войсками: какъ «спаспети», считавшійся начальникомъ «эриставовъ», былъ, собственно говоря, «эриставъ эристав'омъ», и къ царскому роду не принадлежалъ, такъ и обыкновенные «эристав'ы» представляли изъ себя административныхъ чиновъ, причѣмъ имъ подчинялось и войско; между тѣмъ изъ описанія Страбона не видно, чтобы командующій войсками Иберіи кромѣ правосудія вѣдалъ какими либо административными дѣлами; сверхъ того онъ считался членомъ царскаго рода, притомъ самымъ близкимъ и старшимъ послѣ царя, слѣдовательно являлся первымъ кандидатомъ на престолъ. Въ виду столь существеннаго разногласія, сказать опредѣленно о происхожденіи эриставской власти, существовала-ли она въ эпоху родового строя, если да, то въ какомъ отношеніи находилась къ мамасакхис'у и какова была дальнѣйшая исторія этого института, невозможно.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи эриставской должности, можно на основаніи грузинскихъ историческихъ произведеній установить, что въ историческую эпоху они являются правителями областей, почти самыми важными членами администраціи; въ ихъ компетенцію входили какъ военныя, такъ и гражданскія дѣла. Въ ихъ пользу поступалъ опредѣленный налогъ, называвшійся სჯობლობა «са-эриставо». Въ то время, когда царская власть въ Грузіи была уничтожена, прежде сассанидскимъ, а позднѣе и арабскимъ правительствомъ, первенствующее положеніе занималъ, являясь какъ бы замѣстителемъ туземнаго суверена, «эриставъ» или эриставъ эриставовъ (см. напр. *Житія Еоставія Микетскаго и Або Тифлискаго, Хронику Сумбата*

Давидовича); изъ эриставскаго достоинства, наконецъ, вышла реставрированная въ IX вѣкѣ царская власть въ Грузіи (см. *Хронику* Сумбата Давидовича, Три Хроники, изд. Е. Такайшвили по груз. стр. 9). Имѣются также данныя о томъ, что «эриставское» достоинство было выборно, но сужденія объ этомъ, какъ и по вопросу объ эриставской власти послѣ эпохи уничтоженія царскаго достоинства, выходятъ за предѣлы данной части нашего труда.

* * *

На самой низкой ступени социальнаго строя древне-грузинскаго общества стояли, согласно описанію Страбона, *οἱ λαοί*. Кто такіе эти *οἱ λαοί*? По словамъ знаменитаго географа они были царскими рабами *οἱ βασιλικοὶ δοῦλοὶ εἰσὶν*, то есть находились въ личной зависимости отъ царя Грузіи; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ описанія Страбона не указано, чтобы въ Грузіи *οἱ λαοί* являлись также рабами жрецовъ или свободнаго населенія, занимавшагося земледѣіемъ и военнымъ дѣломъ; такимъ образомъ, эта группа людей была въ правовой зависимости только отъ царя; въ отличіе отъ остальнаго населенія государства *οἱ λαοί* были обязаны царю, или вѣрнѣе царскому роду определенной службой: на это указываетъ самъ Страбонъ, такъ какъ онъ сообщаетъ, что

«πάντα διακονοῦνται τὰ πρὸς τὸν βίον».

«они всѣмъ [необходимымъ] для жизни обслуживаютъ» царя.

Очевидно, это составляло ихъ повинность по отношенію къ царскому семейству. Таковы выводы, къ которымъ можно прийти на основаніи сообщаемыхъ Страбономъ свѣдѣній; для того, чтобы получить болѣе ясное представленіе объ интересующей насъ социальной группѣ, необходимо обратиться къ сравнительному изученію ея положенія въ другихъ странахъ, такъ какъ этимъ путемъ можно установить, что могъ подразумевать Страбонъ подъ словомъ *οἱ λαοί*. Данный вопросъ возникъ недавно, но все же имѣются уже нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ, которые могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на институтъ *λαοί* въ Грузіи; такъ, напр., изъ изданной В. Haussouiellet надписи въ Дидимейонѣ видно, что жившіе въ сел. Пана (Πάν[ω χωμῆ), *οἱ λαοί* также должны были давать владѣльцу селенія царю Антиоху II ежегодный доходъ, причемъ, уступая это селеніе Лаодикѣ, онъ передаетъ землю съ жившими на ней *λαοί* и «τὸν ταῖς [τοῦ ἐνάτου καὶ

πεντηκοστοῦ ἔτους προσόδου» (см. Revue de Philologie... nouvelle série, anné et tome XXV, 1901, p. 9) «съ доходами 59 года», — разница заключается только въ томъ, что λαοὶ сел. Пана платили ежегодно деньгами, а именно 30 талантовъ серебромъ («ἀργυρίου ταλάντων τριάκοντα» *ibid.*), въ то время какъ въ Грузіи они отбывали свои повинности не деньгами, а *натурой*; къ такому выводу приводитъ фраза Страбона, что λαοὶ «обслуживаютъ [царя] всѣмъ [необходимымъ] для жизни», то есть, всѣмъ: пищевыми продуктами, напитками и т. д.; а это заставляетъ предполагать, что οἱ λαοὶ ἐν Грузίᾳ должны были сидѣть на землѣ, они должны были владѣть имѣніями. Изъ изданной и изученной г. В. Haussoullier надписи также видно, что и малоазійскіе λαοὶ сидѣли на землѣ (ὑπαρχόντες τοῖς τόποις *ibid.* p. 34) и владѣли землей, домомъ и другимъ имуществомъ («λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν κᾶσιν» *ibid.* 9, стр. 45 и τοὺς λαοὺς πανοικίους σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτοῖς κᾶσιν» *ibid.* 9, строчка 22—23, см. также стр. 34).

Каково было правовое положеніе λαοὶ въ Грузіи, невозможно установить. Страбонъ называетъ ихъ царскими рабами βασιλικοὶ δοῦλοι и это показываетъ несостоятельность высказаннаго г. Хилинскимъ при оспариваніи мнѣнія Fränkl'я предположеніи, будто «древніе... называютъ «рабами» — λαοὶ частныхъ лицъ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г. Мартъ, стр. 108, 111, 112; λαοὶ въ Малой Азій); но одно названіе, конечно, не даетъ твердыхъ основаній для выясненія правовыхъ отношеній между царскимъ родомъ и λαοί: можно ли было ихъ продавать отдѣльно отъ земли, имѣли-ли владѣтели право надъ ихъ жизнью и смертью? На основаніи всего вышесказаннаго явствуетъ, что οἱ λαοὶ ἐν Грузίᾳ представляли группу населенія, которая жила на землѣ царскаго рода и была обязана определенными натуральными повинностями; нѣкоторое, только приблизительное представленіе объ ея правовомъ положеніи, можетъ дать то обстоятельство, что географъ называетъ лицъ, принадлежащихъ къ этой социальной единицѣ, «рабами» δοῦλοι: прилагаемое къ нимъ названіе показываетъ, что они во всякомъ случаѣ должны были быть ограничены въ своихъ правахъ, но это ограниченіе видимо было неполное, какъ это наблюдалось, напр., въ положеніи рабовъ, — такъ какъ въ такомъ случаѣ знаменитый географъ прямо назвалъ бы ихъ δοῦλοι, рабами, а не λαοί. Въ общемъ положеніе οἱ λαοὶ приближается къ колонату*), — въ

*) Beloch Griechische Geschichte, III. B, 1 Abt. S. 310.

нихъ нужно видѣть первоначальную стадію развитія социальнаго неравенства въ Грузіи; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что къ началу I в. нашей эры *οι λαοί* не имѣлись еще ни у жреческихъ родовъ, ни у всей массы остальнаго населенія, занимавшагося земледѣіемъ и военнымъ дѣломъ, а только у царскаго рода, — слѣдовательно *этотъ институтъ не представлялъ еще общаго явленія въ странѣ, передъ нами картина возникновенія даннаго института, ея начальная стадія развитія.*

Откуда происходитъ интересующій насъ институтъ, возникъ-ли онъ самостоятельно, или заимствованъ? Нѣкоторыя указанія относительно этого могли-бы дать термины даннаго института; обычными грузинскими названіями господина-сеньера и крѣпостного-кlientа являются ჰატონი, или ბატონი «патронъ», или «батонъ» и უფრო, или უფრ, «крма», или кма»; первое изъ нихъ не грузинскаго происхожденія и представляетъ изъ себя заимствованное *patronus*; несмотря на обычность и исключительное господство, можно документально установить, что это слово входитъ въ употребленіе сравнительно поздно, какъ это будетъ указано во второмъ томѣ даннаго изслѣдованія, съ момента распространенія суверенной власти таокларджетскихъ и абхазскихъ Багратидовъ на восточную Грузію; въ древнѣйшій періодъ грузинской литературы, наприм., ни въ *Евангелии*, ни въ *Библии*, ни въ *Муч. Евстафія Микетскаго*, ни въ древнихъ переводныхъ *агиографическихъ памятникахъ* оно ни разу не встрѣчается; древне-грузинской литературы известно совершенно другое названіе «господина», при этомъ, — что особенно важно, — *чисто туземное слово უფალი «уфали»*; въ Евангельскомъ текстѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ господинѣ и слугахъ или рабахъ, постоянно переводчики употребляли терминъ «уфали», тогда какъ позднѣе въ подобныхъ случаяхъ всюду было бы поставлено слово «патронъ» или «батонъ»; такъ, напр., въ XXIV гл. Мат. стихъ 46 «блаженъ тотъ рабъ, котораго господинъ его ...найдетъ» переведено на грузинскій ბატონს չես մեռնես մե, համբոնս մոցոցքս უფալո մեո ևս չմեռնես... въ данномъ мѣстѣ «уфали» соответствуетъ греческому *χύριος* и арм. *սէր*.

Подобныхъ случаевъ въ Евангелии, гдѣ слово «господинъ» передано на грузинскій терминъ «уфали» и равняется армянскому *սէր* и греческому *χύριος*, много (Мат. X, 24, 25; XV, 27; XVIII, 26; XXIV, 48, 50; XXV, 14, 19, 21, 22, 23; Марка II, 27; Лука X, 2, XII, 42, 43, 46; XIV, 21, 23). Въ Библии такъ же, какъ и древнѣйшихъ агиографическихъ памятникахъ,

слѣдовательно въ періодъ отъ IV-V в.—VII-VIII в., употребляется единственно только «упали» и терминъ «патрони» совершенно не извѣстенъ. Такимъ образомъ, независимо отъ внесеннаго съ запада термина patronus существовало уже задолго свое туземное наименованіе господина-сеньора и въ виду этого, понятно, ошибочно было бы на основаніи термина «патрони» и «батони» заключать о чужестранномъ происхожденіи даннаго института.

Названіе «крма», или «кма» грузинскаго происхожденія, но и оно въ древнѣйшій періодъ въ значеніи крѣпостного-клиента почти не употребляется, хотя и встрѣчается часто въ Евангеліи и Библии, но въ первомъ исключительно для перевода дитяти, либо отрока и соответствуетъ армянскому *ճանակ* и греческому *παῖς* (см. Мат. XIV, 21; XV, 38; XVIII, 2; XIX, 13; XXI, 15; Марка V, 40, 41; IX, 37; X, 13, 14; Луки I, 66, 80; II, 12, 16, 27, 40, 43; VII, 32; IX, 42), а во второмъ хотя и имѣется нѣсколько мѣстъ, гдѣ «крма» обозначаетъ раба, но часто употребленіе именно даннаго слова объясняется тѣмъ, что и въ другихъ текстахъ стоитъ слово обозначающее отрока (напр. Т Моис. XIX, 12 = *παῖδιον*, арм. *որդիբ և կամ դասերբ*; XXII, 3, 5 = греч. *παῖς*, арм. *որդի ւրառանեակ*, XXII, 12 = греч. *παῖδάριον*, арм. *ւրառանեակ*, сир. *ܦܕܝܘܢ*; XXIV, 2 = *παῖς*, арм. *դասույն*, сир. *ܦܕܝܘܢ*; XXIV, 9 = *παῖς*, арм. *ծասույ*, сир. *ܦܕܝܘܢ*; XXVI, 18 = *παῖς*, арм. *ծասույբ*).

Во всеобщее употребленіе терминъ «кма» въ значеніи крѣпостного входитъ значительно позднѣе, приблизительно съ VIII—IX вѣка. Въ древнѣйшую эпоху обычное грузинское названіе раба—это *ճոն* «мона»; оно въ переводныхъ памятникахъ съ армянскаго соответствуетъ слову *ծասույ*, такъ, напр., въ *муч. Атома, ео сына и друзей*: *ճոնտոս Բյժտոս* (аеон. Сбор. 234, a) = *առ... ծասույս մեր...* (U. Z. XIX, стр. 72), *պղտո՛ղոս... ճոնտոս տչտոս Թոյն* (ibid. 234, b) = *խոստաջառ... Իւրոց ծասույից* (ibid. 73); въ *муч. Давида Двинскаго*: *ճոն ճոն... ճոն Բյժտոս ք ճոն-դոնոն* (ibid. 176, a) = *Զիբ խոր... ոչ ծասույի և ոչ ազատի* (ibid. стр. 87). Въ грузинскомъ переводѣ Евангелія слово «мона» стоитъ въ большинствѣ случаевъ въ соответствіи арм. *ծասույ* и греч. *δοῦλος* (напр. Мат. X, 24, 25; XIII, 27; XVIII, 23, 26, 27, 28; XXI, 34, 35; XXII, 6, 8; XXIV, 45, 46, 48, 49; XXV, 21, 23, 26; XXVI, 51 и др.), попадаетъ случай, гдѣ «мона» передаетъ арм. *ճանակ* и греч. *παῖς* (Мат. VIII, 18), если только тутъ нѣтъ въ какомъ нибудь изъ переводовъ позднѣйшаго исправленія. Какого происхожденія терминъ «мона», туземнаго, или заимствованъ, сказать опредѣленно невозможно; быть можетъ это слово

имѣеть что-либо общаго съ древне-персидскимъ шапіѣмъ*), которое г. Justi производитъ отъ шапа=«домъ» и считаетъ образованнымъ въ качествѣ прилагательнаго на подобіе οἰκεῖος; это суть, говоритъ авторъ, такимъ образомъ шапіѣ, съ которымъ идентично вѣроятно критское μνφα рабы, люди, власть надъ которыми принадлежала Дикканамъ и родовой земельной аристократіи вмѣстѣ съ которыми онъ присоединяется къ государственной арміи, на которыхъ и опирается его почетное положеніе въ государствѣ. (ZDMG. 53. В. Н. 1).

Если только толкованіе г. Justi правильно, то тогда возможно признать сходство между персидскимъ шапіѣ, критскимъ μνφα и грузинскимъ შაბი «мона», причемъ нужно было предположить, что оно имѣло и въ древне-грузинскомъ значеніе кліента-крѣпостнаго, а не только раба; въ такомъ случаѣ пришлось бы признать данный терминъ заимствованнымъ въ грузинскомъ изъ древнеперсидскаго, что съ своей стороны можетъ указывать на чужестранное происхожденіе и источникъ заимствованія самого института.

Выше было указано, что οἱ λαοὶ были къ началу перваго вѣка нашей эры только у царскаго рода,—т. е. мы застаемъ этотъ институтъ въ начальной стадіи развитія, но агиографическіе памятники показываютъ, что онъ получилъ широкое распространеніе и что несвободные имѣлись уже и азнауровъ; къ сожалѣнію, въ виду отсутствія данныхъ, изслѣдователь лишень возможности прослѣдить этотъ процессъ; правовое состояніе же крѣпостныхъ въ болѣе позднюю эпоху составитъ предметъ изученія втораго тома даннаго изслѣдованія.

*) Это сопоставленіе, какъ и сама статья г. Justi указаны мнѣ любезно проф. Н. Я. Маррѣмъ.

АРМЕНИЯ.

Введение.

Занимаясь изученіемъ исторіи напряженной борьбы, которая шла въ V и VI вѣкахъ въ Арменіи между сассанидскимъ правительствомъ, его сторонниками изъ мѣстныхъ жителей съ одной стороны и армянскими нахарарскими родами, противниками политики персидскаго государства съ другой стороны, пришлось убѣдиться, что для уясненія дѣйствительной причины этой борьбы и того направленія, которую приняла она, не премѣнно необходимо прежде всего знать государственный строй древней Арменіи; иначе разобраться въ описаніяхъ историковъ не было никакой возможности. Какъ извѣстно, эта борьба нашла себѣ отраженіе въ произведеніяхъ двухъ историковъ Елисея и Лазаря Парпскаго. Хотя данный моментъ исторической жизни армянъ и привлекалъ постоянно къ себѣ вниманіе специалистовъ, бывали попытки выяснитъ причины столкновенія, установить ходъ событій и ихъ характеръ, но эти опыты дальше болѣе или менѣе подробной передачи двухъ вышеназванныхъ историковъ не шли. Конечно, это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что разобраться въ изложеніи историковъ безъ опредѣленнаго исходнаго пункта невозможно: начать хоть бы съ того, что Елисей изображаетъ данный моментъ, какъ религіозную борьбу: дѣло шло т. с. между христіанствомъ и мадеизмомъ; армянскіе нахарары, находившіеся въ рядахъ повстанцевъ, только и думали, что о спасеніи души: съ псалтырями въ рукахъ и молитвами на устахъ они, подобно св. исповѣдникамъ, стремились къ будущей жизни. Религіозный мотивъ и окраска являются характерными чертами изложенія Елисея. Лазарь Парпскій представляетъ дѣло нѣсколько иначе; хотя и у него до извѣстной степени эта борьба носитъ религіозный оттѣнокъ, но въ его передачѣ событій имѣется столько подробностей и мотивовъ столкновеній между персидскими властями и армянскими

повстанцами, что при внимательномъ изученіи его произведенія религиозные мотивы борьбы оказываются не исключительной причиной этихъ историческихъ событій. Кто же правъ, который изъ историковъ вѣрнѣе передаетъ и освѣщаетъ факты? Ясно, что для рѣшенія интересующаго насъ вопроса нужно имѣть свѣдѣнія о социальномъ строѣ страны: такъ какъ, когда мы уяснимъ себѣ складъ армянской общественной жизни, затѣмъ политику сассанидскаго правительства по отношенію къ подчиненнымъ народамъ, тогда основныя причины столкновенія и борьбы и направленіе, которое могла принять она благодаря социальнымъ условіямъ, станутъ значительно яснѣе. Это первоначально заставило взяться за самостоятельное изученіе государственнаго строя древней Арменіи. Изучать вопросъ приходилось по первоисточникамъ, потому что существующіе опыты изученія государственнаго строя древней Арменіи совершенно неудовлетворительны. Первый опытъ въ изученіи даннаго вопроса принадлежитъ Инджиджяну; во второй книгѣ своей «Հնարանքիւն աշխարհաբանիւն հայաստանեայց աշխարհի» онъ довольно пространно и детально излагаетъ общественную и государственную организацію Арменіи: управление патриархальное (սիւնաւորակիւն), монархическое, должностныя лица, нахарары, азаты, танутеры, ишханы, наһапеты, сепуһи и т. д.; у автора имѣется не мало правильныхъ наблюденій, приведены соотвѣтствующія выписки изъ историковъ, но наблюденія неглубокія, рѣдко доходящія до изученія природы институтовъ; затѣмъ авторъ изучаетъ вопросы объ должностныхъ лицахъ и придворныхъ чинахъ безъ достаточной исторической перспективы и ясной классификаціи. Какъ постановку вопроса, такъ его освѣщеніе нельзя признать удовлетворительными. Другая попытка изученія социальнаго строя Арменіи, принадлежитъ перу французскаго ученаго В. Ланглуа въ его «Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie sous les rois de la dynastie roupénien (напеч. въ Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg, VII série, Tome III, № 3). Хотя въ задачу В. Ланглуа и не входила разработка вопроса о строѣ Арменіи въ докиликійскую эпоху, тѣмъ не менѣе онъ касается и этого періода въ первомъ параграфѣ своего труда подъ заглавіемъ «Condition sociale et politique de l'Arménie avant les Roupéniens»; на 4 большихъ страницахъ (38—42) авторъ старается нарисовать картину социальной жизни Арменіи за періодъ времени минимумъ 12 вѣковъ. Единственный источникъ, на основаніи

котораго г. Ланглуа пытается выяснитъ соціальныя институты древнѣйшей эпохи, это—Моисей Хоренскій; онъ повторяетъ извѣстіе Хоренскаго, будто Вагаршакъ установилъ однообразную систему общественныхъ институтовъ, создалъ должность нахараровъ и во главѣ родовъ поставилъ потомковъ Аайка. Вагаршакъ однихъ назначаетъ возлагателями вѣнца, другихъ аспетами; онъ создалъ цѣлый штатъ тѣлохранителей, раздѣлилъ государство на округа и поставилъ во главѣ управленія округами членовъ знатныхъ родовъ. Вагаршакъ установилъ сословныя различія въ Арменіи и создалъ іерархическую лѣстницу родовъ. Такъ было по словамъ Ланглуа до конца IV вѣка, послѣ чего борьба персіянъ съ Арменіей, окончившаяся для послѣдней неудачно, заставила ее подчиниться сассанидскому правительству; царская власть была уничтожена и Арменія стала провинціей, марзпанствомъ персидской имперіи. Другая часть страны, отошедшая къ Византіи, подпала подъ вліяніе государственнаго строя восточно-римской имперіи и усвоила нѣкоторые институты, въ родѣ куропалатовъ, патрикіевъ и т. п. Изъ вышесказаннаго нетрудно видѣть, что г. Ланглуа относился съ полнымъ довѣріемъ къ своему источнику и повторялъ даже такія мѣста и мнѣнія, неосновательность которыхъ вполне очевидна; другой недостатокъ работы г. Ланглуа заключается въ томъ, что авторъ, собственно говоря, ограничивается только перечнемъ однихъ названій должностей или сословій и не указываетъ, въ чемъ именно состояли ихъ права, ихъ отношеніе другъ къ другу и къ правительству: однимъ словомъ, вопросъ изученъ г. Ланглуа поверхностно.

Существуетъ также по интересующему насъ вопросу работа, принадлежащая о. Алишану; она помѣщена въ его большомъ произведеніи «Արարիւնի» въ главѣ, носящее заглавіе «Դրոշմի Հարցարարութիւն» (стр. 414—434). Несомнѣнно, о. Алишанъ поработалъ надъ темой гораздо больше: у него собраны почти все названія должностей и сословій, какія только встрѣчаются у армянскихъ историковъ,— онъ привлекаетъ, наконецъ, впервые къ дѣлу мѣстническій списокъ нахараровъ. Однако, въ качественномъ отношеніи работа о. Алишана выполнена нисколько не лучше, чѣмъ у г. Ланглуа: и онъ также повторяетъ слова М. Хоренскаго объ учрежденіяхъ Вагаршака, такъ что тридцать лѣтъ, прошедшихъ между этими двумя трудами (Ланглуа въ 1860 г., Алишанъ въ 1890 г.), не оказали видимо никакого вліянія на постановку и изученіе соціальнаго строя древней Арменіи. Наоборотъ, въ работѣ о. Алишана замѣчается даже нѣкоторый регрессъ:

въ то время, какъ г. Ланглюа ясно различаетъ послѣдовательно періоды соціальной жизни Арменіи (до 4 вѣка, сассанид., визант., араб. и киликійскій), о. Алишанъ настолько подавленъ обиліемъ названій различныхъ должностей, что у него многое перемѣшалось и вынести отчетливое представленіе объ соціальномъ строѣ Арменіи въ извѣстный историческій моментъ совершенно невозможно. Къ тому же и у о. Алишана дѣло сводится чуть не къ простому перечню названій должностей и сословій и вопроса о сферѣ ихъ дѣятельности для него почти не существуетъ. Весь правовой и государственный строй Арменіи представляется ему установленнымъ изъ начала еще царемъ Вагаршакомъ.

Основная и общая у обоихъ ученыхъ Ланглюа и Алишана ошибка заключается въ томъ, что они на наивномъ разсказѣ М. Хоренскаго относительно установленія сословнаго и административнаго порядковъ царемъ Вагаршакомъ хотѣли построить изслѣдованіе и не считали нужнымъ провѣрять сообщенія своего единственнаго источника по даннымъ другихъ историковъ; тотъ строй государственной жизни Арменіи, введеніе котораго приписывается Хоренскимъ царю Вагаршаку, можетъ являться, само собою ясно, результатомъ долгой исторической жизни народа, продолжительной эволюціи его общественнаго строя, и безусловно не могъ существовать въ то время, когда долженъ былъ жить по традиціонному представленію Вагаршака.

Нельзя найти удовлетворительнаго освѣщенія государственнаго строя древней Арменіи и въ «Критической исторіи Арменіи» (*Գրեթական պատմության հարցը*, Тифлисъ 1895 г.) г. Гарагашьяна; болѣе того авторъ хотя и имѣетъ намѣреніе критически относиться къ источникамъ, но, благодаря шаблонному представленію объ восточномъ деспотизмѣ и т. п., еще больше осложняетъ и затемняетъ пониманіе государственнаго строя Арменіи (см. напр., объ царской власти *Գրեթական պատմության հարցը*, стр. 2 и слѣд.).

Безплодность вышеуказанныхъ опытовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что изслѣдователи не давали себѣ яснаго отчета во первыхъ, на основаніи какихъ матеріаловъ должно и можно изучить соціальный строй древней Арменіи, и во-вторыхъ, какъ нужно поступить къ выясненію вопроса, т. е. ошибками методологическими. До тѣхъ поръ, пока будутъ, наприм., брать одинъ какой-либо источникъ и по нему одному излагать, по интересующему вопросу ожидать

какихъ-либо существенныхъ результатовъ нельзя; кромѣ того, и одно механическое собраніе названій или свѣдѣній о должностныхъ лицахъ или сословіяхъ изъ произведеній даже всѣхъ армянскихъ историковъ не можетъ двинуть дѣла впередъ. Нужно прежде всего понять текстъ историковъ такъ, какъ они понимали, когда сами писали, т. е. нужно выяснитъ, что подразумѣвали писатели подъ различными названіями должностей и сословій, какъ они представляли себѣ, напр., нахарара, танутера, какой величиной былъ для нихъ сепуһъ и т. д. Когда историкъ писалъ свое произведеніе, то, очевидно, онъ, въ какое бы время ни жилъ, долженъ былъ такъ или иначе представлять себѣ упоминаемыхъ имъ должностныхъ лицъ и членовъ различныхъ сословій; необходимо установить прежде всего это пониманіе, или представленіе историка, содержаніе понятій танутерь, наһапеть, тунъ и т. п. Если бы вышеупомянутые изслѣдователи попытались продѣлать подобную работу, хоть бы даже на основаніи одного историческаго текста, то они сразу почувствовали бы подъ ногами почву, и ихъ изложеніе изъ сухого и пустого перечня названій и терминовъ обратилось бы въ болѣе или менѣе жизненную картину соціальнаго строя. Но работа, какъ это было уже указано, не должна для большей продуктивности и правильности выводовъ ограничиваться изученіемъ одного историка, необходимо проштудировать одновременно нѣсколько историческихъ памятниковъ и при этомъ сравнительно. Кромѣ того свѣдѣнія древнегреческихъ писателей, особенно Геродота, Ксенофонта и Страбона должны быть по мѣрѣ надобности утилизированы. Къ сожалѣнію, эти авторы не даютъ объ Арменіи такихъ цѣнныхъ, рѣшающихъ вопросы фактовъ, какъ объ Грузіи; тѣмъ не менѣе свѣдѣнія ихъ, какъ очевидцевъ и побывавшихъ въ Арменіи, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дать руководящую нить для сужденій. Только при подобной постановкѣ изученія вопроса о государственномъ строѣ Арменіи возможно разобраться въ той массѣ административныхъ и сословныхъ терминовъ, которые встрѣчаются у туземныхъ историковъ. Предварительныя штудіи и знакомство съ соціальнымъ строемъ Грузіи и сравнительное изученіе добытыхъ результатовъ по общественному строю Арменіи съ таковыми же выводами о Грузіи дали возможность многое уяснить и оцѣнить съ соответствующей точки зрѣнія.

При изученіи государственнаго строя древней Арменіи авторомъ даннаго изслѣдованія были привлечены произведенія троихъ историковъ: Фауста Византійскаго, Елисея и Лазаря Парпскаго. Критиче-

скихъ научныхъ изданій ихъ сочиненій не существуетъ; только недавно появилась статья, которая содержитъ въ себѣ данныя о рукописяхъ, легшихъ въ основаніе различныхъ изданій исторіи Лазаря Парпскаго; она принадлежитъ отцу Галусту Теръ-Мкртычъяну и появилась въ журналѣ «Араратъ» за 1901 г. подъ заглавіемъ «Ղազար փարսեցու նեւնագրերը». Въ этой интересной статьѣ авторъ приводитъ нѣсколько весьма важныхъ данныхъ относительно рукописей, на основаніи которыхъ издавался текстъ произведенія Лазаря: Онъ устанавливаетъ, во-первыхъ, что всѣ 8 рукописей, въ которыхъ имѣется сочиненіе Парпскаго, восходятъ къ одной, теперь неизвѣстно гдѣ находящейся рукописи. Далѣе онъ же выясняетъ, что древнѣйшая изъ этихъ рукописей не идетъ дальше XVII вѣка, а именно 1642 года. Дѣло рисуется еще въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, когда прочтете записку, выходявшуюся въ нынѣ уже утерянной рукописи 1642 года:

Բի սուրբ ընթերցաւոր եւ եղբարբ գիրքս հին էր եւ սւրին-ակս... եւ նորագեալ եւ զպակասութիւն թղթոցն որ պակասէ ոչ էր գտեալ և ես ոչ կարացի գտանելը (Առառատ, 1901 г. стр. 542).

«Святые читатели и братья, книга и оригиналъ былъ ветхій... и возстановленъ (Уняномъ) и недостачи въ книгахъ, которыя не достаютъ, онъ не нашелъ и я также не смогъ отыскать».

Итакъ, оригиналъ, съ котораго были списаны все дошедшія до насъ рукописи, былъ старыи, попорченный, нуждавшійся въ возстановленіи, а въ текстѣ имѣлись даже дефекты. А сколько разъ въ продолженіи вѣковъ могъ подвергнуться текстъ исторіи Лазаря Парпскаго порчѣ, сколько разъ при списываніи одни административные и сословные термины могли быть замѣнены переписчиками другими, имъ болѣе понятными и привычными? напр., вмѣсто танутерь-теръ, или ишханъ и т. п. Виолнѣ понятно, что при такомъ состояніи текстовъ армянскихъ историковъ детальное изученіе соціального строя древней Арменіи дѣло нелегкое. Любопытно то, что всѣ трое вышеупомянутые историки характерно отличаются другъ отъ друга употребленіемъ излюбленнаго каждымъ изъ нихъ термина: Лазарь, напр., чаще всѣхъ называетъ главъ армянскихъ родовъ «танутерами», рѣже «ишханами» и почти никогда «наһапетами», Фаустъ же наоборотъ ихъ величаетъ «наһапетами»; только онъ одинъ употребляетъ такъ часто данный терминъ. Елисей съ своей стороны пользуется предпочтительно названіями «нахарары» и «ишханы», почти никогда «танутерами». Очевидно,

такая рѣзкая разница въ употребленіи названій для одной и той же должности должна имѣть глубокое и реальное основаніе. Необходимо указать также, что эти историки въ употребленіи терминологіи невыдержаны: одного и того-же дѣятеля одинъ и тотъ же авторъ въ различныхъ мѣстахъ величаетъ различно; является естественно вопросъ, есть-ли эта невыдержанность исконная, вышло-ли сочиненіе въ такомъ видѣ изъ подъ пера автора, или это явленіе нужно отнести къ искаженіямъ и порчѣ текста? То, что читается въ вышеприведенной записи въ рукописи Лазаря Парпсаго склоняетъ насъ больше ко второму предположенію.

Источники, на основаніи которыхъ приходится изучать государственный строй древней Арменіи, даютъ очень мало свѣдѣній непосредственно относящихся къ интересующимъ насъ вопросамъ: историки никогда почти не выходятъ изъ сферы описаній военныхъ дѣйствій и церковно-религіозныхъ интересовъ. При такомъ положеніи дѣла естественно, конечно, что далеко не всѣ соціальныя институты могутъ быть въ достаточной степени изучены, что по нѣкоторымъ вопросамъ придется довольствоваться только болѣе или менѣе близкими къ дѣйствительности предположеніями, такъ какъ по большей части изслѣдователь принужденъ судить о предметѣ на основаніи обрывочныхъ, случайно и мимоходомъ упоминаемыхъ историкомъ свѣдѣній.

Данное изслѣдованіе содержитъ въ себѣ изученіе армянскаго государственнаго строя только древнѣйшаго періода, исключительно туземныхъ соціальныхъ институтовъ; учрежденія, заимствованныя у персовъ, или у грековъ, вопросы о политикѣ тѣхъ и другихъ по отношенію къ Арменіи и вліяніе этой политики на строй народа почти совершенно не затронуты; это можетъ стать темой отдѣльнаго самостоятельнаго изслѣдованія. Авторъ, насколько ему силы и матеріалы давали возможность, старался съ должной полнотой изслѣдовать армянскій государственный строй, но онъ заранѣе указывалъ, что при изученіи государственныхъ институтовъ Арменіи возможно было установить лишь ихъ эволюцію, стадіи развитія, но приурочить къ какому-либо опредѣленному времени даже по основнымъ вопросамъ, какъ это сдѣлано, напр., по отношенію къ Грузіи, совершенно не удавалось; классическіе писатели, неоцѣнимые свѣдѣтели въ этихъ случаяхъ, не даютъ для данной стороны дѣла необходимыхъ свѣдѣній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Территорія.

Не смотря на многочисленныя иноземныя вліянія на государственную жизнь Арменіи, слѣды древнѣйшаго, исконнаго строя, на которомъ покоилась социальная жизнь этого народа, сохранились съ достаточной ясностью; эта социальная «ячейка», или «эмбрионъ», если такъ можно выразиться, которая жила въ продолженіи вѣковъ доисторической, изученіе которой дается намъ при помощи лингвистическаго анализа, и исторической жизнью, разрасталась и отъ примитивно-общественныхъ формъ перешла къ формамъ государственнаго организма, есть «тунъ» տուն «домъ».

«Тунъ» տունъ есть эмбрионъ одновременно, какъ социальныхъ, такъ и территориальныхъ единицъ и группъ.

Тунъ տունъ обозначаетъ во-первыхъ *кругъ лицъ, связанныхъ кровными родственными узами*, напр.: *)

«Նորա փեսայք էին տանն
ճամիկոնեան տոհմին» (Фш.л.с.
III, Ժա. стр. 28).

«Они были зятями дома
рода Мамиконьяновъ».

Или еще:

«զորն եւ տունն տոհմին
Աղանեաց կողմնն ապստամ-
բեցին յարքայէն հայոց»...
(ibid. IV, Ժ, стр. 163).

«Войско и домъ рода Агдзній-
ской области возстали противъ
царя армянъ».

*) Страницы историковъ указываются: Фаустъ по венеціанскому изданію 1889 года, Лазаръ Парп. по Тифлис. изд. 1904 г. а Елисей по Московскому изд. 1892 г.

«Գուճարէր զօրն ամենայն
տանցն աւագանւոյն ընդ զօրն
արքունի (Փաւս. III, ք, стр. 20).

«Онъ собралъ войско изъ
всѣхъ домовъ вельможъ (знати)
вмѣстѣ съ царскими войсками».

Очевидно такой же смыслъ имѣеть «тунъ» въ слѣдующей
фразѣ:

«Եւ նորա խօսեցեալ զամե-
նայն այսապէս ընդ ընտանիս
տանն իւրոյ» (Ղազ. Փարպ. 41:
1, стр. 57).

«и онъ говорилъ все это такъ
съ домашними овоего дома».

Слово это обозначаетъ также домъ, *жилое помѣщеніе*, постройку,
какъ это видно изъ того мѣста, гдѣ Меружанъ Арцруни общается
сассанидскому царю Шапуһу:

«Թէ... ինձ դարձ լիցի յիմ
աշխարհն եւ յիմ տունն, նախ ես,
սակ, շինեցից ատրուշան յիմում
տանն սեպհականին» (Փաւս.
IV, իդ, стр. 144).

«если... мнѣ будетъ [дано раз-
рѣшеніе] вернуться въ свой домъ,
то прежде всего, молъ, я построю
жертвенникъ въ моемъ собствен-
номъ домѣ (тунъ)».

Но это же слово «тунъ» означаетъ и *территорію*, на которой
жила, которую занимала семья; оно обозначаетъ *имѣніе семьи или
рода*, напримѣръ:

«այսպէս բարձաւ ազգատոհմն
նախարարութեանն այնորիկ եւ
զտունն նոցա յարքունիս կա-
լան» (Փաւստ. III, ք, стр. 20).

«Такъ исчезъ этотъ нахарар-
скій родъ (Рштуни)... и *домъ*
(тунъ = *имѣніе, территорія*)
изъ взяли съ казны».

«Իբրեւ այլ որ ոչ էր մնացե-
ալ յազգէն, ետ արքայ զաղչիկ
կնուութիւն սիրելւոյն արքայի
վաղինեկայ սիւնւոյ եւ
զտունն լ՛ղանեաց» (ibid. III, ք,
стр. 21).

Такъ какъ (когда) никто изъ
того (агдвнйскаго) рода не
остался [въ живыхъ], то *царь*
отдалъ съ жены дѣвицу и *домъ*
(тунъ) *Агдвнйцесъ* [въ придан-
ное] любимцу царскому Ваги-
неку сюнйицу».

«Բայց յորդոցն Բակուր
բեշիս պատանեակ մի փա-
խեալ... որ առ յապայն ժա-

«Но изъ сыновей Бакура
бдеша убѣжалъ одинъ юноша...
который потомъ сдѣлался наслѣд-

ևանգ տան նորա լինէր: որ յայլու՛մ ժամանակի դարձաւ կալաւ զտունն իւր, որոյ անուն խեշա կոչէր» (ibid. III, Թ. стр. 21).

...«զբազմաց տունս հատանէր յարքունիս» (ibid. IV, ԺԹ, стр. 133).

Терминъ тунъ տունъ можетъ быть употребленъ и употреблялся также въ томъ случаѣ, когда рѣчь шла о какомъ нибудь *уцелыи* или *окруить*, напримѣръ:

...«պահ արկանէին շուրջ զԱնգեղ զամուր բերդան, որ է յԱնգեղտանն դաւառին» (Փաւս. IV, ԻԴ, стр. 146).

Или же:

...«ի կողմանն ստորին դաւառաց յԱնգեղ տանն էր...» (ibid. IV, ԻԴ, стр. 144).

никомъ этого дома (тунъ); имя того, который въ послѣдствіи вернулся и *взялъ домъ* (тунъ = имѣніе) *своей*, было Хеша».

«Дома (тунъ) многихъ (нахарарскихъ родовъ) *отобрали онъ въ казну*».

«Осадили кругомъ крѣпость Ангеѣ, которая находится въ области Ангеѣ-тунъ (домъ)».

«въ высокіхъ мѣстахъ областей Ангеѣ-тунъ'a было».

Въ этихъ двухъ предложеніяхъ область Ангеѣ Անգեղ դաւառ употребляется съ приложеніемъ «тунъ» который равняется по значенію области; такое же значеніе имѣетъ слово «тунъ» во многихъ другихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, область Двинская именуется «Ստան տուն» (Ղազար. Փ. գլ. ԼԲ, стр. 61 и др.), мѣстность Ванандъ зовется տուն Վանանդեայ (ib. ԽԲ, 75), въ анонимной армянской географіи упоминается одна область четвертой Арменіи, именовавшаяся Пагнатунъ Պաղնատուն; и въ данномъ названіи вторая часть несомнѣнно составляетъ слово «тунъ»; это видно изъ того, что Корюнъ, говоря объ Іосифѣ, указываетъ мѣстомъ его происхожденія эту же область, но въ формѣ ՚ Պաղանական տանէն (стр. 19) изъ дома Паганакскаго.

Тунъ տունъ обозначаетъ также область или районъ, находящійся подъ чьей либо административной властью; такъ, напр., въ уста грузинскаго католикаса Киріона Ухтанесъ влагаетъ слѣдующую рѣчь:

...«Ես աւագ եմ քան զնա եւ մեծ ի տան ի մոռմեւ այս տանս գահ երէցորութիւնս նախ իմ էր եւ ապա դորա (Ուխտանէս, Вагарш. изд. Պ. Բաժ. 116).

«Я старше него (т. е. албанскаго католикоса) и великъ въ домъ моемъ и въ виду старшинства престола моего *дома* мѣсто это принадлежало прежде мнѣ, а потомъ ему».

Поэтому въ большей части случаевъ, гдѣ мы встрѣчаемъ сочетание вродѣ ишханъ (властитель) «дома» իշխան, տան, слово «тунъ» имѣеть преимущественно территориальное значеніе; оно представляетъ изъ себя тогда или имѣніе, или область, подчиненную и находящуюся подъ властью какого либо лица, либо рода, такъ, напр.,

«Գրումարեաց ընդ նմա Թագաւորն Տիրան զմեծամեծ նախարարն ըստ սովորութեան օրինակին... զիշխանն մաղխաղունեան տանն» (Փաւս. III, Ժբ, стр. 29).

«собралъ царь Тиранъ вокругъ себя великихъ нахараровъ согласно обычному установленію... *властителя дома* Магхазунійцевъ».

Вѣроятно въ смыслѣ области нужно понимать слово тунъ и въ этомъ отрывкѣ:»

...«տայր խաղացուցանել ՚ի դուռն Արեացն ...զիշխանն տանն Արշարունեաց զԱրշաւիրեւ զիշխանն տանն Անձեւացեաց զՇմաւոն եւ զիշխանն տանն Ամատունեաց զՎահանն... (Ղազ. Փար. ԳԼ Խբ, стр. 75).

«далъ повести во дворецъ [царя] арійцевъ... *властителя дома* аршарунійцевъ Аршавира и *властителя дома* андзевацийцевъ Симеона и *властителя дома* аматунійцевъ Ваһана».

...«պատրաստեալ ճանապարհին Յունաց կարմէին զիշխանն տանն Ամատունեաց Վահան» (Պ. Փար. ԳԼ Լգ, стр. 63).

«приготовивъ, снарядили въ дорогу къ грекамъ *властителя дома* Аматунійцевъ Ваһана».

Въ значеніи области употребляется тунъ и въ слѣдующемъ случаѣ:

...«ամենայն նախարարք զօրօրն իւրեանց յիւրաքանչիւր տանէ ի մի վայր գային հասա-

«все нахарары со своими войсками изъ каждаго *дома* поспѣшно сошлись въ одно мѣсто,

նէին վաղվաղակի. բազում եւ այլ
այրուքի, որ յարքունի տանէ
անտի էր» (Եղեշէ. 68)

много и прочей конницы, кото-
рая была изъ царскаго дома,
находилась тамъ.

Про Васака историкъ говорить:

«Եւ զայլ բազումս զօրս յար-
քունի տանէն արկ յինքն եւ սե-
պուհս ոմանս յայլմէ տոհմէ»
(Եղեշէ 69).

«и много другого войска изъ
царскаго дома переманилъ онъ
къ себѣ и нѣкоторыхъ сепушовъ
изъ другихъ родовъ».

Въ смыслѣ области, мнѣ кажется, нужно понимать это же слово
и въ одномъ отрывкѣ, гдѣ перечисляются павшіе на полѣ брани:

«Այս երկերիւր ութսուն եւ
եւթն նախարարք ընդ ինն մեծա-
մեծ նախարարսն անդէն ի տեղ-
ւոջն կատարեցան: եւ յարքունի
տանէն եւ ՚ի տանէն Արծրունե-
աց. եւ յիւրաքանչիւր նախա-
րարաց տանէն. Թող զայս երկե-
րիւր ութսուն եւ եւթն եւ այլ եւս
եւթն հարիւր եւ քառասուն այր,
որք զանուանս իւրաքանչիւր ՚ի
զպրութիւն կենաց գրեցին ՚ի
նմին աւուր ՚ի մեծ պատերազ-
մին» (Եղեշէ 110).

«эти 287 подвижниковъ вмѣстѣ
съ 9 великими нахарарами умерли
тамъ же на мѣстѣ: и изъ цар-
скаго дома и изъ дома Арпруни
и изъ каждаго дома нахараровъ
кромѣ тѣхъ 287 было еще дру-
гихъ 740 человекъ, которые
вписали въ этотъ день во время
великаго сраженія каждый свое
имя въ книгу жизни».

Во всѣхъ вышеприведенныхъ отрывкахъ «аркунн тунъ» царскій
домъ, конечно, не можетъ обозначать царскаго рода, такъ какъ въ это
время армянскаго царскаго рода уже не было, а имѣетъ смыслъ об-
ласти, бывшей нѣкогда удѣльнымъ владѣніемъ армянскихъ царей.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи «тунъ» получаетъ значеніе цѣ-
лой страны, даже цѣлаго іосударства:

«...առանց աստուծոյ շրջէին
յաշխարհի կամակոր ազգ տանն
հայոց երկրին» (Փաւս. III, Ժգ,
стр. 33).

«безбожно совершалъ кругомъ
въ странѣ наѣзды своевольный
родъ дома земли армянской».

...«Բաղադրոյց տանել գնալ Դ
սահմանս հայոց ԴԳանձակէ կուսէ
յատրպայական տանէ» (ibid.
V, Է, стр. 205)

...«մանրկանեան վահան յօտ է
Դ նա վարայրվարոյն Դ Հռոմ
տան (Ղ. Փար. ԳԼ ՀԹ, 145).

...«կալաւ Կիւրոն զաթոռ կա-
թոլիկոսութեանն տանն վրաց»
(Արտանէս. Պ. Բաժանման 6).

«онъ заставилъ пойти и повести
(войска) изъ края Гандзакъ, изъ
дома Атрпатаканъ въ предѣлы
Арменіи».

«Ваханъ Мамиконьянъ нахо-
дился вблизи Варайрвара въ домъ
ромейсовъ (= Греціи)».

«католикосскій престолъ дома
грузинъ (= Грузіи) занялъ Ки-
ріонъ».

Итакъ, мы видѣли, что языкъ сохраняетъ одно и тоже слово для обозначенія понятій хотя и одного порядка, но все же рѣзко другъ отъ друга отличающихся, «тунъ» — *значило домъ, имѣніе, владѣніе, область и наконецъ страну. Вся территоріальная единица, дѣленіе отъ самой маленькаго вплоть до большого организма, какъ страна, носили одно имя. Уже это единство и строгая выдержанность системы названія для всѣхъ территоріальныхъ единицъ указываетъ на исконный характеръ подобнаго дѣленія; она, видимо, является выраженіемъ того состоянія соціальной жизни, когда первоначальный строй былъ еще въ полной силѣ и не подвергался чужеземному воздѣйствію, когда языкъ еще былъ недостаточно богатъ и пользовался однимъ словомъ для обозначенія нѣсколькихъ однородныхъ понятій. Очевидно въ это время исходнымъ пунктомъ соціальною строя и соціальною мысленія являлся «тунъ», изъ него развился весь позднѣйшій общественный строй. Достоинно вниманія, что изъ самаго термина «тунъ» не видно, жилъ ли въ немъ родъ или одна семья, такъ что полное содержаніе понятія «тунъ» нуждается еще въ выясненіи.*

* * *

Но рядомъ съ этимъ стройнымъ дѣленіемъ, носившимъ имя «тунъ», у историковъ попадаются еще много другихъ названій территоріальныхъ дѣленій. Всю эту остальную группу можно было раздѣлить на двѣ части: одна представляетъ изъ себя дѣленіе страны сообразно съ природными особенностями, топографическими условіями, — другая же является продуктомъ административной, государственной жизни Арменіи. Послѣдняя должна быть, естественно, по времени болѣе поздняго происхожденія и можетъ отражать въ себѣ сильнѣе слѣды иноземнаго вліянія.

Мѣстности дѣлились сообразно съ топографическими условіями на ущелья «дзор» *ձոր*.

Названій съ приставными «дзор» *ձոր* извѣстно въ армянской исторической литературѣ довольно много: въ географіи, приписываемой М. Хоренскому, упомянуты Азновадзоръ, Санодзоръ, Арувеницзоръ, Джермадзоръ, Андзахадзоръ, Вайоцзоръ, Бердадзоръ, *Աղնուածոր, Սանձոր, Առուեհիցձոր, Ջերմաձոր*, (изд. Патканова, стр. 18). *Անձախաձոր, Վայոցձոր, Բերդաձոր* (ibid. 19).

У Фауста упомянуть въ двухъ мѣстахъ Гардманацзоръ *Քարդմանացձոր* (45, 163) и разъ 'Рсидзоръ *Հրսիձոր* (ibid. 106).

Въ административномъ отношеніи страна дѣлилась на области—*գաւառ*, но эти области носили часто названія также отъ преобладающаго рода этой мѣстности, или отъ нахарарскаго рода, въ управленіи котораго былъ этотъ районъ.

...«*յանկարծակի գուշակ հասանէր առ Խոսրոյի 'ի Հէրե Զարաւանդ գաւառ (Փաւս. III, Ը, 18).*

«внезапно пришелъ вѣстникъ къ Хосрою въ области 'Эрь и Заравандъ».

...«*ապա եկն էջ հայր Մարդպետ 'ի գաւառ Տարօնոյ (ibid. IV, ԺԴ, 117).*

«затѣмъ пришелъ и спустился отецъ Мардпетъ въ область Таронъ».

...«*գտանէին զնա յիւրաժ գաւառին 'ի Տայս»... (ibid. IV, ԺԸ, 132).*

«нашли его въ своей области Тао».

...«*Թագաւորն Արշակ հրաման տայր յԱրշարունեաց գաւառին շինել (ibid. IV, ԺԹ, 133).*

«царь Аршакъ далъ приказаніе построить въ области Аршарунійцевъ».

...«*եւ եղեւ իբրեւ 'ի վերայ հասանէր իրացն Անդոկի նահապետն Սիւնեաց գաւառին» (Փաւս. IV, Ի, 137).*

«я случилось, когда Андокъ, нападеть области Сюнійцевъ понялъ дѣло»...

...«*եւ գային պահ արկանէին շուրջ զԱնգեղ ամուր բերդան, որ է յԱնգեղտանն գաւառին» (ibid. IV, ԻԴ, 146).*

«я прибыли и осадили кругомъ крѣпость Ангеіъ, которая находится въ области Ангеіъ-домъ».

Болѣе высшей единицейъ территоріальнаго дѣленія является *աշխարհ*, и *Երկիր*, послѣднее обозначаетъ «землю» и употребляется какъ общее названіе для всей страны; нельзя того же сказать объ словѣ *աշխարհ*, при разрозненности и обособленности отдѣльныхъ мѣстностей древнимъ жителямъ Арменіи ихъ родина представлялась совокупностью странъ; Египте на 83 страницѣ своего труда, напримѣръ, восклицаетъ:

...«*այսմ տեղւոջ ոչ միայն ի վերայ միոյ ազգի է որդուն մեր, այլ ՚ի վերայ ազգաց եւ աշխարհաց»*

«Въ этомъ мѣстѣ плачъ нашъ не объ одномъ только родѣ, но объ родахъ и странахъ (Арменіи)».

И такое выраженіе не есть исключительная особенность Египте, такъ выражается и Фаустъ «*իշխանութիւն աշխարհացն հայոց մեծաց»* (III, Ժբ, стр. 29) «власть надъ «странами» великой Арменіи» или еще «*լացին ամենայն սահմանք աշխանհաց գաւառաց հայոց մեծաց»* (28) «рыдали всѣ предѣлы странъ, областей великой Арменіи».

А въ томъ случаѣ, когда писатель хотѣлъ употребить это слово въ значеніи всей страны Арменіи, то онъ прибавлялъ къ слову *աշխարհ ամենայն*, «весь», такъ, напримѣръ,:

...«*Թագաւորն Տիրան եւ այլ մեծամեծ աւազանին նախարարացն, կամ աշխարհն ամենայն, ոչ ինչ... իշատուն ինչ գնացեայլ լինէին»* (Фавл. III, Ժբ, стр. 31).

«царь Тиранъ и другіе вельможи-нахарары, или вся страна, ничуть себя не вели разумно».

Городъ по-армянски называется *քաղաք* «*каіаік*»; это слово не туземнаго происхожденія, а заимствовано изъ сврійскаго. Достоинно вниманія то, что «каіаік» въ армянскомъ удержало свое первоначальное значеніе ограды, такъ, напр., у Фауста Византійскаго имѣется такая фраза о звѣринцѣ-паркѣ царя Хосроя:

«*գամենայն երկս եւ գգազանս հրամայեաց ժողովեն Թագաւորն եւ չնուլ քաղաքորման, զի լիցին նոցա տեղիք որսոց»*... (Фавл. III, Ը).

«царь приказалъ собрать звѣрей всякой породы и сдѣлать стѣну-ограду (*քաղաք*), чтобы эти мѣста были бы мѣстами для охоты».

Несомнѣнно, въ данной фразѣ «кагай» не можетъ обозначать «города», такъ какъ рѣчь идетъ о звѣринцѣ-паркѣ и единственное, что подходитъ по смыслу, это ограда *).

Что представляли изъ себя города въ древней Арменіи, чѣмъ они отличались отъ деревень, какое устройство имѣли они, сказать трудно, за скудостью данныхъ. Есть только одно интересное мѣсто у Елисея, на основаніи котораго можно заключить, что каждый городъ былъ, какъ бы центральнымъ пунктомъ, къ которому тяготѣли окружныя деревни, онѣ даже и разсматривались, какъ села, принадлежащія городу. На чѣмъ основывалось, изъ чего вытекало это тяготѣніе деревень къ городу, было ли это вслѣдствіе экономическихъ причинъ, тяготѣнія къ рыночному мѣсту, или административныхъ, сказать съ увѣренностью пока что-либо опредѣленное рисковано: можно склоняться только скорѣе ко второй причинѣ; это было вѣроятно тяготѣніе окружныхъ деревень къ крѣпости, которая находилась всегда въ городахъ и въ которой спасались во время войны и жители опредѣленныхъ ближайшихъ деревень: въ этомъ отношеніи вся страна дѣлилась на маленькія оборонительныя единицы съ крѣпостями.

«Յայն ժամանակի դարձեալ
յարձակեցան ՚ի բերդիցն եւ աւա-
նացն, զոր ունէին Պարսիկք ՚ի
տեղիս տեղիս յամրոցս աշ-
խարհին... Առաջին զմեծ Ար-
տաշատ հանդերձ աւանօք իւ-
րովք եւ առնուին զանմատոյց ա-
մուրսն: զԳառնի քաղաք, զԱնի,
զԱրտազերս եւ զաւանս իւրեանց
զԵրկայնորդսն եւ զԱրհնին եւ
զաւանս իւրեանց, զԲարձրաբուղն,
զԽորանիստ, զՕխանիստ, զԱն-
կասկածելի, յղականն եւ ընդ նոսա
եւ զաւանս իւրեանց, զԱրփանե-
ալն, զՎաննաան ընդ նմին եւ զաւ-
անսն իւր, զԳոեալն, եւ զԿապոյտն,
զՍրտոն եւ զՎասակաշատն զամե-
նեսին զայս իւրաքանչիւր գե-
ղիւք եւ ազարակօք»... (стр. 64).

«Въ это время, говорится у Елисея, вновь направились на крѣпости и деревни, которыми владѣли Персы съ различныхъ мѣстахъ, на укрѣпленіе страны этой... Прежде всего Великій Арташата съ деревнями своими и взяли неприступныя крѣпости: Гарни городъ, Ани, Артагеръ и села ихъ, Бардзрабухъ, Хораристъ, Цханистъ, Анкаскацели Вогаканъ и съ ними села ихъ, Арпаніалъ, село Ваннъ и съ ними села его, Гріалъ и Капуйтъ, Воротнъ и Васакапата съ эти со своими деревнями и агараками».

*) Это значеніе слова установлено впервые проф. Н. Марромъ.

Тутъ достойно вниманія то, что всѣ эти мѣста названы *крѣпостями*, между тѣмъ при перечисленіи видно, что эти пункты были въ тоже время и городами, какъ, на примѣръ, *Гарникаіакъ*, *Ани*, и другіе, къ нимъ то, какъ «укрѣпленія странъ» относятся и тяготѣють эти села.

Еще во времена Ксенофонта была замѣтна подобная концентрація, тяготѣніе деревень къ одному главному пункту. Онъ рассказываетъ, на примѣръ, что кругомъ того мѣста, гдѣ находилась резиденція сатрана персидскаго правительства, было много богатыхъ деревень (*Xenophon. Anab. 4,7*); трудно рѣшить, вызывалось ли въ данномъ случаѣ тяготѣніе экономическими причинами или тѣми же, какими въ вышеприведенномъ случаѣ: описаніе и свѣдѣніе чрезмѣрно краткое, чтобы можно было судить съ увѣренностью. Во всякомъ случаѣ это тяготѣніе должно быть не безъ вліянія экономическихъ причинъ.

Судить о городахъ, ихъ отличіи отъ деревень, какъ было указано выше, весьма трудно потому, что историческія произведенія не даютъ опредѣленныхъ свѣдѣній о нихъ. Очень часто даже не извѣстно, городъ ли тотъ или другой пунктъ или селеніе: одинъ историкъ называетъ городомъ, даже большимъ или великимъ городомъ, другой тоже самое именуетъ деревней, а то и просто крѣпостью. Есть случаи, когда одинъ и тотъ же авторъ въ двухъ мѣстахъ даетъ различныя опредѣленія; напр., Фаустъ Византійскій на 113 стр. (IV, 44) своего сочиненія Аршакаванъ *Արշական* называетъ городомъ, на 110 стр. (IV, 42) прилагаетъ къ нему эпитетъ *ան*, а 115 стр. (IV, 44) уже *Գեղարքար*. Что же представлялъ изъ себя на самомъ дѣлѣ Аршакаванъ? Тоже самое нужно сказать относительно *Ջարհան* Зарехана, который у Фауста на 179, 181 и 239 стр. (IV, 84) названъ городомъ *քաղաք*, а у Лазаря П. селомъ *գեղ* (*գլ լք* стр. 63). Въ то время, какъ Нахичеванъ *Նախիջան* по Лазарю П. (*գլ 44*, стр. 121) представлялъ изъ себя деревню *գեղ*, по Фаусту онъ былъ городомъ (стр. 178, IV, 84) и т. д.

Достойно вниманія, что большая часть названій армянскихъ городовъ представляютъ изъ себя *composita*, по образцу персидскихъ названій и съ суффиксами, употребляющимися въ древнеперсидскомъ для названій городовъ: второй частью собственныхъ именъ городовъ бывають или «*кертъ*» *կերտ* или «*шатъ*» *շտ*, или «*аванъ*» *ան* или же еще «*анатъ*» *ան*, напр.: Тигранакертъ, Адамакертъ, Ероваандакертъ, Наракертъ, *Տրդրանիկերտ* (*Փակտ. IV, 146, V, 14*,

стр. 227), Հարամակերտ (Ղ. Փար. գլ. 7, стр. 5) Երանդակերտ, Հնարակերտ и т. д.; керт, կերտ, какъ известно, пехлевійское слово kert, обозначающее сдѣланный (Hübschman, Arm. Gram. I, 168), поэтому composita съ этимъ суффиксомъ могутъ по смыслу обозначать не только городъ; такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: известно, напр., селеніе գեղ Մանակակերտ (Фил. V, р, стр. 271), селеніе Манавазакертъ, գեղ Վարակերտ (Ղ. Փար. գլ. 42, стр. 122) сел. Варазкертъ и т. д. Названіе городовъ съ «шатъ»: великій городъ Арташатъ, великій городъ Еровандашатъ, մեծ քաղաք Արտաշատ (Фил. III, р, ժբ, IV, ծե, стр. 18, 30, 176, 177), մեծ քաղաք Երուանդաշատ (Фил. IV, ծե, стр. 177) и др. շատ = phl. šat радость, увеселеніе (Hübschman Arm. Gram. I, 211).

Города съ «аван»: Аршакаванъ, Зарехаванъ, Нахчаванъ и др. Արշակաւան (Фил. IV, ժգ, стр. 113); Ջարեհաւան (Фил. IV, ծե, стр. 177) Նախճաւան (Фил. IV, ծե, стр. 178); «аван» աւան = дрв. перс. avahana, Slecken oder Dorf (Hübschman, Arm. Gram. I, 112); быть можетъ, поэтому всѣ три пункта, упомянутые Фаустомъ въ качествѣ городовъ, имъ же самимъ и другимъ историкомъ и называются селами.

Города съ «апатъ»: Вагаршапатъ Վաղարշապատ (Фил. III, է, стр. 17; IV, ծե, стр. 177).

Итакъ, обозначенія городовъ, какъ по своему общему имени քաղաք, такъ и по названіямъ отражаютъ въ себѣ чужеземное вліяніе, именно сирійско-древнеперсидское.

Деревя по армянски называлась «геі» и «аван» գեղ и աւան. Последнее слово, какъ известно, персидскаго происхожденія и обозначаетъ селеніе, деревню, первое настоящее армянское. Есть ли между нимъ какая либо разница? Имѣется много случаевъ, когда названія села «геі» գեղ представляютъ изъ себя composita, вторая часть которыхъ աւան какъ, напр., գեղ деревня Багаванъ, Нахичеванъ Բաղաւան, (Ղ. Փար. գլ. 52, стр. 139), Նախճաւան (ib. գլ. 45, стр. 121) такъ что тутъ какъ будто գեղ и աւան равнозначущія величины, хотя могло случиться, что мѣстечко, бывшее прежде աւան'омъ, стало позднѣе գեղ; произошло своего рода возвышеніе его, или паденіе; но для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо знать реальный смыслъ обонихъ названій.

Что такое գեղաքաղաք? смыслъ такого compositum, гдѣ село стоитъ въ соединеніи съ городомъ, можетъ быть понятъ такъ: если предположить, что вторая часть слова «кагака» քաղաք имѣетъ еще

свое первоначальное значеніе оградаы, то тогда «гѣгакагак»'ами могли называться въ отличіе отъ обыкновенныхъ селъ такія, которыя были снабжены оградами, укрѣпленіями; это были въ позднѣйшее время укрѣпленные поселки, недостигшіе и неимѣвшіе еще всѣхъ характерныхъ особенностей города; быть можетъ «гѣгакагак» и «гѣг» *q̄b̄l̄q̄-ш.р̄ш̄q̄ш.р̄* и *q̄b̄l̄q̄* вѣрнѣе всего рисуютъ намъ первоначальное состояніе разницы между городами и селеніями: первые отличались отъ вторыхъ только тѣмъ, что имѣли «кагак» *р̄ш̄q̄ш.р̄* ограду, укрѣпленіе; постепенно съ возвышеніемъ «гѣгакагак»овъ *q̄b̄l̄q̄ш.р̄ш̄q̄ш.р̄* и приобрѣтеніемъ самостоятельнаго значенія, отпадаетъ первая часть *compositum q̄b̄l̄q̄* и остается одно названіе *р̄ш̄q̄ш.р̄* городъ.

Что подъ «агарак»омъ *ш̄q̄ш̄р̄ш̄q̄* подразумѣвалось, какая именно реальная величина, намъ не удалось выяснитъ.

р̄b̄r̄q̄ и *ш̄л̄п̄л̄р̄* «берд» и «амур» употребляются для обозначенія крѣпости, но памятники не даютъ никакихъ свѣдѣній объ ихъ организаціи и положеніи; известно только что крѣпости имѣлись у каждаго изъ правителей тануторовъ, но объ этомъ говорится въ главѣ объ населеніи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Населеніе.

Въ первой главѣ было указано, что основной единицей, какъ территоріальнаго дѣленія, такъ и социальнаго былъ домъ «тунъ». Само названіе не даетъ никакихъ данныхъ для выясненія внутренняго содержанія этой единицы: представлялъ-ли «тунъ» моногамную семью или родъ. Въ этомъ отношеніи дѣлу не помогаютъ и классическіе писатели, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по этому вопросу. Вслѣдствіе такого положенія приходится довольствоваться косвенными доводами и соображеніями. Несомнѣнно, въ ту эпоху, когда благодаря памятникамъ письменности становится возможнымъ изучать социальную жизнь Арменіи, такъ называемая малая семья уже существовала, но даже въ это время рѣшающей силой, основнымъ факторомъ является только родъ: вся — армянская исторія этого періода проходитъ передъ глазами изслѣдователя *въ борьбѣ между родами*, затѣмъ родовая, а не личная отвѣтственность, родовая кровная месть, все это указываетъ на родъ, какъ на основу социальнаго строя древней Арменіи.

Болѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ «тунъ» имѣютъ термины «тоhm» и «азгъ» տոհմ и ազգ. Что значитъ какъ одно, такъ и другое? «Тоhm» տոհմ является въ армянскомъ заимствованнымъ словомъ изъ древнеперсидскаго *phl. tuhm, tohm*, означающемъ семью, родъ; слово же «азгъ» ազգ настоящее армянское и имѣетъ также смыслъ рода. Поэтому случается очень часто, что эти два слова замѣняютъ другъ друга и употребляются одинъ вмѣсто другого: такъ, напр., Лазарь П. на 45 стр. своей исторіи Арцруни называетъ «аз Арцруняцъ» ազգ Արժրուհեաց: а нѣсколько ниже (т. I. 16, стр. 47), уже «тоhm» Арт-

пруняц» տոհմ Սրժրուհեաց: на 47 стр. у того же автора Хорхорунн называется «тоһм» տոհմ, а на 72 «азг» ազգ; очевидно оба слова имѣли одно и тоже значеніе и могли безразлично употребляться; у Фауста сказано:

Հարկանէր վանէր ազգսն
Երկուսեան եւ ոչ Թողոյր զԵր-
կոցուհց տոհմացն զորձկորիւն
եւ ոչ Տր» (III, 7, стр. 9).

«совершенно истребилъ оба
рода (азг) и не оставилъ изъ обо-
ихъ родовъ (тоһм) ни одного мла-
денца мужескаго пола».

Родъ есть высшее дѣленіе, которое извѣстно древней Арменіи; это, такъ сказать, базисъ и исходный пунктъ также и для зародившейся государственной жизни. Древне-армянской литературѣ, ея историческимъ памятникамъ неизвѣстно общее названіе, подъ которое подходили всѣ жители, все населеніе страны, нѣтъ слова равнаго по значенію слову «народъ»; если историкъ хотѣлъ сказать обо всѣхъ своихъ соотечественникахъ, обо всемъ народѣ, то онъ бывалъ принужденъ употреблять или описательныя выраженія вродѣ вышеупомянутаго «плачъ нашъ... объ родахъ и странахъ (Арменіи)», или же онъ пересчитывалъ всѣ сословія и чины и тѣмъ давалъ понять, что рѣчь идетъ обо всемъ населеніи, напримѣръ,

«Ժողով լինէր նախարարացն եւ
իշխանացն գործակալաց եւ զօ-
րագլուխք, պետք եւ ամենայն
աշխարհաժողովք» (Фавл. III, ի,
стр. 54).

«было собраніе нахараровъ,
владельцевъ, служилыхъ, военачальниковъ, главъ и всего вѣча страны».

«Եկին առ Մեծ Եպիսկոպոսա-
պետն Հարց Ներսէս: Մեծամեծք
նախարարք, կաւակալք, կողմա-
նակալք, գաւառատեարք, գործա-
կալք եւ դաստապետք շինակա-
նաց» (Фавл. IV, ծա, стр. 165).

«прибыли къ великому архі-
епископу армянъ Нерсесу: ве-
ликіе нахарары, краеначальники,
начальники провинцій, прави-
тели областей, служилые и
главы поселянъ».

Это обстоятельство чрезвычайно характерное и знаменательное явленіе, оно какъ нельзя лучше характеризуетъ состояніе общества; первое выраженіе показываетъ насколько сильно весь социальный строй въ древней Арменіи былъ проникнутъ родовымъ началомъ, въ чемъ мы убѣдимся немного ниже, послѣдніи два случая иллюстриру-

ють намъ рельефно сословную основу позднѣйшей государственной жизни: въ Арменіи были только отдѣльныя соціальныя группы, связь между которыми была еще очень слаба, она иногда даже мало чувствовалась.

* * *

Мы очень мало знаемъ, какова была жизнь при родовомъ строѣ, источники по обыкновению проходятъ молчаніемъ такіе вопросы, но и то немногое, что случайно сохранилось у историковъ, рисуетъ намъ характерныя картины. Нескончаемая борьба родовъ другъ съ другомъ съ ожесточеніемъ и неудержимой страстью къ мести, непрекращавшаяся часто и при вмѣшательствѣ духовныхъ властей и царя, была обычнымъ явленіемъ. Добавьте къ этому то, что во время такой борьбы не было пощады никому изъ членовъ, что каждый былъ отвѣтственъ за проступки и грѣхи своего сородича; нѣсколько мѣстъ изъ Фауста, которыя мы приведемъ ниже, лучше всего иллюстрируютъ эти темныя стороны родовой жизни древнѣйшей эпохи:

*«պղտորէին զմեծ աշխարհն
Հայոց իշխանն մանաւազեան տոհմին
եւ միւս նահապետ Որդունւոց
տոհմին: Կռուեցան ընդ միմեանս
մեծաւ պատերազմաւ եւ բազում
մարդկան լինէր ծախուին կոտորածոյ».* (Փաւստ., III, 7, стр. 9).

«пшханъ рода Манавазяновъ и еще также наһапетъ рода Вордуніецевъ мутили великую землю армянъ, боролись, сражались другъ съ другомъ, и много людей погибло убитымъ».

Послѣ неоднократныхъ, но совершенно безрезультатныхъ попытокъ своимъ вмѣшательствомъ и посредничествомъ положить конецъ распрѣ и примирить враждующихъ,

*«մեծ ցասմամբք եւ բազում
սրտմտութեամբ արձակեաց թագաւորն ի վերայ նոցա զՎաչէ
որդի Արտավազդայ, զնահապետ
մամիկոնեան տոհմին յազգէ սպարապետութեան
Հայոց... սատակել կորուսանել զազգն
երկոսեան: Ապա երթեալ Հասանէր ՚ի վերայ
նոցա զօրավարն Վաչէ, Հարկանէր,
վանէր զազգսն երկոսեան եւ*

«въ великомъ гнѣвѣ и большомъ негодованіи послалъ царь на нихъ Вачэ сына Артавазда, наһапета рода Мамиконьяновъ изъ рода главнокомандующихъ армянъ... [съ повелѣніемъ] *погубить, истребить оба [враждующихъ] рода*; отправившись, полководецъ Вачэ захватилъ ихъ и *совершенно истребилъ [членовъ]*

«*Թողոյր զերկոցունց տոհմացն զորն կորիւն եւ ոչ զմի...*» (ibid. III, 7, стр. 9).

*обоих родов и не оставил изъ
обоих родов ни одного младенца
мужескою пола».*

Царскій гнѣвъ и пылъ былъ не умѣреннѣе, чѣмъ этихъ двухъ заклѣтыхъ враждующихъ родовъ; и у царя и у подданныхъ чувства проявлялись въ очень бурной формѣ; изъ этого эпизода особенно *знамѣнательно и достойно вниманія то, что за двухъ своихъ сочленовъ должны были поплатиться жизнью остъ изъ сородичи съ обѣихъ сторонъ*; очевидно, по тогдашнимъ понятіямъ они были отвѣтственны за проступки своихъ необузданныхъ родственниковъ. Такой же способъ суда былъ примененъ къ Датабену; онъ измѣнилъ армянскому царю и перешелъ на сторону персовъ

«*Անբրաւալ արարեալ զԴատարէնն Վաչէ սպարապետն եւ քաջ Վահան ամատունի, ածէին զնա առաջի մեծի Թագաւորին խոսովու եւ քարկոծ առնէին զնա քարամբք իբրեւ զայր, որ աշխարհի եւ գնդի եւ զօրաց տեառն իւրոյ դաւաճան լեալ իցէ, եւ զազգ նորա եւ զհին եւ զորդիս գտանէր յամրոցի անդ աշխարհին ընշտունեաց յանուանեալն յԱղթամբ կղզւոջ... անցեալ Դ կղզին առ հասարակ ոչ զէգ Թողոյր եւ ոչ զարու; եւ այսպէս բարձաւ ազգատոհմ նախարարութեան այնորիկ» (Фал. III, 9, стр. 20).*

«связавъ Датабена, военачальникъ Вачэ и храбрый Ваханъ Аматауни привели его къ великому царю Хосрою и побили его камнями, какъ человѣка, который строилъ козни противъ страны, отряда и войскъ своего господина; онъ [т. е. Вачэ] весь родъ его и жену и сыновей нашелъ въ укрѣпленіи страны Руштунійцевъ, въ называемомъ островѣ Агтамбъ... переправившись на островъ, онъ *не оставилъ вообще ни мужскаго потомства ни женскаго; такимъ образомъ исчезъ этотъ нахарарскій родъ».*

Такъ дорого обошлась измѣна Датабена всему несчастному его роду; невинные съ виновными понесли одну и ту же кару за то только, что имѣли несчастье быть сородичами измѣнника.

Также сурово и безжалостно былъ истребленъ родъ Агдзнійцевъ потому, что Бакуръ бдешъ ихъ въ борьбѣ съ царемъ призывалъ къ себѣ на помощь персіянъ, явленіе нерѣдко встрѣчавшееся въ древней Арменіи.

«առաքէր Թաղաւորն Հայոց
զբարեկիր զծառայս իւր... եւ
սպանին զգրեաշին, եղբարբբ եւ
որդուք իւրովք հանդէրձ. բայց
զազ ջիկ մի դուստր նորածին եւ
զգլուին Բակուր բղեշին բերին
առ արբայր եւ... այլ որ ոք ոչ էր
մնացեալ յազգէն» (Փաւ. III, Թ,
стр. 21).

«армянскій царь послалъ хо-
рошихъ рабовъ своихъ... и они
убили бдѣшха съ братьями и сы-
новьями своими. Но одну дѣвочку,
новорожденную дочь и голову
бдѣшха Бакура принесли къ царю
и... никого больше не осталось
въ живыхъ изъ этого рода».

Такая отвѣтственность всѣхъ членовъ рода за дѣйствія одного изъ нихъ можетъ быть понятна только тогда, если мы представимъ себѣ родовой строй, когда единицей являлись цѣлые роды, а не отдѣльныя личности, когда слѣдовательно и дѣйствія, направленные противъ одного изъ членовъ любого рода являлись враждебнымъ шагомъ по отношенію ко всему роду въ цѣлости. Однимъ словомъ *родовые принципы и кровная родовая месть лежали въ основаніи всѣхъ дѣйствій, описанныхъ выше Фаустомъ*. Сами происшествія могутъ быть и недостоверны, но тутъ *важно уже и то, что историкъ при измышленіи не могъ себѣ представить отвѣтственности за дѣйствія одного члена рода иначе, какъ онъ нарисовалъ читателямъ: это показываетъ его правовыя понятія и міросозерцаніе*.

* * *

Переходя къ изученію внутренней жизни родовъ, необходимо выяснитъ взаимоотношеніе всѣхъ членовъ одного рода другъ къ другу и тѣ условія и способы, которыми достигалась возможность единой родовой жизни и хозяйства. Первый вопросъ, который приходится ставить, касается управленія родомъ и родовымъ имуществомъ. Кто завѣдывалъ всѣми дѣлами и въ какомъ отношеніи находилось такое лицо къ остальнымъ членамъ своего рода? второй вопросъ касается той стороны дѣла, на чемъ основывалась власть лица, заправлявшаго дѣлами рода?

Органомъ управленія при родовомъ строѣ былъ *танутеръ տանտէր*, лицо, въ вѣдѣніи котораго было все, что касалось общихъ всѣмъ членамъ рода дѣлъ; объ роли, какую играли всѣ остальные члены рода при разрѣшеніи дѣлъ, намъ почти ничего не извѣстно; мы не знаемъ, было ли для танутеровъ обязательно при

какомъ либо предпріятіи мѣнѣе остальныхъ сородичей; есть нѣ- сколько случаевъ, когда танутерь совѣтуется съ членами своего рода, во рѣшить на основаніи этихъ данныхъ вопросъ было-ли это для него необходимо и существовало ли въ обращеніи общее родовое собра- ніе, контролирующее и направляющее дѣйствіе танутеровъ, невоз- можно.

Танутеромъ бывалъ старшій членъ въ родѣ и сообразно съ этимъ должна была переходить эта должность по смерти одного къ дру- юму. Этимъ принципомъ старшинства дѣйствовавшимъ при замѣщеніи вакантной должности танутера, исключалась, конечно, возможность существованія выборнаго начала и вліяніе остальныхъ членовъ оче- видно должно было быть въ этомъ вопросѣ при нормальномъ теченіи дѣлъ ничтожно; тутъ властвовали слѣдовательно обычай и старина; кто именно былъ самымъ старшимъ въ родѣ всѣмъ бывало, конечно, хорошо извѣстно и едва ли этотъ вопросъ могъ вызывать существен- ные споры, кто по смерти одного танутера, слѣдовательно, долженъ былъ вступить въ исполненіе его обязанностей, было какъ бы заранѣе опредѣлено.

Но есть вдно мѣсто у Фауста, которое легко можетъ быть по- нято неправильно; оно нуждается въ разсмотрѣніи и комментированіи: при первомъ взглядѣ это мѣсто, какъ бы указываетъ на то, будто танутерство было введено впервые армянскими царями съ цѣлью под- чиненія себѣ нахарарскихъ родовъ, но это первое впечатлѣніе не осно- вательно и остальные мѣста у того же историка уясняютъ, что именно хотѣлъ сказать авторъ въ данномъ мѣстѣ. Возьмемъ вышеупомянутый отрывокъ и разсмотримъ его:

«...կացոյց արքայն զվարդան զերէց եղբայրն Դ նահապետու- թեանն ազգին իւրեանց եւ զվա- սակ զմիջին եղբայրն զիւր դայե- աին Դ սպարապետութիւնն զօրա- վարութեան յիրս պատերազմացն. այնպէս եւ զկրտսերն Դ պետս զօրացն կացուցանէր: Սոյնպէս եւ զամենայն ազգան զօրացն Վծա- մեծացն նահապետացն, որպէս ասաջին Թագաւորըն նուաճեալք

«Царь назначилъ Вардана, старшаго брата *наханетомъ* рода ихъ, а Васака, средняго брата, своего воспитателя, спарапетомъ для *предводительствованія* въ военныхъ дѣлахъ, такимъ же образомъ назначилъ младшаго для военныхъ нуждъ (или начальни- комъ войскъ). Такъ же [орга- низовавъ] всѣ роды *всѣ* мож- ныхъ войскъ *наханетомъ*, по-

յիւրաքանչիւր շախոս» (Փաւ. IV, Բ, стр. 67).

добно первымъ царямъ, [имѣв-шихъ] подчиненными себѣ кажды́й [въ своей] мѣрѣ».

Изъ этого мѣста можно заключить, будто армянскіе цари для подчиненія себѣ родовъ назначили танутеровъ и наһапетовъ, какъ это случилось и при Варданѣ; танутерство однако создано не армянскими царями, оно было раньше чѣмъ сами цари появились; имъ принадлежитъ только одна мѣра, а именно виѣшательство въ родовые порядки и узурпація права назначать или утверждать танутеровъ; послѣднее, конечно, предшествовало первому, оно представляло переходную степень къ полному присвоенію царемъ права назначать по своему усмотрѣнію любого члена рода; въ этомъ заключалась политика царей, они достигали этой мѣрой подчиненія часто непокорныхъ и самостоятельныхъ родовъ. Обратимъ вниманіе на то, что собственно сдѣлалъ царь при Варданѣ: онъ *старшаго брата* назначаетъ танутеромъ (=наһапетомъ), *второго брата спарпетомъ, такому же принципу и порядку* въ замѣщеніи родовыхъ должностей *слѣдуетъ* царь и *при назначеніи во всѣхъ другихъ родахъ*; очевидно, онъ слѣдовалъ при этомъ чему то вполне определенному и установленному изстари: трудно допустить, чтобы вѣрными ему оказывались во всѣхъ родахъ *именно* старшіе члены; старшинство тутъ правовы́й порядокъ, освященный и установленный обычаемъ; царь только утверждаетъ ихъ, онъ долженъ былъ довольствоваться и этимъ; собственно, уже это было много и важно, остальные шаги на пути подчиненія, сдѣлать было гораздо легче, такъ какъ въ самомъ фактѣ утвержденія танутеровъ царемъ давался возможность постепенно виѣшиваться въ установленный порядокъ и нарушать его въ удобные моменты. Нѣсколько другихъ случаевъ еще больше убѣждаютъ насъ въ исконности принципа старшинства при занятіи должности танутера.

Армянскій царь Вараздатъ назначилъ танутеромъ рода Мамиконьяновъ Вачэ, изъ того же рода (Փաւլտոս, V, 15, стр. 245), но вотъ

...«իրրեւ եկն եհաս յերկիրն
Հայոց մանուէլ եգրարն իւրով
Կոմսիւ Հանդերձ, իրրեւ ետես
զնա Վաչէն, որ յառաջ էր լեալ
նահապետ, մինչեւ եկեալ էր Ինա
ետ ցնա զպատիւ իշխանութեանն,

«когда Мануэль виѣстѣ съ братомъ своимъ Комисомъ прибыли въ землю Армянскую, и Вачэ увидѣлъ его (Мануэля), то хотя Вачэ и былъ назначенъ наһапетомъ раньше, чѣмъ Мануэль прибылъ

զոր անեալ էր ՚ի Թագաւորէն...
քանզի նա էր երկջ յարգին եւ
մանուկէն ունէր զնահապետու-
թեան արգին տանուտէրութեան
պատուին եւ վաչէ ինէր երկրորդ
(ibid. V, 15, стр. 246).

къ нему, передалъ ему долж-
ность и власть, которую онъ
имѣлъ отъ царя, такъ какъ онъ
былъ старшимъ въ родѣ, — и Ма-
нуэль принялъ (соб. имѣлъ) наба-
петство рода, должность тану-
тера, а Ваче сталъ вторымъ
[лицомъ въ родѣ]».

Итакъ, достаточно было только появиться старшему брату, какъ его второй братъ, назначенный царемъ танутеромъ, долженъ былъ уступить ему занимаемую должность; старшинство имѣло болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ утвержденіе царя. Очевидно, поступая такъ, самъ Ваче былъ убѣжденъ, что тоже сдѣлалъ бы царь, если бы старшій его братъ не былъ бы въ плѣну у персіянъ, т. е. что царь назначилъ бы танутеромъ его брата Мануэла по его праву старшинства, таковъ былъ обычный порядокъ «кар» «Կարգ», передъ которымъ должны были преклоняться не только отдѣльные члены рода, но и самъ царь. Старшинство очевидно считалось по вѣтвямъ членамъ рода, а не по одному семейству; былъ живъ дядя, онъ долженъ былъ по праву старшинства занять должность танутера, и если кто либо такимъ или инымъ путемъ обходилъ это и нарушалъ про того говорили, что онъ занимаетъ танутерство не по порядку «նչ ըստ Կարգի», какъ это было сказано про Васака

...նչ ըստ Կարգի ունէր նա
զտէրութիւնն Սիւնեաց աշխար-
հին, այլ նենգութեամբ եւ քու-
թեամբ ետ սպանանել զՏօրեղ-
բայրիւր զվարդնակ եւ յինքն տա-
րաւ զտէրութիւնն իբրեւ քրտի-
կեար յարքունիս» (եղիշէ. 125).

«не согласно порядку имѣлъ
онъ должность танутера страны
Сюніи, но злокозненно и доно-
сами заставилъ убить дядю сво-
его Вагинака и взялъ себѣ, какъ
всемогущій, власть [тану]тер-
скую изъ царскаго дворца».

* * *

Принципъ старшинства при замѣщеніи вакантнаго мѣста былъ видимо и въ Арменіи всеобщимъ; въ этомъ легко убѣдиться, если проанализировать одно весьма интересное преданіе, такъ счастливо попавшее въ произведеніе Моисея Хоренскаго; у историка говорится, что

...սյետ հօրն վախճանելոյ,
կամ եղեւ Արտաշիսի ազգաւ ՚ի
վերայ եղբարցն թագաւորել զոր
յաննն առեալ եղբարցն, ոչ առա-
ւել ողորական բանիւք եւս պատ-
րողք, քան թէ սաստիւ նուաճե-
ալ նորաւ Եւ Արգարու պայման
ուխտի եւ դաշինս ՚ի միջի հաս-
տատեալ: Թագաւորել Արտաշիսի
ծննդովք իւրովք: Իսկ եթէ հաս-
ցին զարմք նորա, եղբարցն մատ-
չել ՚ի թագաւորութիւն ըստ
կարգի աւագութեան». (II, 17).

«послѣ смерти своего отца,
Арташесъ захотѣлъ самъ по-
томственно царствовать надъ
братьями, на что братья согласи-
лись, вынужденные на это больше
угрозой, чѣмъ убѣдительными и
обманчивыми рѣчами; и Абгаръ
заключилъ съ нимъ условія со-
гласія и договора о томъ, что
Арташесу [должно] царствовать
со своими потомками, но если
его потомство пресѣчется, то
царская власть должна переходить
къ братьямъ по порядку
старшинства».

Обратимъ вниманіе, что даетъ намъ данный отрывокъ для вы-ясненія порядка царскаго престолонаслѣдованія до и послѣ договора между Арташесомъ и его братьями. Условія договора вполне опредѣленно устанавливаютъ прямое престолонаслѣдованіе въ потомствѣ Арташеса; *разъ для этого нужно было заключать спеціальныя условія съ братьями, то, очевидно, до этого времени долженъ былъ существовать совершенно противоположный порядокъ, а именно тотъ, конечно, который вступалъ въ свои права съ момента прекращенія потомства царя Арташеса, то есть, наслѣдованіе царскаго достоинства по порядку старшинства въ родѣ, а не въ одномъ семействѣ; характерно при этомъ сообщеніе о томъ, что братья отказались отъ прежняго порядка престолонаслѣдованія только будучи вынужденными угрозами и насиліемъ.* Выше было установлено, что по старшинству замѣщались вакантныя мѣста танутеровъ: теперь выяснилось, что тотъ же самый порядокъ былъ принятъ и въ царскомъ родѣ, слѣдовательно принципы, какъ въ обыкновенныхъ, такъ царскомъ родѣхъ властвовали одинаковы. Таковы выводы, которые можно извлечь изъ приведеннаго у Моисея Хоренскаго сообщенія; конечно, оно есть ничто иное какъ преданіе, въ которомъ кристаллизировался продолжительный, вѣковой процессъ перехода порядка престолонаслѣдованія отъ древнихъ формъ родового быта съ принципомъ замѣщенія по старшинству къ принципу наслѣдованія по прямой линіи.

Достоинно вниманія, что тотъ же самый Хоренскій, который приводитъ вышеуказанное свѣдѣніе, излагая родословную армянскихъ царей, подобно всѣмъ остальнымъ историкамъ, утверждаетъ, будто всегда на царскомъ престолѣ сынъ наследуетъ отцу, т. е. по принципу прямого престолонаследованія: такъ, напр., по Фаусту Византійскому Традаты былъ сыномъ Хосроя (III, ρ), Традату наследовалъ его сынъ Хосрой Котакъ (младшій) (III, τ), а ему сынъ его Тиранъ (III, ρ), затѣмъ Аршакъ сынъ Тирана (IV, ω); по Хоренскому, напр., Арташесъ наследуетъ своему отцу Аршаку (II, ρ), — Арташесу наследовалъ сынъ его Тигранъ (II, ρ), послѣ него на армянскомъ престолѣ сидѣлъ сынъ его Атаваздъ (II, ρ), который былъ взятъ въ плѣнъ (II, ρ) и т. д. Однимъ словомъ армянскіе историки, въ числѣ нихъ и Моисей Хоренскій, ведутъ царскую генеологическую таблицу по прямой линіи, хотя Хоренскій самъ приводитъ у себя такое преданіе, которое ясно противорѣчитъ этому; очевидно армянскіе авторы впадаютъ въ заблужденія, перенося позднѣйшіе порядки и шаблонную схему въ начальный періодъ государственной жизни своей страны.

Мы видѣли, что принципы старшинства въ родѣ при замѣщеніи вакантной должности танутера устанавливается вполне опредѣленно; въ первой части даннаго изслѣдованія было выяснено, что тоже самое было, какъ это видно изъ описанія Страбона, и при назначеніи мамасакхисовъ въ Грузію. Съ другой стороны и вышеприведенное извѣстіе Фауста Византійскаго, по которому вторые по старшинству послѣ танутеровъ были назначаемы для предводительствованія на войнѣ, находятъ въ себѣ прекрасную аналогію въ томъ принципѣ раздѣленія обязанностей въ Грузію, по которому второе лицо послѣ царя — мамасакхиса отправляло функціи главнокомандующаго всего грузинскаго войска. Это сходство и единство принципа социальнаго строя и изучаемаго института указываетъ на исконное существованіе даннаго обычая назначать второго по старшинству члена рода начальникомъ войска и убѣждаетъ насъ, что вышеупомянутый армянскій царь, какъ это мы и предполагали, ничего новаго въ государственный строй своей страны не вносилъ, а поступалъ по старинѣ.

Невольно напрашивается сравненіе положенія царской власти въ Грузію и Арменію: въ Арменію, какъ это было установлено на основаніи анализа одного преданія, въ вопросѣ объ царскомъ престолонаследованіи въ древности дѣйствовалъ принципъ старшинства; въ первой части этой книги было выяснено, что, еще въ I вѣкѣ нашей эры,

согласно описанію современника географа Страбона, въ царскомъ родѣ для замѣщенія вакантнаго престола была принята именно система старшинства; аналогія такимъ образомъ получается ясная; разница заключается только въ томъ, что армянскіе памятники не указываютъ на то, чтобы ихъ цари когда либо носили тоже названіе «танутеровъ», которое употреблялось для главъ родовъ, подобно тому какъ это было въ Грузіи. Трудно сказать, объясняется ли это отсутствіе тѣмъ фактомъ, что армянскіе историки объ древнемъ строѣ своей родины не имѣютъ вообще реального представленія, или это указываетъ, что подобной общности наименованій армянская старина не знала. Можно склоняться скорѣе къ положительному отвѣту, чѣмъ къ отрицательному, такъ какъ и въ Арменіи, подобно тому, какъ это было въ Грузіи, старшины деревень назывались тѣмъ же терминомъ, какимъ и правители области и главы родовъ, а именно танутерами (см. *Улѣцшѣ. Огр. чл. Іур.*, грамоту объ границахъ сюнейск.); это единство терминологіи, происходящей изъ эпохи родового строя, даетъ основаніе предполагать, что и въ Арменіи цари могли называться танутерами.

Необходимо однако указать, что въ то время какъ по отношенію къ Грузіи совершенно точно устанавливается эпоха, когда принципъ старшинства какъ въ царскомъ, такъ и въ обыкновенныхъ родахъ былъ еще въ полной силѣ, по отношенію къ Арменіи установить это точно и вполне достоверно нѣтъ возможности.

Армянскій царь, какъ передаетъ Діонъ Кассій, носилъ бѣлый хитонъ, пурпуровую мантию, тиару и повязку. По мѣстному обычаю онъ верхомъ въѣзжалъ въ укрѣпленія (*Ρωμαικῆ ιστορία*, XXXVI, 52).

* * *

Послѣ установленія принципа старшинства для полученія танутерскаго достоинства и принципа порученія военнаго дѣла, командованія войскомъ другому лицу, а не танутеру, необходимо выяснить вопросъ объ основѣ-власти танутера. Нужно установить, какъ въ этомъ отношеніи обстояло дѣло въ эпоху, описываемую армянскими историками; иными словами, должно быть такъ или иначе опредѣлено, какъ понимали нѣкоторые касающіяся танутеровъ или теровъ выраженія, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ Фауста Византійскаго, Лазаря Парпскаго и Елисея.

На 45 страницѣ исторіи Лазаря, напр., приводится слѣдующій списокъ танутеровъ:

...«*արք ի նախարարացն էին ժողովեալք:*

տէրն Սիւնեաց Վասակ եւ

- » *Արծրունեաց Ներշապուհ, Վրիւ Մաղխազ,*
- » *Մամիկոնէից եւ սպարապետն հայոց Վարդանն,*

- » *Վահեւունեաց Գիւտ,*
- » *Մոկաց Արտակ,*
- » *Անձեւացեաց Շմաւոն,*
- » *Ապահունեաց Մանէճ,*
- » *Վանանդեայ Առաւան,*
- » *Արշարունեաց Արշաւիր,*
- » *Ամատունեաց Վահան,*
- » *Գնունեաց Ատոմ,*
- » *Պալունեաց Վարազշապուհ,*
- » *Աշոցայ Հրահատ,*
- » *Դիմաքսենից Հմայեակ,*
- » *Արեղենից Գազրիկ,*
- » *Արաւելենից Փափագ...*

Այսոքիկ ամենեքեան աւագ տանուտեարք, հանդերձ աւագ սեպուհօք եւ բարեպաշտ եպիսկոպոսօք եւ աւագ քահանայիք եւ վանականօք պատասխանի հրաւրտակին գրէին... (Ղազար Փար. գլ. իգ, стр. 45).

«изъ нахараровъ, которые собрались, были слѣдующіе:

теръ Сюнійцевъ Васакъ

- » Арцрунійцевъ Нершапухъ, Вривъ Магхазъ
- » Мамиконьяновъ и армянскій главнокомандующій Варданъ
- » Ваhevунійцевъ Гюгъ
- » Мокцевъ Артакъ
- » Андзевацийцевъ Семонъ
- » Апаһунійцевъ Манечъ
- » Вавандійцевъ Араванъ
- » Аршарунійцевъ Аршавиръ

- » Амагунійцевъ Ваһанъ
- » Гнунійцевъ Атомъ
- » Палунійцевъ Варашапухъ

- » Ашоца 'Раһатъ
- » Димаксенійцевъ 'Майякъ
- » Абегенійцевъ Газрикъ
- » Араваганийцевъ Папагъ...

Всѣ эти—старшіе танутеры вмѣстѣ со старшими сепуһами и благочестивыми епископами и протоіереями и настоятелями монастырей написали отвѣтъ на рескриптъ.

Является естественно вопросъ, какъ слѣдуетъ понимать въ этомъ списокѣ слово теръ или танутеръ *տէր* или *տանուտէր* и такія выраженія, какъ теръ сюнійцевъ *տէր Սիւնեաց*: являлись ли эти лица танутерами господами рода, фамиліи или чего либо другого, однимъ словомъ, на чемъ зиждилась ихъ власть? Если взять второе лицо изъ

даннаго списка танутеровъ, теръ Мамиконьяновъ Варданъ տէր Մամիկոնէից եւ սպարապետն հայոց Վարդան и поискать свѣдѣнія о немъ у того же автора, то на 52 стр. можно найти слѣдующее:

...«սիւթացուցանէին... խօսել
ընդ սպարապետին իւրեանց տե-
առն մամիկոնէից տոհմին» «спѣшили ...переговорить со
своимъ военачальникомъ, *теромъ*
рода Мамиконьяновъ» (գլ. Իէ).

Изъ этого мѣста видно, что Варданъ былъ танутеромъ рода Мамиконьяновъ, а не имѣнія или области. Но нижеслѣдующіе примѣры убѣждаютъ, что въ данномъ отрывкѣ, *мы имѣемъ* неточное, *неполное выраженіе* и что это мѣсто должно быть понято сообразно съ тѣмъ какъ понимаются и всѣ остальные подобныя выраженія.

Вернемся опять къ танутеру Сюнійцевъ Васаку; о которомъ у того же автора сказано въ другомъ мѣстѣ

...«ի տոհմէն Սիւնեաց Վասակ
Սիւնեաց տէրն» (գլ. ԻԵ) стр. 47). «изъ рода Сюнійцевъ Васака,
теръ Сюнійцевъ».

На основаніи этого предложенія можно было вывести такое же заключеніе, какое было сдѣлано о Мамиконьянѣ Варданѣ, но и это было бы ошибочно. Возьмемъ, что говоритъ Елисей; армянскіе нахарары докладываютъ по его словамъ персидскому царю:

...«Ետուք դմա (Վասակայ)
զտէրու թիւնն Սիւնեաց» (стр. 123). «вы дали ему (т. е. Васаку)
власть [*тану*]тера Сюнійцевъ».

Двумя страницами ниже мы встрѣчаемся съ одной фразой, которая вполне опредѣляетъ, что понималъ самъ авторъ и что понимали нахарары подъ терствомъ или танутерствомъ

«ոչ ըստ կարգի ունէր նա
(Վասակ) զտէրութիւնն Սիւնեաց
աշխարհին, այլ նենդութեամբ եւ
քրութեամբ ետ սպանանել զՏօ-
րեղբայր իւր զՎաղրինակ» (стр. 125). «не согласно порядку имѣлъ
онъ должность [*тану*]тера Сю-
нійской страны, но злокозненно
и доносами, поясняетъ Елисей,
заставилъ убить дядю своего
Вагинака».

Этотъ отрывокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что *тану-терство, господство простиралось на область Сюнійцевъ*, поэтому,

значить слова нахараровъ «вы дали ему, т. е. Васаку власть [тану]тера Сюнийцевъ» *слѣдуетъ понимать* въ смыслѣ *տերութիւն Սիւնեաց աշխարհի* *власть танутера надъ областью Сюнийцевъ*. Сообразно съ этимъ и выраженіе Лазаря II. теръ сюнийцевъ Васакъ *տէր Սիւնեաց վասակ*, какъ *scriptio praena* будетъ звучать *теръ страны или области или дома рода Сюнийцевъ Васакъ տէր Սիւնեաց աշխարհի* или *գաւառին* или *տանտոհմին վասակ*, что это дѣйствительно такъ и самъ Лазарь иначе и не понималъ, можетъ намъ уяснить та фраза, которую употребляетъ онъ относительно назначенія на танутерское достоинство Сюнии вмѣсто отставленнаго Васака ренегата Варавзагана:

...«ի նմին աւուր զԹշնամին նորա (վասակայ) զսեպուհն սիւնի զուրազողն զվարազվաղան տէր ՚ի վերայ աշխարհին Սիւնեաց վազուցանէին» (գլ. ԽԳ, стр. 85).

«въ тотъ же день врага его (т. е. Васака) сепуна сюнийскаго ренегата Варавзагана назвали *теромъ надъ сюнийской страной*».

Разъ Варавзанъ, бывшій сіюнийскій сепуль, ставъ замѣстителемъ танутера Васака, получилъ *танутерство, власть надъ сюнийской областью, очевидно такового характера должна была быть власть и самою Васака, слѣдовательно տէր Սիւնեաց վասակ* = по *scriptio praena տէր Սիւնեաց աշխարհին վասակ*.

Поэтому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сказано танутерь или теръ такихъ-то родовъ или даже безъ этого опредѣленія, какъ теръ Ваhevунійцевъ, теръ Мокцевъ, теръ Андзеванійцевъ, теръ Амагунійцевъ и т. д. *տէր վահեւունեաց, տէր Մոկաց, տէր Անձեւանեաց, տէր Ամատունեաց, տէր Գնուներեաց, տէր Պարունեաց, տէր Դիմաքանից, տէր Արեղենից, տէր Արաւեղենից* и многіе другіе, нужно всегда предполагать, что это не полное и точное выраженіе и что всегда подразумѣвается теръ или танутерь области, страны или дома рода *տէր* или *տանուտէր գաւառին, աշխարհին* или *տանտոհմին*. И дѣйствительно, у историковъ встрѣчаются полныя выраженія вмѣсто теръ Андзеванійцевъ *տէր Անձեւանեաց*, — теръ области Андзеванійцевъ *տէր գաւառին Անձեւանեաց* (Фил. V, 4, стр. 208), вмѣсто теръ Рштунийцевъ *տէր րրշտունեաց* (Фил. V, 15, стр. 250), теръ области Рштунийцевъ *տէր գաւառին րրշտունեաց* (ibid. V, 15, стр. 249) и т. д.

У историковъ приходится часто встрѣчать названіе танутера и нахарара съ опредѣленіемъ «аваг» *աւադ* старшій. Является естественно вопросъ, какое значеніе имѣло такое словоупотребленіе и являлось-ли оно обозначеніемъ особаго понятія, особой должности?

Насколько материалы позволяютъ заключать «аваг танутерь» *աւադ տանուտէր* не должно было быть названіемъ чего либо особеннаго, отличнаго отъ обыкновеннаго танутерскаго достоинства; хотя между старшими и простыми или младшими танутерами существовала, конечно, разница; эта разница была не іерархическая, а скорѣе по значенію и вліянію, нерѣдко и по возрасту и богатству. У Лазаря П. на 58 стр. (71: 1) сказано:

...*աարս աւադս Դ տանուտե-
րացն հայոց զիշխանն Արշարու-
նեաց Արշաւիր եւ զիշխանն Դի-
մաքսենից զՀմայեակ եւ զիշա-
խանն Արեղենից զԳազրիկ».*

*«старшихъ мужей изъ армян-
скихъ танутеровъ ишхана Ар-
шарунійцевъ Аршавира и иш-
хана Димаксенійцевъ Майяка
и ишхана Абегенійцевъ Газ-
рика».*

Въ данномъ отрывкѣ выраженіе «старшихъ мужей изъ танутеровъ армянскихъ» употреблено вмѣсто *աւադ տանուտեարք* старшіе танутеры; слѣдовательно, эти послѣдніе, согласно вышеприведенному отрывку, были *старшими изъ танутеровъ*; остается выяснить, на чемъ основывается это старшинство, давалось-ли оно царской властью или тутъ играли другія обстоятельства? Одна часть рѣчи Вардана Мамиконьяна, которую онъ держалъ передъ сассанидскимъ царемъ, можетъ дать отвѣтъ и на эту сторону вопроса:

...*«Բազումք են յայ երկց աշ-
խարհաց յազատորեբոց, որք են
աւադք քան զիս եւ գահու եւ
աւուրբք»... (ib. 41: 17. стр. 49).*

*«Много есть изъ знати этихъ
трехъ странъ, говорилъ онъ, ко-
торыя старше меня и «гаһ»омъ
(мѣстомъ) и юдами».*

Слѣдовательно старшими могли быть, или юдами, или же *гаһ'омъ*. Гаһомъ называлась, какъ мы потомъ увидимъ, та территорія, которой танутерь или ишханъ управлялъ. Значитъ *танутерь могъ быть, или считаться старшимъ сообразно съ важностью той провинціи или области, которая была ему подчинена, при этомъ іерархически его это нисколько не возвышало*; мы видимъ, что хотя у персидскаго

царя были собраны старшіе танутеры, тѣмъ не менѣе дѣйствовали и говорили Варданъ.

Что касается старшихъ нахараровъ, то подъ ними, сообразно широкому, общему значенію этого термина могутъ подразумѣваться и старшіе изъ танутеровъ и старшіе изъ семуловъ и изъ ишхановъ.

Танутерь въ доступную намъ для изученія эпоху, какъ это установлено выше, былъ не только главой опредѣленнаго рода, но вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ и управляющимъ извѣстнымъ округомъ, райономъ; районъ этотъ—всегда совпадалъ съ мѣстностью, гдѣ жилъ его родъ и носилъ въ большинствѣ случаевъ имя этого рода; собственно представлялось такъ, какъ бы весь опредѣленный родъ являлся правителемъ области; про родъ Камсаракановъ у Фауста, напр., сказано:

«գրոհմն կամսարահանացն, որ
էին գաւառաց տեարք Շիրակայ
եւ Արշարունեաց... (IV, ԺԹ, стр.
133).

«роды Камсаракановъ, кото-
рые были господами областей
Ширака и Аршарунійской».

Это и понятно, хотя фактически власть сосредоточивалась въ рукахъ танутера, но она принадлежала ему временно, она могла перейти не къ его сыновьямъ, а къ какому-либо другому члену этого рода; должность правителя области была, такъ сказать, наследственна въ родѣ, она не могла перейти (хотя нарушенія и бывали) только къ члену другого рода.

Итакъ, танутеры постепенно превращаются въ правителей; господъ областей, впоследствии это становится даже ихъ преимущественной обязанностью; это проглядываетъ и въ языкѣ: они часто называются уже не полно танутерами, или тер'ами дома такого-то, а просто господами (терами), притомъ господами области, ущелья, и только названіе ущелья по роду, которому принадлежитъ этотъ танутерь, указываетъ еще на происхожденіе изъ родового строя власти этихъ правителей; на примѣрахъ, которые приводятся ниже, видна именно территориальная основа власти танутеровъ и наһапетовъ;

«Անդոկի նահապետն Սիւ-
նեաց գաւառին (Փառատու, IV,
Ի, стр. 137).

«Андокъ—наһапетъ области
Сюнійцесъ».

У того же историка перечисляются:

«Գուգարաց զղեաշին, եւ յետ
նորա Չորայ գաւառին տէրն, եւ
Կողբայ գաւառին տէրն եւ ընդ
նոսա Գարդմանաձորոյ տէրն»
(стр. IV, ծ, стр. 163).

«Գնեւն, տէր գաւառին Անձեւ-
ացեաց» (ibid. V, գ, стр. 208).

«Ներսէս, տէր Շիրակայ» (Պ.
Փար. գլ. 4ր, стр. 122).

«Бдеашхъ Гугарка, за нимъ
(теръ) *господинъ области* Дзоръ
и *господинъ области* Коѣбъ и съ
ними *господинъ* Гардманскаго
ущелья».

«Гнегъ, *господинъ областей*
Андзевійцезъ».

«Нерсезъ, *господинъ Ши-
рака*».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ правители не названы танутерами, потому, что это уже не подходило и не соответствовало действительности, такъ какъ подъ властью ихъ были и другіе роды, и административные термины «область», «ущелье» точнѣе обозначали районы, находящіеся подъ ихъ управленіемъ.

Сообразно съ этимъ существовалъ даже специальный терминъ, областной начальникъ, который и выражалъ это понятіе: *գաւառա-տէարք*, такъ напр. у Фауста сказано: католикосъ Нерсезъ говоритъ армянскимъ нахарарамъ:

«ամենքեան դուք կեցեալ էք
յազգէդ արշակունոյ, ոմանք
ի ձէն ջ գաւառատեարք լե-
ալք ի նոցանէն, ոմանք մեծա-
մեծք աշխարհաց»... (IV, ծա,
стр. 166).

«всѣ вы жили благодаря ар-
шакидскому [царскому] роду,
нѣкоторые изъ васъ были назна-
чены ими *терами областей* (на-
чальниками областей), нѣкто-
рые же вельможами странъ».

* * *

Какъ правители эти господа (теры) имѣли *власть* (*իշխանութիւն*) надъ областью и поэтому называются еще *властителями ишханами* (*իշխան*).

Слово «ишханъ» «ишханутюнъ» не прибавляетъ ничего новаго къ понятію тера; вначалѣ оно обозначало вообще всякую власть, пол-
помочіе безразлично, шла ли рѣчь объ царѣ, или нахарарѣ, или епи-
скопѣ; напримѣръ, Египте персидскаго царя въ двухъ мѣстахъ на-
зываетъ ишханомъ:

«իրբւ ետես անօրէն իշխանն եթէ յաջողեցաւ չարութիւնն նորա» (стр. 13)...

«իսկ անօրէն իշխանն իրբւ գիտաց եթէ յայտնեցաւ խորամանկութիւն խորհրդոյն» (ib. 21)...

«когда безбожникъ *ишханъ* увидѣлъ, что злодѣяніе удалось ему»...

«когда же безбожникъ *ишханъ* узналъ, что его вѣроломный замыселъ обнаружился»...

Власть епископовъ именовалась также ишханутюнъ, напр.:

«Եպիսկոպոսաց հրաման տայր ունել զիւրաքանչիւր իշխանութիւնս» (ibid. 119).

«дагь приказъ епископамъ пользоваться каждому своей властью».

Ишханутюнъ обозначаетъ, наконецъ, право, полномочіе, напри- мѣръ:

«եթէ ոք ՚ի հեռի աշխարհ ուրոք գնացեալ իցեն, ունիմ իշխանութիւն յարքունուստ եթէ յազատաց իցեն, եթէ ՚ի շինականաց իցեն, եթէ յեկեղեցոյ, զինչ կեանս եւ թողեալ իցէ, եկեսցեն եւ կալցեն զիւրաքանչիւր զարարս» (ibid. 120).

«если кто либо отправился въ какую-нибудь отдаленную страну, то я имѣю *полномочіе (ишханутюнъ)* изъ царскаго дворца [объявить] что пусть они, будутъ ли изъ свободаго [сословія] или поселянъ, либо лицъ изъ церкви (клериковъ), приндуть и ведутъ такой образъ жизни, какой они оставили [передъ высе- лениемъ] и пусть владѣютъ своимъ достояніемъ».

Поэтому естественно, что ишханъ и теръ, ишханутюнъ и теру- тюнъ употребляются безразлично часто одинъ вмѣсто другого; одно и то же лицо въ одномъ мѣстѣ и одинъ разъ можетъ быть названъ теромъ, въ другомъ ишханомъ, напри- м.: у Лазаря Парпскаго про Артака на одной и той же (52) страницѣ разсказано «իշխան մոկաց Արտակ *ишханъ* *Мокозъ* Артакъ, другой разъ уже տէր մոկաց Արտակ *теръ* *Мокозъ* Артакъ; у того же автора Камсараканъ Аршавиръ на 64 страницѣ (ԳԼ ԼԴ) названъ *танутеромъ*, а на 65 и 66 (ԳԼ ԼԵ) *ишханомъ*; Гюгъ Ваһевунійскій у того же Лазаря Парпскаго на 64 страницѣ упоминается *танутеромъ*, но на 67 (ԳԼ ԼԴ) *ишханомъ* и

такихъ случаевъ не мало. Приведемъ одинъ примѣръ еще безразличнаго употребленія словъ терутюнъ и ишханутюнъ:

«խանտազաւ (Միհրնեբրտեհ) նմա (Վասակայ) իշխանութիւն աւելի քան զոր ունէր, եւ հայեցոյց զնա ՚ի կարծիս սնորհս, որ ՚ի վեր էր քան զիւր տէրութիւն» (Եղիշէ 83).

«объщала (Михрнерсеһъ) ему (Васаку) *власть (ишханутюнъ)* большую, чѣмъ онъ имѣлъ, и *направлялъ* его взоры на обманчивые иллюзіи, которыя были выше его *власти (терутюнъ)*».

Такое безразличное употребленіе этихъ двухъ терминовъ было вначалѣ; позднѣе ишханъ начинаетъ постепенно вытѣснять изъ употребленія слово теръ, какъ нѣкогда оно вытѣснило съ своей стороны слово танутертъ; теръ, какъ происшедшее изъ института родового строя, долженъ былъ естественно уступить мѣсто слову ишханъ, понятіе власти котораго вполнѣ выражало отличительное качество господина-правителя позднѣйшей формациі.

Нужно установить, надъ кѣмъ или чѣмъ являлись властителями ишханы. Два, три случая даютъ основаніе думать, что ишханы были надъ родами, такъ, напр., у Фауста сказано:

«...իշխանն մանազեան տոհմին եւ միւս ես նահապետն Որդունևոց տոհմին» (III, 7, стр. 9).

«ишханъ *рода* Манавазьяновъ и наһапеть *рода* Вордунійцевъ»:

Тоже самое можно заключить и изъ другого мѣста того же труда, гдѣ сказано,

«...զորմն իշխանն Սահառունեաց տոհմին եւ զկարէն իշխանն Ամատունեաց տոհմին եւ զՎարազ իշխանն Դիմաքսեանից տոհմին» (ibid. III, 17, стр. 38).

«одного *ишхана* *рода* Саһарунійцевъ и Карена *ишхана* *рода* Амаунійцевъ и Вараза *ишхана* *рода* Димахсенійцевъ»...

Но было бы ошибочно, если мы остановились на этомъ заключеніи; всѣ подобныя выраженія, какъ тѣ, съ которыми мы познакомились при изложеніи объ характерѣ власти танутеровъ, не полны и не точны. Также самое нужно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда сказано только ишханъ Сюнійцевъ *իշխան Սիւնեաց* или что либо подобное; это ясно видно изъ одного мѣста Фауста, гдѣ перечислены властители:

«*զԱնդուկ իշխանն Սիւնեաց
եւ զԱրշաւիր իշխանն Շիրա-
կաց եւ Արշարունեաց եւ զՆոյն
իշխանն միւսոյ Տոփաց եւ զՊար-
գեւ իշխանն տանն Ամատու-
նեաց*» (IV, 7, стр. 73).

«*Андуга ишхана Сюнийцевъ и
Аршавира ишхана Ширака и
Аршарунійцевъ и Нуйва ишханъ
сторыхъ Туюкъ и Паргева иш-
хана дома Аматунійцевъ*».

Последнее выражение *իշխանն տանն Ամատունեաց* властитель области (дома) Аматунійцевъ есть полное и точное, тутъ ясно видно, что *власть ишхана простирается на территорию*. По аналогіи нужно и во всѣхъ другихъ случаяхъ подразумѣвать туль *տուն* домъ, такъ, напр., ишханъ Сюнийцевъ *իշխան Սիւնեաց* по смыслу = ишханъ дома или области Сюнийцевъ *իշխանն տանն* или *գաւառին Սիւնեաց* и т. д. Это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

«*իշխանն Տոփաց աշխարհին
եւ զԳնիթ իշխան Հաշտեանից
գաւառին ի կամինական տոհմէն
զՎորոթ իշխանն Վանանդաց գա-
ւառին ...զԳորութ իշխանն Ձո-
րոց աշխարհին եւ զՄանասպ
զԽորխոռունեաց զիշխանն Մաղ-
խազունեան տանն*» (ibid. III,
Ժբ, стр. 29).

«*властитель (ишханъ) страны
Тцоікъ и Гнитъ властитель (иш-
ханъ) Аштенійской области изъ
рода Каминакапскаго, Воротъ
властитель (ишханъ) Ванандской
области... Горутъ властитель
(ишханъ) области Дзоръ и Ма-
наспъ Хорхорунійскій, власти-
тель (ишханъ) дома Махазуній-
цевъ*».

Выше было указано, что замѣщеніе должности танутера происходило согласно принципу старшинства въ родѣ; до тѣхъ поръ пока социальная организація древней Арменіи зиждилась на родовомъ строѣ, въ вопросы объ назначеніяхъ танутеровъ не могъ никто вмѣшиваться кромѣ определеннаго рода или группы родовъ, но по мѣрѣ того какъ власть танутеровъ становилась административной и они превращались въ правителей областей, естественно было ожидать все большее и большее вмѣшательство короны въ вопросы о кандидатурѣ на танутерскую должность; царю, конечно, было важно захватить въ свои руки право утвержденія или даже назначенія танутеровъ; то мѣсто Фауста объ назначеніи царемъ танутеровъ нахарарскихъ родовъ, которое выше было приведено, является однимъ изъ случаевъ такой тактики. Конечно, при существованіи принципа старшинства для замѣщенія

вакантныхъ должностей танутера, право царя могло только сводиться къ праву утвержденія; но цари могли этимъ недовольствоваться и нарушать обычный порядокъ, что и дѣлали въ угоду своей политики сассанидскіе государи.

Танутеры мѣстностей, или ишханы въ послѣдующую эпоху называются къ танутерской должности царской властью, будетъ ли это національная или иноземная, господствовавшая тогда въ Арменіи; приведемъ примѣры:

«ազգին մամիկոնեան տոհմին տանուտէր նահապետ կացոյց թագաւորն Վաչէ անուն, ՚ի նմին տոհմէ» (Փաւս. V, 15, стр. 245).

«царь назначилъ танутеромъ нахаметомъ рода Мамиконьяновъ [члена] изъ того же рода по имени Ваче».

Возставшіе армянскіе нахарары обращались къ персидскому правительству съ такими словами:

«Ետուք դմա զտէրութիւն Սիւնեաց, լուարուք յազգականաց այտի դորա, զինչ պատմեն զդմանէ»... (Եղիշէ 123).

«вы дали ему (Васаку) господство Сюнийское, выслушайте теперь отъ его сородичей, что они о немъ рассказываютъ».

Лазарь Парпскій передаетъ, что

խորհեալ աւագանոյ դրանն թուգաւորիին Վաղարշու... տալ Մամիկոնեանին Վահանայ զտէրութիւն Մամիկոնեանից» (գլ. 79. стр. 174).

«подумавъ [рѣшили] дать вельможѣ двора царя Валарша Вахану Мамиконьяну терство Мамиконьяновъ».

Тотъ же историкъ рассказываетъ, что персидское правительство

...«ի նմին աւուր զթշնամին նորա, զսեպուհն սիւնի, զուրացողն զՎարազվաղան տէր ՚ի վերայ աշխարհին Սիւնեաց կացուցացանէին, որոյ որքան ժամանակս կալեալ զիշխանութիւնն Սիւնեաց, բազում արարեալ անիրաւութիւնս... (գլ. 104, стр. 85).

«въ тотъ же день врага его (Васака) сепуна Сюнийскаго, ренегата (христіанства) Варавзаяна назначили теромъ надъ страной Сюнийцею; онъ во время своего управленія (ишханства) сотворилъ много несправедливости».

На официальномъ языкѣ того времени назначеніе танутеровъ выражалось словомъ, *անուանեալ*, они «назывались» терами, такъ Лазарь П. сообщаетъ, что

«որք առ վտանդի ժամանակի
աանուանեալք հայոց անուանեալ
էին» (ԳԼ ԿԳ, стр. 112)...

«тѣ, которые въ страдное время (персидскими властями) были названы танутерами армянскими», боялись вызвышенія Ваһана Мамиконьяна.

Такъ какъ армянскими нахарарами не оспаривается право государя (въ данномъ случаѣ персидскаго) назначать танутеровъ, то изъ этого ясно, что они считали это уже обычнымъ порядкомъ, существовавшимъ, видимо, еще при армянскихъ царяхъ; нахарары были только противъ того, что танутерство давалось не по обычному порядку (*ոչ ըստ կարգի*), самое же право царя назначенія, судя по историкамъ, тогда уже не оспаривалось.

* * *

Правители областей, или ишханы, выражаясь обычнымъ языкомъ древней Арменіи, имѣли «пативъ» *պատիւ* и «пайъ» *բայ*, и то и другое слово умышленно оставлено безъ перевода, такъ какъ до сихъ поръ еще дѣйствительное значеніе ихъ не выяснено. Что такое «пативъ»? «Пативъ» по терминологіи того времени означаетъ прежде всего *должность*, напримѣръ, Лазарь Парпскій рассказываетъ, что священникъ Гевондъ

«կոչէր զնա պատուոյն անուան
ւաճր մեծանայն: Սիւնեաց տէր,
Սիւնեաց տէր (ԳԼ ԽԳ, стр. 77).

«позвалъ его (Васака) громко по имени должности (пативъ) теръ Сюнійцевъ, теръ Сюнійцевъ!»

Въ этомъ случаѣ имя или названіе патива соответствуетъ танутерской должности, слѣдовательно, подъ пативомъ понимали должность; это ясно и изъ нижеслѣдующаго примѣра:

«իրբեւ ետես զնա վաչէ, որ
յառաջն էր լեալ նահապետ,
մինչեւ եկեալ էր ՚ի նա, ետ զնա
զպատիւ ի շխանու թեանն, որ

«Когда Ваче, который еще до прихода къ нему Мануэля былъ назначенъ на папетомъ, увидѣлъ его, то онъ передалъ ему

առեալ էր ՚ի Թագաւորէն
Վարազդատայ... եւ Մանուէլ
ունէր զնահապետութեան ազ-
գին տանուտէրութեան պատիւ
(Փաւս. V, 15, стр. 246).

должность (пативъ) ишханства
(= танутерства), полученную
имъ отъ царя Варздата... и Ма-
нуэль [послѣ этого] имѣлъ долж-
ность («пативъ») танутера наха-
пета этого рода».

Католикосъ Нерсехъ говорилъ армянскимъ нахарарамъ, строи-
вшимъ козни противъ своего суверена, царь

...«զէզ կեցուցեալ զամենե-
ւեան... զոմն գործով, զոմն պա-
տուով, զոմն իշխանութեամբ,
զոմն գործակալութեամբ»
(Փաւս. IV, ծա. стр. 166).

«всѣмъ вамъ давалъ [средства]
жить... кому дѣломъ, кому долж-
ностью (пативъ), кому властью,
кому службой».

Въ данномъ предложеніи имѣется параллелизмъ: «гортц» «գործ»
дѣло соотвѣтствуетъ «гортцакал» գործակալ завѣдующіе дѣлами, слу-
жилый, — «пативу» պատիւ соотвѣтствуетъ «ишханутионъ» իշխանու-
թիւն власть, поэтому «пативъ» должно обозначать административную
должность.

Но пативъ обозначалъ также тѣ отличія, украшенія и соот-
вѣтствующіе наряды, которые жаловались царемъ тому или иному
лицу при назначеніи на должность танутера или ишхана и которые
были преимущественными атрибутами ихъ власти, напр.:

Про персидскаго царя и его политику по отношенію къ армян-
скимъ нахарарамъ у Елисея говорится:

...«պատրէր... զոմանո ազա-
րկօք եւ մեծամեծ գեղօք, զո-
մանս պատուովք եւ իշխա-
նութեամբ մեծամեծօք» (стр.
21).

«онъ соблазнялъ... однихъ
пашнями и большими селами,
другихъ знаками отличія (па-
тивъ) и большой властью».

Относительно Васака у того-же автора рассказывается, что

...«կոչեցին եւ զուրացեալն եւ
նա ըստ առաջին կարգի որինաց
արքունի արկանէր զպատուա-
կան հանդերձ զոր ունէր ՚ի

«позвали и ренегата (Васака).
Онъ накомулъ на себя согласно
древнему установленію царскаго
этикета почетную (патоваканъ)

Թագաւորէն. կապէր եւ զպատիւ վարսին (Եղիշէ 124).

одежду и почетную воловную по-
слажу (соб. почетъ волосъ)».

Лазарь П. передаетъ, что для выясненія дѣла объ возстаніи

...«Թագաւորն հրամայեաց ՚ի վաղիւն ատեան մեծ լինել առաջի իւր, եւ ամենայն այր, Արի եւ Անարի եւ զոր ինչ եւ ունէր ոք զպատիւ Թագաւորին կազմ առաջի իւր եկեցցեն... եւ լուեալ զայս ամենայն զինաւորքն, որ ոք ունէր զպատիւ Թագաւորին, վաղանդր հասանէին յատեանն» (գլ. խե, стр. 82).

«государь приказалъ собрать-
ся по утру передъ нимъ вели-
кому совѣту и Арійцу и Неарій-
цу и всякому, кто только имѣлъ
[знаки] отличія (пативъ) отъ
царя, и предстать [имъ] передъ
нимъ украшеннымъ ...и всѣ, кото-
рые только имѣли отъ царя
[знаки] отличія, рано утромъ
прибыли на собраніе».

Парпскіиъ рассказываетъ далѣе, что, когда Васакъ былъ при-
званъ ко двору,

...«ուխտանենք իշխանն Սիւ-
նեաց վասակարկեալ զիւրեաւ
զանենայն պատիւս, զոր ունէր ՚ի
Թագաւորէն, զայր մտանէր» (ib.
գլ. խե, стр. 82).

«вѣроотступникъ ишханъ Сю-
ніицевъ Васакъ, накинувъ на
себя ость отличія, какія онъ
имѣлъ отъ царя, вошелъ во дво-
рецъ».

Но счастье не улыбнулось на этотъ разъ Васаку, онъ попалъ въ
опалу и царь, какъ передаетъ историкъ, закричалъ ему:

«զայս գիտեա, զի յայսմ հետէ
Սիւնեաց տէր չես... հրաման
տայր Թագաւորն Յազկերտ ան-
դէն զառաջեաւ կողոպտել ՚ի
նմանէ... պատիւն զոր ունէր եւ
չաղկեալ զնա պայկացն, մերկա-
ցուցին զնա, մերկացուցեալ ՚ի
նմանէ զարդարանս պատուոյ տէ
րուԹեանն» (ib. стр. 85, գլ. խզ).

«знай это, что ты отнынѣ
не теръ Сюніицевъ... царь Ездя-
гердъ приказалъ тамъ же передъ
собою сорвать съ него отличіе,
которое онъ имѣлъ; и стражи
лишили его, отнявъ (отличія)
украшенія должности [тану]-
терства».

Описывая придворный церемоніалъ армянскихъ царей Фаустъ
передаетъ, что

«այլ յայսմ ազգաց եւ ՚ի խոնարհ որ գործակալս անուն բարձիւք առաջի արքային պատիւ ՚ի գլուխ բազմէին» (Фав. IV, Բ, стр. 68).

«также и изъ этихъ родовъ, и изъ низшихъ, которые называются служилыми, возсѣдали на *подушакъ* съ почетными [*новязками*] на голову передъ царемъ».

* * *

«*Гаһ*» գահъ персидское слово; въ армянскомъ оно обозначало вообще *мѣсто*, потомъ *территорію*, находящуюся *подъ властью* и управленіемъ какого-либо *должностнаго лица*; «*гаһ*» въ болѣе тѣсномъ смыслѣ означало административный центръ, резиденцію, гдѣ пребывалъ каждый правитель области; у Фауста, напримѣръ, разсказывается про жену Вардана, что

«մինչդեռ ՚ի վեր ՚ի բերդին նստէր ՚ի գահոյս իւրում, եղև գոջ սաստիկ... վազէր ՚ի գահոյից անտի» (IV, ԺԲ, стр. 132).

«въ то время какъ она сидѣла на *своемъ мѣстѣ* (*гаһ*) и получилось ужасное извѣстіе... [то] она вспрыгнула на *мѣстѣ* (отъ ужаса)».

Тотъ же историкъ пишетъ, что по истребленіи всего рода

«ետ գաւանն եւ զբուն գահոյից գեւղն նահապետին մանաւագենից եպիսկոպոսին... յեկեղեցի» (III, Դ, стр. 10).

«далъ епископу... въ церковь село и главную (исконную? родовую) *деревню мѣсто* [пребыванія] (= резиденцію) *наһапета Манавазьяновъ*».

Въ Арменіи, по словамъ историковъ Фауста (IV, Բ, стр. 68) и Хоренскаго (III, Ժա) существовало во время придворныхъ выходовъ, мѣстничество: каждое должностное лицо могло занимать только опредѣленное мѣсто «*гаһ*» сообразно со своей родовой честью. Въ прошломъ столѣтіи былъ найденъ одинъ документъ, заключающій въ себѣ мѣстническій списокъ; онъ былъ изданъ Эминомъ въ его переводѣ М. Хоренскаго (изд. 1858 г., стр. 358—360) и съ фототипическимъ снимкомъ о. Алишаномъ въ своемъ *Այրարատի*; г. Халатьянцъ пробовалъ интерпретировать тотъ памятникъ (Армянскіе Аршакиды, стр. 294—297), но не съ большимъ успѣхомъ. Мѣстническій списокъ, вѣроятно, существовалъ въ древней Арменіи, но дошедшій документъ

несомнѣнно подложенъ; во-первыхъ это не мѣстническій списокъ, какъ онъ себя выдаетъ, а простой перечень должностей, при этомъ названія должностей не носятъ въ себѣ ни одной архаической черты. Кроме того само введеніе къ памятнику такое путанное и содержитъ такіа невѣроятныя подробности о томъ, какъ и кѣмъ добытъ онъ, что еще больше усиливаетъ убѣжденіе въ его подложности.

* * *

Чѣмъ же владѣли танутеры или ишханы, какъ лица облеченныя административной властью: Это можно выяснитъ на основаніи словъ, которыми характеризуютъ свое положеніе нѣкоторые изъ армянскихъ нахараровъ, лишеныя танутерства, благодаря правительственной политикѣ сассанидскаго государства. Въ своихъ рѣчахъ они рисуютъ правовое положеніе армянскихъ нахараровъ, добивавшихся, благодаря измѣнѣ религій, должностей танутеровъ. То, что говорится объ ихъ правахъ и владѣніяхъ, можетъ быть распространено на всѣхъ вообще нахараровъ, такъ какъ компетенція ихъ была одинакова, разница заключалась только въ томъ, что одни добивались должности цѣной отщепенства. Лазарь влагааетъ въ уста оратора слѣдующую рѣчь:

...«*սրբազանք, զի զորեարն զայն, որ գամ մի Պերողի յիւրու՛մ ԹագաւորուԹեան ՍոգուԹեամբ տէր էր արարեալ, եւ այժմ գահ ունի եւ պատիւ եւ յիւրաքանչիւր գաւառի իշխան են, եւ ձիոյ տէր են եւ զինու եւ գեղի».. (Ղ. Փար. ԳԼ ԴԲ, стр. 168).*

«разсудите, эти люди, которые однажды Перозомъ въ свое царствованіе были изъ-за [принятія] магства сдѣланы [тану]терами и теперь имѣютъ область (гаһ) и должность и являются каждый въ своей области властителями (ишхан) и господами конницы, оружія и отряда».

Итакъ, они имѣютъ «пассив» должность (но, можетъ быть и знаки своего достоинства), имѣютъ мѣсто «гаһ», резиденцію или территорію и являются властителями каждый въ своей области, господами надъ конницей и пѣхотой, надъ войскомъ.

И дѣйствительно въ Арменіи войска различныхъ танутерствъ, или областей не соединялись вмѣстѣ подъ начальствомъ одного главнокомандующаго, но выходили всегда со своими танутерами или иш-

ханами и сообразно съ областнымъ дѣленіемъ и по танутерствамъ выстраивались они также съ боевой порядкомъ. Нѣтъ почти случая, чтобы войско одного танутерства было раздѣлено на двѣ части и одна находилась на лѣвомъ крылѣ, напр., а другая на правомъ. Та область, которая была раньше подчинена армянскому царю, выходила съ военачальникомъ назначеннымъ государемъ; когда же царство было уничтожено, и эта область была подчинена персидскому правительству, то этими войсками командовали персидскія должностныя лица. Во время сассанидскаго владычества въ Арменіи находились кромѣ того и войска царя персидскаго, которые занимали большей частью главнѣйшія укрѣпленія страны. Итакъ, войска выходили по нахарарствамъ или танутерствамъ, это видно изъ многихъ мѣстъ армянскихъ историковъ; напр. Елисей говоритъ, что выступили на войну:

...«ամենայն գործակալք արբուհի իւրաքանչիւր զօրօքն հանդերձ» (стр. 92)

...«ամենայն նախարարքն զօրօք իւրեանց յիւրաքանչիւր տանէ ՚ի մի վայր գային հասանէին վաղվաղակի. բազում եւ այլ այրուձի որ յարբուհի տանէ անտի էր» (ib. 68).

«всѣ царскіе служилые каждый со своими войсками».

«всѣ нахарары со своими войсками каждая дома рано утромъ прибыли къ одному мѣсту, много также и другой конницы, которая была изъ царскаго дома, находилась на той сторонѣ».

Про Васака, влaстителя области Сюнийцевъ, тотъ же авторъ передаетъ, что

...«ընտրեաց եւ առ նա ընդ իւր զորոց գիտէր զԹուրութիւն հաւատոց նոցա: Զիշխանն Բագրատունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Խորխորունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Ապահունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Վահեւունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Պալունեաց զօրօք իւրովք, զիշխանն Գաբեղենից զօրօք իւրովք, զիշխանն Ուրծայ զօրօք իւրովք եւ

«онъ выбралъ и взялъ съ собой тѣхъ, о колебаніи которыхъ въ вѣрѣ ему было извѣстно: влaстителя Багратидовъ со своими войсками, влaстителя Хорхорунійцевъ со своими войсками, влaстителя Апаһунійцевъ со своими войсками, влaстителя Ваһевунійцевъ со своими войсками, влaстителя Палуунійцевъ со своими войсками, влaстителя Габегенійцевъ со своими войсками,

գայլ բազում զօրս յարքունի տանէն արկ յինքն» (Շղիշէ, 69).

владельца Уртца со своими войсками и много других войск из царскаго дома перевелъ на свою сторону».

У Фауста про главнокомандующаго армянской арміею говорится:

...«զարմարէր զօրսն ամենայն տանցն աւագանոյն ընդ զօրսն արքունի» (Փաւս. III, Ը, стр. 20).

«онъ собралъ войска всѣхъ домовъ вельможъ вмѣстѣ съ царскими войсками».

Тотъ же авторъ сообщаетъ:

...«Յայնմ ժամանակի ազատազօրք նախարարացն Հայոց առեալք զիւրաքանչիւր ընդանիս, ինէին տախտականք» (ib. III, Խա, стр. 55).

«въ это время азатныя войска армянскихъ нахараровъ, взявъ каждый своихъ домашнихъ, обратились въ бѣгство».

Фаустъ передаетъ, наконецъ, что

...«Ժողովեաց զամենայն զօրս նախարարացն Վասակ սպարապետն Հայոց» (ibid. IV, ԼԳ, стр. 155).

«Васакъ, армянскій главнокомандующій, собралъ всѣ войска нахараровъ».

...«Թողոյր աստէն զՇապուհն պարսիկ պրուսիով, պրընտիր զնդաւ, զտէրն Սիւնեաց զԻդիհոն առ նմա ամենայն գաւառին Սիւնեաց զնդաւ»... (Ղ. Փար. գլ. 2, стр. 146).

«оставилъ здѣсь Шапуха съ персидской конницею, избраннымъ отрядомъ, вмѣстѣ съ нимъ [тану]тера Сюнійцевъ Гедеона со всѣмъ отрядомъ Сюнійской области».

* * *

Танутеры — имзаны имѣли собственныя крѣпости, съ которыми и жили обыкновенно. Фаустъ рассказываетъ, что во время посковъ Вардана, танутеры области Мамяковьяновъ,

...«Երթեալ գտանէին զնա յիւրում բաւառին Կ Տայս, յիւր ամուր բերդին որում անունն Իրախանի կոչի» (Փաւս. IV, ԺԸ, стр. 132).

«отправившись, нашли его въ своей области Тао, съ своею укрѣпленіемъ, которое называется Эраханъ».

Лазарь Парпскій упоминаетъ также

...«Սագրայ բերդ, որ էր բերդ
ամուր իշխանութեանն իւրեանց»
(Ղ. Փար. ԳԼ ԿԷ, стр. 121).

«Сагра крѣпость, которая
была крѣпостью [области, под-
чиненной] ихъ власти»...

Тотъ же историкъ рассказываетъ, что дѣтей нахараровъ от-
правили

«յամուրս բերդից իշխանու-
թեանն Սիւնեաց» (ibid. ԳԼ ԼԳ,
стр. 67).

«изъ крѣпости [области, под-
чиненной] власти Сюнійцевъ».

* * *

Всѣ танутеры и сепуһи имѣли печати, которыя и приклады-
вали они къ документамъ и письмамъ въ знакъ своего согласія и ут-
вержденія.

Лазарь П. рассказываетъ, напр., что

«Եւ արարեալ նամակ իշխա-
նին Սիւնեաց Վասակայ իւրով
մատանեալ, հրամայէր նամականի
առնել եւ այլ ամենայն աւագ տա-
նուտերացն Հայոց եւ կնքեալ
զնամականին իւրաքանչիւր ու-
րուք մատանեալ» (ԳԼ Լ, стр. 58).

«властитель Сюнійскій Васакъ
составилъ письмо, [снабженное]
его печатью, и приказалъ онъ со-
ставить письма и всѣмъ другимъ
старшимъ танутерамъ армян-
скимъ и приложить къ письмамъ
каждому свою печать».

Тотъ же историкъ продолжаетъ:

...«Եւ գրեալ զայս ամենայն
բանս հաւատոյ ուխտին եւ կնք
եալ նախ մատանեալ իշխանին
Սիւնեաց Վասակայ եւ ապա մա-
տանեօք ամենայն տանուտերացն
Հայոց եւ աւագ սեպհացն... ետուն
ցպատուական եպիսկոպոսան» (ԳԼ
ԼԲ, стр. 62).

«написавъ такія слова о довѣ-
рїи къ союзу и приложивъ прежде
печать сюнійскаго властителя
Васака, а потомъ печати и всѣхъ
[другихъ] танутеровъ армян-
скихъ и старшихъ сепуһовъ...
дали почтеннымъ епископамъ».

«Եւ զայս ամենայն թղթան
կնքէր նախ ինքն իշխանն Սիւ-
նեաց Վասակ իւրով մատանեալ

«ко всѣмъ этимъ письмамъ при-
ложилъ печать прежде самъ сю-
нійскій властитель Васакъ сво-

Եւ արա արեւայն տանուտերք
Հայոց (ԴԼ ԼԴ) стр. 63).

ей печатью, а потомъ и ось ар-
мянскіе танутеры.

* * *

На ряду съ названіями танутеръ и ишханъ у армянскихъ исто-
риковъ постоянно можно встрѣтить терминъ *сепухъ*. Кто же такіе
были «сепухъ» и какое они имѣли отношеніе къ главѣ рода, танутеру?
Лингвистическій анализъ слова былъ произведенъ, какъ указано
въ первой части этого труда, проф. Н. Я. Марромъ.

По толкованію проф. Н. Марра реальное значеніе этого тер-
мина должно было быть «главный наслѣдникъ княжескаго рода». Для
выясненія занимающаго насъ вопроса необходимо установить, имѣло-ли
оно смыслъ наслѣдника дома, притомъ съ опредѣленіемъ старшинства.
Для этого слѣдуетъ выяснить, бывалъ ли въ родѣ одинъ сепухъ, или
ихъ имѣлось нѣсколько. Если мы обратимъ вниманіе на этимологиче-
скій смыслъ слова сепухъ *visaruthra*, то замѣтимъ, что въ моментъ
возникновенія этого термина главное значеніе имѣло принадлежность
къ опредѣленному дому; тотъ, кто былъ членомъ, сыномъ дома, могъ,
вѣроятно, называться *visaruthra*, сепухъ; старшинство, насколько
можно судить по составу слова, не играло роли; всякій членъ
являлся *visaruthra*. Подразумѣвалось ли при этомъ право наслѣдо-
ванія княжескаго дома на основаніи состава этого термина рѣшить
невозможно; есть основаніе предполагать, что не подразумѣвалось.
Такое значеніе однако слово могло имѣть у себя на родинѣ, но нѣ-
сколько иное въ армянской жизни; поэтому нужно на основаніи дан-
ныхъ армянскихъ историковъ выяснить, одинъ ли сепухъ бывалъ въ
родѣ, либо домѣ, или ихъ бывало нѣсколько?

Въ сочиненіи Лазаря Парпскаго изъ каждаго рода упомянуты
по нѣсколько сепух'овъ; напр., изъ рода Мамиконьяновъ одно-
временно названы два сепуха; изъ нихъ одинъ Васакъ, про котораго
на 122 стр. (ԴԼ ԿԲ) сказано «քաջ սեպուհն ճամիրկոնկից Վասակ, Եղբայր
սպարապետին Վահանայ» (см. также стр. 125, 132, 134, 135, 141,
171), а другой Мушегъ, который на 143 стр. названъ сепух'омъ, но
очевидно и раньше носилъ данное имя, какъ это видно изъ стра-
ницы 86, гдѣ онъ называется нахараромъ; а ниже будетъ показано,
что подъ нахарарами подразумѣвались или танутеры, или ишханы,
или сепухи. Разъ онъ потомъ называется сепухомъ, то, очевидно,

это же подразумевалось и въ томъ случаѣ, когда историкъ называлъ его нахараромъ.

И изъ рода Ванандъ упомянуты также одновременно два сепуна, одинъ изъ нихъ Атгенъ названъ на 153 стр., другой Вренъ на 172 стр.

Итакъ, сепуномъ назывался не исключительно старшій наследникъ дома. *Сепуномъ повидимому и въ Арменіи назывался каждый членъ нахарарскаго рода, знатной фамиліи, онъ равняется по значенію грузинскимъ гварись-швили, сахлись-каци и сирійскому |Δαδ, |Σαζαδ. Слѣдовательно сепуновъ могло быть столько, сколько членовъ имѣлось въ данномъ родѣ. Название «сепунъ» не было терминомъ, обозначающимъ особую должность, особенное достоинство; поэтому историки часто одно и то же лицо въ одномъ мѣстѣ называютъ сепуномъ, въ другомъ мѣстѣ только по имени, какъ случится, то такъ, то иначе:*

Напр., объ Варзваганѣ сюнійскомъ Лазарь говоритъ

«այր Տի Դ տոհմէն Սիւնեաց... «нѣкій мужъ, сепунъ рода Сю-
Վարազվաղան (Գլ. Ի, стр. 39). нійцевъ, ...Варзваганъ».

Этотъ нѣкій мужъ изъ рода Сюнійцевъ на 40 стр. уже называется *զպիրժ սեպուհ Սիւնեաց զՎարազվաղան*, на 42 стр. тотъ же Варзваганъ упомянутъ только *по имени*, а на 85 страницѣ авторъ вновь придаетъ ему эпитетъ сепун'а.

Тоже самое можно сказать объ 'Майакѣ Мамиконьянѣ: на 37 стр. написано только, что онъ братъ Вардана, на 63 стр. говорится *սեպուհն... Դ Ճամիկոնէից տոհմէն* сепунъ изъ рода Мамиконьяновъ, а на 73 и 74 указано только его имя безъ эпитета, между тѣмъ на 74 онъ вновь названъ сепуномъ.

И про Врена Ванавдскаго на 171 стр. сказано только «*կարգեալ զգունդ Դ ձեռն վրեճայ Վանանդացւոյ* образовавъ отрядъ при помощи Врена Ванавдскаго», а на 172 «*սեպուհ Վանանդացի վրէն*» сепунъ Ванандскій Вренъ; или еще о Григоріѣ Мамиконьянѣ говорится: «отправилъ и своего племянника одного... Григорія» *արձակէր եւ զԻւր եղբորորդի Տի... զԳրիգոր* (стр. 171) нѣсколькими строками ниже на 172 страницѣ сказано «*սեպուհ Ճամիկոնէից Գրիգոր*», «сепунъ Мамиконьяновъ Григорій и т. д.

У Лазаря Парпскаго приводится одно интересное предложеніе, въ которомъ встрѣчается выраженіе, могущее быть истолкованнымъ не въ обычномъ смыслѣ.

Это объ родѣ, его организація и связанныхъ съ ними институтовъ, которые имѣли основное значеніе для государственнаго строя древней Арменіи.

* * *

Не всѣ однако роды были одинаковы по своему значенію даже въ самую первобытную эпоху; изъ среды общей всегда выдавались нѣкоторыя родовыя группы своими исключительными качествами и заслугами передъ родными племенами; въ большинствѣ случаевъ заслуги и качества эти были основаны на военныхъ дѣйствіяхъ; въ древности за такія свойства роды пользовались большимъ, чѣмъ остальные, почетомъ, большимъ вѣсомъ и вліяніемъ въ общественныхъ дѣлахъ; имъ принадлежало обыкновенно и общее предводительство на войнѣ; въ древней Арменіи такая привилегія предводительствованія соединенными войсками принадлежало, какъ извѣстно, роду Мамиконьяновъ. При государственной же организаціи отдѣльные роды, отличенные своими воинскими доблестями еще больше выдѣлялись изъ общей группы, такъ какъ заслуги ихъ оцѣнивались государями, въ глазахъ которыхъ эти роды становились *заслуженными* «*վաստակա-որք*»; цари старались сообразно съ заслугами одарять ихъ и оказывать во всемъ передъ другими предпочтеніе, — эти роды были «*заслуженные роды*» «*վաստակաոր ազգք, տոհմիք*», такъ, напримѣръ, Фаустъ рассказываетъ, что

«*առաջի թագաւորին զհօրն
վաստիւն ՚ի գլուխն դնէին ...դի
կարի որդի վաստակաւորի էր եւ
՚ի վաստակաւոր ազգէ*» (III,
ժա, стр. 28).

«Предъ царемъ возложили
повязку (патив) отца на голову
(сына)... *ибо онъ былъ сынъ за-
служеннаго (отца) да и изъ за-
служеннаго рода*»...

Въ противоположность этимъ заслуженнымъ стояли незаслуженные, низшіе роды, это такъ называемые *խնարհք, անտոհմիք* или *վատտոհմիք*. Такимъ образомъ мы переходимъ къ изученію сословій въ древней Арменіи.

Сообразно съ сословными различіями, — въ каковомъ только состояніи и можемъ мы изучать по памятникамъ письменности социальный строй армянскаго народа, — роды были *нахарарскіе и ненахарарскіе* «*ազգք նախարարաց*»; на нихъ то и яснѣе сказывались заслуженность или незаслуженность, среди нихъ различались роды великихъ нахараровъ *ազգք մեծ նախարարաց* (Ըդիշէ 115), старшіе роды *աւագ տոհմք* или именитые роды *ախանաւոր ազգք* (Ղազ. Փարպ. գլ. 5,

стр. 126) родовитые *տոհմակաք* и неродовитые *զատ* или *անտոհմակաք* (ibid.V, գԷ, հԵ, стр. 138).

Итакъ, въ Арменіи существовали роды нахарарскіе, напр.:

«բայց քան զամենեսին աւելի այր մի անօրէն եւ այսմուտ, որ աւելի ընդ ազգս նախարարցն գրգռէր զթագաւորն Տիրան» (Փակ. III, ԺԸ, стр. 46).

«սա կորուսեաց զամենայն ազգս նախարարացն ՚ի ժամանակս թագաւորութեանն Տիրանայ արքային» (ibid. IV, ԺԴ, стр. 116).

...«հանէր ընդ սուր զամենայն ազատս եւ ազգս նախարարացն զոր եգիտ»... (V, ԺԵ, стр. 216).

«но болѣе всѣхъ другихъ одинъ человекъ безбожникъ и бѣсноватый, который подстрекалъ царя Тирана противъ нахарарскихъ родовъ».

«онъ погубилъ всѣ роды нахараровъ во время царствованія царя Тирана».

«предалъ мечу всѣхъ свободныхъ и рода нахараровъ, какихъ только онъ зналъ».

Итакъ роды бывали нахарарскіе; что-же значить нахараръ? Единственное приемлемое объясненіе этого слова принадлежитъ проф. Н. Марру. Слово это является заимствованнымъ изъ древне-персидскаго и представляетъ изъ себя сложное образованіе: первая часть *nah* նախ, նահ имѣетъ вѣроятно значеніе области и произошло изъ персидскаго *nah* = ահ, а вторая половина слова *rah* навѣрное иранское слово *radh* (сир. ʔ) и имѣетъ смыслъ пачальника, главы. Такимъ образомъ нахараръ *nahrahrah* должно было обозначать главу, начальника области (см. Н. Марръ, *Этимологія двухъ терминовъ армян. феодальн. строя*, Зап. Вост. Отд. Р. Арх. О. томъ XI, стр. 170—3). Это такъ сказать лингвистическій анализъ слова, его первоначальный смыслъ. Намъ нужно установить, какое значеніе имѣло интересующее насъ слово въ армянской рѣчи, въ общественной жизни; нужно выяснять, кого называли нахарарами и что они изъ себя представляли. Единственный способъ достигъ этого—обратиться къ самимъ историческимъ памятникамъ и прослѣдить оттѣнки въ его употребленіи. Первымъ возникаетъ вопросъ являлось ли это слово названіемъ общаго характера или оно имѣло болѣе узкій, конкретный смыслъ. Матеріалы не оставляютъ никакого сомнѣнія, что нахараръ употреблялся съ широкимъ, общимъ значеніемъ: у Лазаря Парпскаго, напр., сказано:

...«ոմն յԱնձեւացի նախարարացն սեպուհ յի, որուճանուն էր Յոհան» (գլ. 5, стр. 127).

«никто из нахараровъ Андзеваци, одинъ сепухъ, имя котораго было Іоаннъ».

Тутъ сепухъ названъ нахараромъ, очевидно последнее является болѣе общимъ обозначеніемъ, подъ которое подходитъ и сепухъ; тоже самое видимъ мы у цитированнаго нами автора, у него упомянуть

«սեպուհ յի յազգէ Ամատունեաց, որուճանուն էր Արանձար» (գլ. 11, стр. 69).

«одинъ сепухъ изъ рода Ама-
тунійцевъ, имя котораго было
Арандзаръ».

На 286 стр. онъ оказывается нахараромъ, какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка:

«քիստոսասէր կապեալ նախարարքն հոյոց, որոց անունք են այսքքիկ... Ի տոհմէն Ամատունեաց... Արանձար» (գլ. 14, стр. 86).

«пойманные христоролюбивые нахарары армянскіе, имена которыхъ слѣдующія... изъ рода Ама-
туни... Арандзаръ».

Подобный примѣръ можно привести и касательно Мушега, который на 143 стр. произведенія Лазаря П. называется сепухомъ «սեպուհ Ջանիկոնէից մուշեղ», въ то время какъ на 86 стр. онъ именуется нахараромъ. Однако есть не мало и такихъ случаевъ, когда ишханъ также называются этимъ словомъ, на примѣръ, ишханъ дома Ама-тунійцевъ Բահанъ «իշխանն տանն Ամատունեաց զՎահանն» (ib. гл. 14, стр. 75) былъ нахараромъ, какъ это видно изъ 86 страницы того же труда. Также самое можно констатировать и по отношенію Семеова Андзевацийца Շմառն Անձեւացի, котораго на 75 стр. Лазарь именуетъ ишханомъ дома Андзеваци «իշխանն տանն Անձեւացի», на 86 уже нахараромъ. Точно также какъ и по отношенію къ Аршавиру Камсаракану, который тамъ же на 71 стр. упомянуть ишханомъ իշխանուն Արշարունեաց Արշարաւ, тогда какъ на 86 онъ названъ въ числѣ нахараровъ; что нахараръ въ сравненіи съ ишханомъ имѣетъ болѣе общее значеніе, это видно изъ заключительныхъ словъ списка ишхановъ, командовавшихъ различными отрядами; тамъ сказано:

...«եւ ահեկէ կաղմանէ պատ-
րաստէր զինքն իւրով գնդուղն
եւ իշխանան Առաւելեանից Փա-

«по лѣвой сторонѣ располо-
жился самъ со своимъ отрядомъ
и съ ишханомъ Аравегенцевъ»

փաղաւ եւ այլ ի շխան նախարարօքն հայոց» (ibid. գլ. ԼԹ, стр. 72).

Папагомъ и съ другими армянскими *ишханами-нахарарами*.

Въ этомъ случаѣ слово ишханъ употреблено какъ бы для того, чтобы болѣе точно опредѣлить широкій смыслъ и значеніе другого термина нахараръ.

Есть еще случаи, когда слово нахараръ употребляютъ историки относительно танутеровъ, какъ напр. [тану]теръ Гнушійцевъ Атомъ տէր Գնուկեաց Ստու՛մ (ibid. стр. 45) на 86 страницѣ Исторіи Лазаря Парискаго названъ *нахараромъ*; притомъ и подобныя выраженія вродѣ նախարարացն ամենեցուն եւ սեպհացն (ibid. стр. 50) показываетъ, что иногда слово нахараръ употреблялось въ смыслѣ танутера. Это совершенно ясно видно особенно изъ приведеннаго у Лазаря Парискаго на 45 стр. (гл. 14), списка нахараровъ, которые тутъ же внизу у него названы танутерами. Итакъ, *нахараръ можетъ обозначать и сепућа, и ишхана и танутера*; это нечто иное, какъ названіе одного общаго понятія, подъ которое подходили всѣ три и которое противоплагается только *ишпандік'амъ, пшандік'амъ и շխան'амъ*; объ этихъ группахъ никогда не говорится у историковъ, какъ объ нахарарахъ или нахарарскихъ родахъ; наоборотъ нахарары и шинаканы это два крайнихъ полюса; у историка, напр., говорится:

«Եկին... մեծամեծք նախարարք, կուսակալք, կորմանակալք, գաւառապետք, գործակալք եւ դասապետք շխանաց» (Фил. IV, ծա, стр. 165).

«пришли... великіе нахарары, окрайноначальники, краеначальники, областные начальники, служилые и *мавы зруппз* (дасъ) *поселянз* (шинакановъ).

Итакъ слово *нахараръ* должно быть общимъ названіемъ *всѣхъ членовъ родовой аристократіи*, въ рукахъ которой была сосредоточена высшая власть по управленію страной; поэтому то и сепућа, одинъ изъ членовъ рода, и танутеръ, и ишханъ могутъ носить общее имя нахарара. Было однако различіе между нахарарами, одни назывались просто, другіе *ишпакъ նախարարք* старшіе нахарары, по его значеніе уже разъяснено въ связи съ танутеромъ.

Переходя къ изученію остальныхъ соціальныхъ группъ или сословій, существовавшихъ въ Арменіи, нужно оговориться, что — скудость матеріаловъ не даетъ возможности выяснять въ достаточной

степени ихъ правовое положеніе; удается только устанавливать, которое изъ нихъ считалось свободнымъ, которое зависимымъ, либо крѣпостнымъ. Изъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ историковъ можно выбрать всѣ названія сословій; у Елисея, напр., говорится:

«գուճդ կազմէր ՚ի հայոց մեծաց զազատ եւ զազատորդի եւ յարքունի տանէ զոստանիկ մարդիկ»... стр. 16).

«онъ формировалъ отряды изъ Великой Арменіи: изъ свободныхъ («азаты») и дѣтей-свободныхъ («азатворди») и изъ царскаго дома и людей восстанскихъ».

Тутъ достойно вниманія терминъ «азатворди» *ազատորդի* «сынъ свободнаго», употребленный отдѣльно отъ термина «азатъ» *ազատ* «свободный» и имѣющій аналогію въ грузинскомъ *აზნაურ* и *აზნაურის* *აზნაური* и «азнауришвили».

Къ сожалѣнію это слово очень рѣдко попадаетъ у историковъ и опредѣлить, чѣмъ отличались «азатворди» *ազատորդի* дѣти свободныхъ отъ «азатовъ» *ազատ* и въ какихъ они родственныхъ и социальныхъ отношеніяхъ находились другъ съ другомъ, невозможно.

Достойно вниманія, что «азаты» *ազատ* «свободные» составляли особую отъ нахараровъ сословную группу; это видно изъ того, что при пересчитываніи сословій историки эти два термина называютъ отдѣльно одинъ отъ другого, напр., Лазарь Парпскій говоритъ:

«առեալ ընդ իւր զնախարան եւ զազատս եւ զամենայն ուսմիկն որք կամաւորութեամբ երթային ի գործ պատերազմի (Ղ. Փար, գլ. հա, стр. 128)»...

«взявъ съ собой нахараровъ и азатовъ и всѣхъ рамиковъ, которые охотно шли въ военное дѣло»...

Тотъ же авторъ рассказываетъ:

«Ժողովէր առ ինքն զամենայն հաւատարիմ ուխտապահաց գուճդ: զնախարարս եւ զազատս եւ զամենայն պրոուսիոյ»... (ibid. գլ. ձթ, стр. 160).

«собралъ около себя весь отрядъ довѣренныхъ охранителей союза: нахараровъ и азатовъ и всю конницу».

Правовое и социальное положеніе ихъ невозможно установить; ясно только одно, что «азаты *) «свободные» составляли среднюю группу между нахарарами и рамиками.

Немного можно сказать и объ «рамикахъ» *ամահիկ*. Единственно что удастся выяснить это вопросъ, были ли они свободными, или зависимыми? Матеріалы, имѣющіеся у историковъ, убѣждаютъ, что «рамики» должны были считаться свободными; это видно изъ того, что на совѣтъ по поводу положенія страны персидскій высшій сановникъ приглашаетъ и «рамиковъ», такъ, напр. Лазарь передаетъ, что

«Հրաման տար Նիխոր ամենայն եկեղոց ընդ մահիկոններն վահանայ: նախարարացն եւ քամկաց մտանել յատեն առ նոսա» (Ղ. Փար. ԳԼ ԴԳ, стр. 169).

«Нихоръ далъ приказаніе всѣмъ, пришедшимъ вмѣстѣ Ваханомъ Мамиконьяномъ, нахарарамъ и рамикамъ войти къ нему на совѣтъ».

И послѣ того, какъ всѣ приглашенные вошли, и началось обсуженіе, то Ваханъ, по словамъ того же историка, сказалъ Нихору:

«այսմ աստ են առաջի ձեր նախարարք եւ ազատք եւ այլք յոստանիկք մարդկանէ եւ այրու ձիոյ որերոյ» (ibid. ԳԼ ԴԳ, стр. 170).

«теперь передъ тобой находятся нахарары, и азаты, и другіе изъ людей востаниковъ и изъ конницы».

Подъ конницей Ваханъ вѣроятно подразумѣваетъ «рамиковъ». Что «рамики» считались свободными, это можно видѣть изъ того, что древній грузинскій переводчикъ армянскихъ автографическихъ памятниковъ «рамик» передаетъ словомъ «чинебули» выдающійся, напр., въ муч. Атома и сына его и друзей» *առ... ծառայս մեր, առ ազատս եւ քամիկ հեծեալս հայոց* (Մհ. XIX, стр. 72) = մահեոտս հյմտս սենսյոտս քս հոնյոյոտս մքլայոտս մոմեոտս իյնոնս եւ մեոտոնստս» (аоон. сборн. л. 234,а).

Востаник'ами *ոստանիկ* назывались тѣ жители, которые происходили изъ области *արքունի տուն*, принадлежавшей прежде лично армянскому царю. Каково было правовое положеніе «востаниковъ» *ոստան*

*) Этотъ терминъ заимствованъ изъ древнеперсидскаго (Hütschman, Arm. Gram I, 91).

Երկ *удѣльныхъ* были-ли они свободными, или зависимыми. Одно мѣсто изъ сочиненія того же Елисея даетъ совершенно ясное разъясненіе вопроса. Онъ говоритъ:

...«*արարւմ եւ այլ ազատ մար- Գրիկ, որ Ոստանիկս անուանեն յարբուհիտանէ*» (стр. 85). «много и другихъ *свободныхъ* людей изъ царской области, *которые называютъ востаниками*».

Слѣдовательно *востаники свободны*; является однако вопросъ, всѣ-ли жители царской удѣльной области были свободными, или только свободные изъ нихъ назывались востаниками; были-ли они и при армянскихъ царяхъ свободными, или получили свободу только тогда, когда армянская царская власть была уничтожена персидскимъ правительствомъ? всѣ эти вопросы должны остаться до открытія новыхъ матеріаловъ нерѣшенными.

Въ исторіи Елисея имѣется еще одно мѣсто, которое содержитъ свѣдѣнія объ остальныхъ сословіяхъ. Онъ рассказываетъ, что представитель царя персидскаго отъ имени своего повелителя объявлялъ всѣмъ:

...«*Եթէ ոք ՚ի հեռի աշխարհ ուրուք գնացեալ իցեն... Եթէ յազատաց իցեն, եթէ ՚ի շինականաց իցեն, եթէ եկեղեցւոյ... եկեցցեն*»... (стр. 120). «если кто либо отправился въ какую-нибудь отдаленную страну... будутъ ли они изъ *свободнаго [сословія]*, или «*шинакан*»овъ *поселянъ* либо [*мицъ*] изъ *церкви*... то пусть вернутся».

Лица изъ церкви были, конечно, клерики; тутъ нужно обратить вниманіе на терминъ «*шинакан*» *շինական* поселяне. Прежде всего объ ихъ правовомъ положеніи: были-ли они свободными, или нѣтъ? Можно съ увѣренностью сказать, что «*шинаканы*» были *несвободными*, зависимыми отъ знати; они *противопологаются у историковъ свободнымъ*, какъ это видимъ у Фауста; про Персеса католикоса сказано:

...«*զոգեւոր սիրոյն եռանդն ածէր առ ամենեւին, առ մեծամեծս եւ առ մանկունս, առ պատուականս եւ առ անարգս, առ հարուստս եւ առ աղքատս, առ ազատս եւ առ շինականս*» (IV, 7, стр. 80). «горячую духовную любовь проявилъ по отношенію всѣхъ, и къ большимъ и къ малымъ, и къ почетнымъ лицамъ и презрѣннымъ и къ богатымъ и къ бѣднымъ, и къ *свободнымъ* и къ *шинаканамъ* (поселянамъ)».

У того же автора про смерть военачальника Самуила говорится:

«լային զնա առ հասարակ
ազատք եւ շինականք» (ibid. V,
լսդ, стр. 266).

«его оплакивали всё одинаково
и свободные и шинаканы (посе-
ляне)».

Богѣ точное опредѣленіе положенія ипнакановъ невозможно за неимѣніемъ данныхъ. Они жили въ деревняхъ, занимались видимо обработкой земли, но имѣли какъ кажется извѣстную организацію; это можно заключить изъ того мѣста Фауста, гдѣ пересчитываются представители страны, которые собрались у архіепископа Арменія Нерсеса:

«եկին առ մեծ եպիսկոպոսա-
պետն հայոց ներսէս մեծամեծք
նախարարք, կուսակալք, կողմա-
նակալք, գաւառատեարք, գոր-
ծակալք եւ դասապետք շինա-
կանաց» (IV, ծա, стр. 165).

«пришли къ великому армян-
скому архипастырю Нерсесу ве-
ликіе нахарары, окрайноначаль-
ники, краеначальники, областные
начальники, служилые и *мазы*
вруппэ (дасъ) *поселянэ* (шинака-
новъ).

Что изъ себя представляли эти группы или отряды (*гаш*), какова была ихъ организація, ея происхождение, власть главъ такихъ группъ, пока невозможно опредѣлить. Историки ни одного слова не пророчили объ этомъ, чтобы можно было вывести хотя бы приблизительное заключеніе; *шинаканы составляли во всякомъ случаѣ самую низшую социальную ступень тогдашняю армянскаго общества*: это видно изъ слѣдующаго соображенія: Лазарь П., чтобы показать, какъ плохо относились всё къ ренегатамъ, говорятъ

«...ընդ որս կրասեր շինա-
կանք մարդիկք աշխարհն հայոց
հաց դարշէին ուտելը» (գլ. զե,
стр. 173).

«съ которыми даже *мелкіе*
люди поселяне (шинаканы) земли
армянской гнушались вмѣстѣ
ѣсть».

Это была такъ сказать самая сильная обида.

Упоминаются кое-гдѣ и рабы *дашу*, но судить объ ихъ правовомъ положеніи и количествѣ нѣтъ пока никакой возможности.

Вотъ все, что удалось намъ выяснитъ относительно сословій въ древней Арменіи; приходится сожалѣть, что греческіе писатели, хоть бы, напр., Страбонъ не сохранилъ описанія соціального строя Арменіи; при отсутствіи подобныхъ свѣдѣній мы лишены возможности выяснитъ, когда и при какихъ условіяхъ возникло въ Арменіи соціальное и правовое неравенство; изслѣдователь принужденъ довольствоваться однимъ установленіемъ факта существованія сословныхъ различій, ихъ количества и правового положенія.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

По мѣрѣ того, какъ изученіе государственнаго строя древней Грузіи и древней Арменіи приводило автора даннаго изслѣдованія къ опредѣленнымъ и въ основѣ тождественнымъ результатамъ, онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ потребность въ сравненіи добытыхъ данныхъ съ государственными институтами другихъ древнихъ народовъ Востока; иногда подобнаго рода сравненія какъ-то естественно шли на умъ, сами собой напрашивались. Хотя это и не входило въ непосредственную задачу, тѣмъ не менѣе авторъ попытался произвести необходимыя для сравнительнаго изученія вопроса разысканія въ доступныхъ ему областяхъ; это было важно отчасти и для основной темы изслѣдованія, такъ какъ въ перспективѣ представлялась возможность установить, было-ли въ достигнутыхъ результатахъ о государственномъ строѣ Грузіи и Арменіи что-либо исключительное, только этимъ двумъ народамъ присущее или передъ нами раскрывались явленія общаго характера. Автора интересовалъ именно вопросъ, насколько отражается въ терминологіи государственнаго строя другихъ народовъ Востока общинородовая организація. Разысканія могъ онъ произвести только въ персидскомъ, сирійскомъ и лишь отчасти въ арабскомъ. Въ виду того, что еще изученіе государственнаго строя грузинъ и армянъ показало, какъ архаическія черты у одного народа лучше сохраняетъ административная терминологія, у другого — территориальная, необходимо было собирать матеріалы въ этихъ двухъ направленіяхъ.

У *грузинъ* всѣ административныя чины и даже самъ царь въ древнѣйшую эпоху носили одно и тоже названіе «мамасахлиси», что, какъ уже было выяснено, обозначаетъ «отецъ дома», у *армянъ* они

именовались «танутер»ами, слово имѣющее значеніе «господинъ дома»; неизвѣстно однако, носили ли у армянъ и цари это же названіе, — за то у нихъ прекрасно сохранилась территоріальная терминологія: всѣ территоріальныя единицы именовались у нихъ «стун»омъ домоу, между тѣмъ какъ у грузинъ въ этой области сохранились только весьма слабыя слѣды.

Тоже самое нужно сказать и о *персидскомъ* языкѣ; насколько возможно выяснить, слово «домъ» کدъ или کدہ «кэд» или «кэдэ» въ качествѣ термина для всѣхъ территоріальныхъ единицъ не употребляется, тогда какъ административная терминологія прекрасно сохранила архаическія черты; именно слово کدخدا или کدخدا «кэдхуда», обозначающее «господина дома» («кэд»-домъ, «худа»-господинъ) употребляется прежде всего, конечно, въ смыслѣ родовладыки или отца семейства, но одновременно и какъ *старшина деревни* (см. I. Vullers, Lexicon приводится изъ Bahagi دهخدا) и какъ *правитель области* (کشورخدا ibid.). Далѣе Вуллерсъ изъ Glossarium Schahnamialium приводитъ, что это слово употребляется для обозначенія лица, уважаемаго, человѣка занимающагося дѣлами и *управленіемъ*, а также *государя* (در اصطلاح وعرف شخصی را گویند که مقور و معتبر و کار ساز و مهم گذار مردم باشد و پادشاه را هم کدخدا میگویند)

И дѣйствительно, у Першахи говорится, что

یکی وزید از ترکستان آمد بود	«прибыль одинъ визирь изъ
نام او وردان خدای و ناحیت وردانه	Туркестана, звали его <i>Варданъ-</i>
اورا بود (Public. de l'école des lang. III série, vol. XIII, стр. 1)».	<i>худатъ</i> и область была у него <i>Варданъ</i> ».

Въ данномъ наименованіи визиря Варданъ-худатъ Варданэ, названіе области, равняется «кэд», Варданъ-худатъ = «кэдхуда». У того же историка упоминается سامان خدات (ibid. стр. 0v) *Саманъ-худатъ* и правители Бухары называются بخار خدات (ibid. стр. ۳۷ 0v и др.) *Бухаръ-худатъ*. Владѣтель Гузана тоже носилъ имя «*Гузанъ-худатъ*» (см. В. Бартольдъ, Историко-географ. обзоръ Ирана, 24). Наконецъ, извѣстно, что прототипъ Шахнамэ Фирдауси носилъ названіе خدای نامه Худайнамэ, т. е. «книга объ худа», очевидно «кэдхуда», или «Иранхуда». Однимъ словомъ, изъ всѣхъ этихъ случаевъ видно, что лица, облеченныя властью, вплоть до самаго государя въ древнѣйшую

эпоху именовались «кэдхуда»; правда, въ вышеуказанныхъ примѣрахъ они называются просто «худа» (Варданъ - худать, Саманъ - худать, Бухаръ-худать, Худа=шахъ), но это, можно думать, не полное названіе, а сокращенное, такъ какъ еще у Фирдауси Кейюмерсъ повелитель Ирана именуется «Кэдхудо»:

(изд. Вуллера, I, стр. 14,8) کیومرث شد بر جهان کدخدای

بدوگفت جز تو کسی در سرای

(ibid. I, 29,4) چرا باید ای نامور کدخدای

بجستند خورشید رویان ز جای

(ibid. I, 37,14) ازان غلغل نامور کدخدای

Названіе «господинъ дома» «кэдхуда» вполне подходитъ къ древнему повелителю Ирана, вѣдь цари ахеменидской династіи были нечѣмъ инымъ, какъ «родовладыками» (см. Spiegel, Iran. Alter. II, 238—9).

Болѣе того въ персидскомъ даже государство, царство называлось, какъ это устанавливаетъ, основываясь на старыхъ персидскихъ лексикографахъ, Вуллерсъ терминомъ کدخدائی (Lexicon.), т. е. «кэдхудство». Однимъ словомъ, общиннородовая организація весьма ярко отражается въ государственномъ строеѣ Персіи, именно въ административной терминологіи.

Историкъ Бируни основаніе института «кэдхуда» приписываетъ Феридуну, приэтомъ онъ указываетъ попутно и предѣлы власти «кэдхудоу»; Бируни говоритъ: Феридунъ «приказалъ «людямъ» (الناس) стать властителями надъ «домами» своими (دورعم) и «семьями» своими (أهالهم) и «сыновьями» своими (أولادعم) и [далъ] имъ названіе «кэдхуда», что значитъ «господинъ этого дома», и назначилъ его (т. е. кэдхуда) правителемъ «семьи» его и «сына» его (ولکيه) такъ у Sachau¹⁾ и «власти» (ملکه) такъ чит. у Sachau, не лучше ли ملکه «владѣнія» его) его (см. изд. Sachau, Chronologie, ۲۲۴ его же англійскій переводъ

1) К. А. Иностранцевъ предлагаетъ болѣе правильное чтеніе وُئده множ. число вмѣсто единственнаго.

стр. 210, по рус. часть этого мѣста приводится у В. В. Бартольда, Туркестанъ во время монг. нашествія, II, 221). Таковъ буквальный переводъ текста Бируни, но не трудно замѣтить, что подобный переводъ совершенно не можетъ уяснить намъ, что собственно сдѣлалъ Феридунъ; тутъ, что ни слово, то нуждается въ комментированіи; такъ, наприм., что значить: «Феридунъ приказалъ «людямъ» (الناس), какіе это были люди, которые должны были стать властителями? Очевидно тутъ имѣются въ виду не всѣ люди безразлично, и слово الناسъ является переводомъ какого-то персидскаго техническаго выраженія, опредѣленнаго термина; поэтому нужно думать, что это неполное выраженіе и подъ словомъ «люди» الناسъ подразумѣвается «люди домовъ», тѣ самые, что у Табари именуется أهل البيوتات (Nöldeke, Tabari Gesch. d. Perser 71, 437); это были, какъ извѣстно, члены знатнѣйшихъ родовъ въ сассанидскомъ государствѣ; они упоминаются повидимому въ надписи Шабура I (см. Darmesteter, Études iraniennes II, 139). Кромѣ того очевидно подъ «домами» (دورهم) и «семьями» (أهاليهم) и «сыновьями» (أولادهم) подразумѣваются тоже вполне опредѣленные персидскія техническія выраженія; особенно это бросается въ глаза, если сравнить два послѣднихъ слова «семьи» и «сыновья»; если бы въ текстѣ Бируни эти слова были употреблены въ тѣсномъ смыслѣ, тогда совершенно непонятно, почему «сыновья» названы отдѣльно отъ «семей», вѣдь они входятъ въ ея составъ. Тутъ терминъ «дома» обозначаютъ вѣроятно *области, которыя находились подъ властью «кэдхуда»,* а слово «семьи» обозначаетъ *населеніе или роды той же области;* оба слова и دورهم و أهاليهم, какъ извѣстно, могутъ имѣть въ арабскомъ подобный широкій смыслъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ могутъ смущать лишь мѣстоименные суффиксы «ихъ» и «его», но данныя мѣстоименія употреблены по тому лишь, что передъ нами административная терминологія родовой организаціи; области назывались, какъ это было между прочимъ и въ Арменіи, «домами» рода, къ которому принадлежалъ «кэдхуда», «домами» танутерскаго рода. Однимъ словомъ, интересующій насъ отрывокъ изъ Бируни касается объясненія происхожденія административныхъ функцій дѣятельности «кэдхуда», какъ правителя области, а не происхожденія власти «кэдхуда», какъ обыкновеннаго родовладыки. Конечно, для окончательнаго уясненія текста Бируни необходимо такъ же изучить государственную терминологию этого историка, какъ это пытались мы сдѣлать по отношенію къ

Сирия также называется *домъ Арамейцевъ*, напр.:

ܘܚܘܪܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
великая церковь Селевкии, го-
рода *дома* Арамейцевъ.
(муч. маръ Посся, Bedjan Acta mar. et sanct. II, 211, см. еще Хрон. Исуса Столп. LXV).

Персія называется *«домомъ Персиянъ»*, напр.:

ܘܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
«отправилъ пословъ въ *домъ*
Исуса Ст. XVI и LXXVI). Персиянъ».

Сузіана или Хузистанъ называется *«домомъ Хузійцевъ»*, напр.:

ܘܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
«царь *дома* Хузійцевъ былъ
(Bedjan, Acta mar. et sanc, II, въ городѣ»...
299).

Страна Разиковъ называлась *«домомъ Разиковъ»*, напр.:

ܘܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
«пошелъ въ страну *домъ* Рази-
(муч. маръ Милеса, Bedjan, ковъ».
Acta mar. et sanct. II, 268).

Подобно тому какъ грузинское слово *სახლი* «сахли» обозначаетъ одновременно и домъ-постройку, территорію и домъ-семейство, население, точно такъ же и сирійское *ܘܥܘܪܝܝܢܐ* «бѣт» употребляется въ значеніи семейства, населенія; такъ, жители города называются *«домомъ»* *ܘܥܘܪܝܝܢܐ*, напр., Исусъ Столпникъ въ своей Хроникѣ пишетъ:

ܘܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
«они (магистръ и Каллио-
піусъ) рѣшили скинуть налоги
съ *дома* Амидійцевъ (=жителей
(ibid. CI). *ܘܥܘܪܝܝܢܐ* гор. Амида) [цѣлякомъ], а съ
дома Урхайцевъ (=жителей г.
Эдессы) на половину».

Точно также и племя, и население всего государства называлось *«домомъ»*, напр., у того же автора рассказывается, что

ܘܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ ܕܥܘܪܝܝܢܐ
«арабы [служащіе] персамъ
...[съ своей достигали Хабура ...[съ своей

صلى على كعبه. في كعبه من
(ibid. LVIII).

стороны] и арабы *дома Ромеевъ* (=византийцевъ), которые именовались *домомъ* (=родомъ) *Талиба* приходили къ Хергѣ.

Даже войско, находившееся подъ начальствомъ Ареобинда, называется «домомъ», напр., Исусъ Столпникъ пишетъ:

عنه يوم صعد في كعبه من
(ibid. LVI). في كعبه من

«когда Кавадъ увидѣлъ, что [сыновъ] «дома» Ареобинда (=солдатамъ) мало послалъ на нихъ войско».

Это и рядъ подобныхъ выраженій показываетъ, что и въ древней Сиріи войска должны были выходить по родамъ и племенамъ.

Послѣ того какъ выяснилось, что *вся территориальная единица древней Сиріи именовалась «домомъ», и это же названіе употреблялось для обозначенія населенія деревни, города, страны и даже государства*, что однимъ словомъ, *родовая организація властвовала и давала тонъ социальной жизни арамейцевъ*, нѣкоторыя употреблявшіеся у сирійцевъ выраженія становятся вполне понятными и логически осмысленными: вмѣсто того, чтобы, напр., сказать: *житель или жители деревни, города, страны*, сиріецъ говорилъ: *сынъ или сыновья деревни, города, страны*; разъ всё эти территориальныя единицы представлялись «домомъ», то, конечно, жители ихъ должны были именоваться *сыновьями*. Приведемъ примѣры: въ хроникѣ Исуса Столпника говорится:

(ib. LIII). عند صعدنا نعلم

«сыны деревень» (=сельчане) вышли».

У того же автора горожане именуется «сынами города», напр.:

هم في كعبه من
(ibid. XXVIII) هم في كعبه من

«большинство «сыновъ города» (=горожанъ Эдессы) потеряли надежду на жизнь»...

(ib. XXIX) هم في كعبه من

«забота объ «сынахъ города» (горожанахъ)».

(Подобный же примѣръ см. апокр. дѣянія Wright, Apoc. act. of Ar. стр. 104).

Даже жители страны назывались «сынами», напр. Иисусъ Столпникъ рассказываетъ, что Тамурійцы

... نهبهم حصونهم...
|ص| |ص| |ص| |ص|
(ibid. XXIII).

«грабили окружные деревни и купцовъ и чужестранцевъ и «сыновей страны» (= мѣстныхъ жителей)».

Послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ примѣровъ является убѣжденіе, что и |ص| должно было, первоначально по крайней мѣрѣ, обозначать «сына дома», а не «раба» или «кlienta», какъ это было обыкновенно потомъ и каковое значеніе единственно принятое во всѣхъ сирійскихъ лексиконахъ. Если «сынъ деревни», «сынъ города», «сынъ страны» (см. Апок. дѣян. апост. изд. Wright, Aposc. act. of Ap. стр. |ص| и |ص|) обозначали свободнаго, просто сельчанина, горожанина, туземца а не раба, совершенно непонятно, почему |ص| «сынъ дома» должно было имѣть смыслъ раба, несвободнаго? По своему образованію оно ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ вышеприведенныхъ терминовъ. Нужно думать поэтому, что значеніе слова |ص| какъ рабъ не основное, а второстепенное; быть можетъ, далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ сирійскихъ текстахъ принято теперь понимать данное слово въ смыслѣ клиента и раба, имѣеть это значеніе. Что интересующій насъ терминъ первоначально дѣйствительно имѣлъ значеніе свободнаго, это доказываетъ пехлевійская надпись Шабурѣ I, въ которой упоминаются *barbita* и именно въ значеніи членовъ свободнаго, привилегированнаго сословія (см. Darmesteter, *Études iraniennes*, II, 139).

Разъ у сирійцевъ территориальная терминологія и названія населенія такъ хорошо сохранили слѣды общиннородовой организаціи, то можно было ожидать столь же обильную жатву и въ области административной терминологіи; послѣ названій: сынъ дома, сынъ деревни, сынъ города и т. д., какъ то естественно ждуть термина «отецъ или господинъ дома» для всѣхъ административныхъ должностей, но надежды не оправдываются. Правда, въ сирійскомъ извѣстно названіе «господинъ дома», |ص| (Мате. XIII, 52, XX, 1, 11; Маркъ XIV, 14 и др. цитировано по *The four Gospels in Syriac transc. from the Sinaitic Palimpsest*), но только въ тѣсномъ смыслѣ *paterfamilias*; чтобы это же слово употреблялось для старшины деревни, головы города,

правителя области и даже царя, какъ это было, напр., у грузинъ, персiанъ и армянъ, намъ не удалось найти въ сирiйскихъ текстахъ; подобныя значенiя неизвѣстны и Payne Smith'у.

Конечно, если спеціально съ данной цѣлью изучить большее количество сирiйскихъ текстовъ, быть можетъ еще удастся найти такiе примѣры, но пока разысканiя оказались безрезультатными. Имѣются только названiя старшины деревни ܩܘܨܘܢܐ (Хрон. I. Столп. XXIX, XCIII), правителя мѣстности ܩܘܨܘܢܐ (муч. маръ Милеса, Bedjan, XCII, Acta mag. et sanct. II, 268), но всѣ эти названiя не характерны, хотя даютъ основанiе предполагать существованiе болѣе архаическаго и всеобъемлющаго термина административныхъ должностей.

Въ арабскомъ языкѣ, какъ въ сирiйскомъ, хорошо сохранилась территориальная терминологiя и названiе различныхъ группъ населенiя: такъ, напр., слово «дѣр» دار обозначаетъ домъ, но въ тоже самое время употребляется и по отношенiю къ городу, и по отношенiю къ странѣ; тоже самое нужно сказать и объ أهل «аһль», оно имѣетъ смыслъ семьи, но употребляется и по отношенiю къ городу, такъ, напр., говорится объ семьѣ (= населенiи) города (см. Otto Prockesch, Über die Blutrache bei den vorislamischen Arabern, S. 22).

Административная терминологiя, насколько я могъ уяснить себѣ, не даетъ характерныхъ фактовъ; но, конечно, для того, чтобы вопросъ считать окончательно рѣшеннымъ, необходимо предварительно прштудировать всѣхъ арабскихъ историковъ такъ же, какъ это сдѣлано по отношенiю къ грузинскимъ и армянскимъ памятникамъ; а это при моихъ знанiяхъ арабскаго было бы затруднительно; это входитъ скорѣе въ задачу арабиста; мнѣ хотѣлось только указать, что и въ данной области могутъ оказатья любопытные, тождественные факты.

Такимъ образомъ, наблюденiя показываютъ, что общинно-родовой строй въ территориальной и административной терминологiей персiанъ, сирiйцевъ и арабовъ нашелъ себѣ яркое отраженiе, что результаты, къ которымъ мы пришли при изученiи государственнаго строя грузинъ и армянъ не представляютъ изъ себя особенности, присущей только этимъ двумъ народностямъ.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Право современнаго государства» проф. Еллиискъ говоритъ, что «всѣ попытки подробно опредѣлить превращенiе ордъ, племенъ и семей въ государства, должны оказатья тщетными уже потому одному, что одинъ и тотъ же результатъ могъ быть достигнутъ весьма разнообразными путями и пред-

ставляется весьма мало вѣроятнымъ, чтобы процессъ образованія государствъ повсюду былъ одинъ и тотъ же. Здѣсь могутъ быть установлены только самые общіе типы» (рус. пер. стр. 172).

Изученіе грузинскаго и армянскаго государственнаго строя и сравненіе съ соответствующими институтами персіанъ, сирійцевъ и отчасти арабовъ можетъ пожалуй привести ученаго къ не столь пессимистическому выводу. Задача разрѣшенія этого вопроса перестала бы быть можетъ казаться тщетной если сойти съ почвы гипотезъ и предположеній и отказаться отъ намѣреній доискаться причинъ превращенія ордъ, племенъ и семействъ въ государства, а опираться на изученіе государственной терминологіи.

Какъ социологамъ при выясненіи вопроса объ универсальности матриархата неоспоримую услугу оказалъ анализъ терминовъ, употребляющихся для обозначенія кровныхъ родственныхъ отношеній, точно такъ же при выясненіи вопроса о «происхожденіи» государства рѣшающее значеніе можетъ быть предоставлено анализу и наблюденію надъ государственно-административной терминологіей; тутъ найдутся надежные факты.

Изученіе государственнаго строя древней Грузіи показываетъ, что организація царскаго рода была совершенно такая же, какъ обыкновенныхъ родовъ, что вся административная система зиждилась на тѣхъ же основаніяхъ; то же самое наблюдается и въ древней Арменіи, Персіи, у сирійцевъ и т. д.; именно анализъ государственной терминологіи далъ въ этомъ отношеніи существенно новые и любопытные результаты. Этотъ анализъ устанавливаетъ, что и старшина деревни, и глава города, и правитель области всѣ носятъ одно и то же названіе, обозначающее «отца дома» или «господина дома»; у грузинъ — «мамасахлиси», у армянъ «танутер», у персіанъ «кэдхуда».

Болѣе того, изученіе терминологіи Грузіи и Персіи показываетъ, что это же названіе употреблялось и для царя; у армянскихъ писателей свѣдѣній объ этомъ не сохранилось.

Если перейти теперь къ изученію территориальной терминологіи, то тутъ факты вырисовываются еще ярче: всѣ административно-территориальныя единицы, начиная отъ самой маленькой вплоть до самого большого организма: деревня, городъ, область, даже государство носили названіе «дома»; на грузинскомъ — «сахли», армянскомъ — «тун», сирійскомъ «бѣт», арабскомъ «бѣйт» и «дѣр».

Однимъ словомъ, государственный строй первичныхъ, употребляя выраженіе проф. Еллииска, государствъ есть не что иное, какъ родовой строй; поэтому нужно ли еще ставить вопросъ о превращеніи ордъ и племенъ въ государства? при родовой организаціи уже имѣется государство; гдѣ есть родовая организація, будутъ ли это кочевыя племена или осѣдлыя, тамъ уже существуетъ государство; этимъ устраняется то по меньшей мѣрѣ несправедливое заключеніе, по которому «организація кочевыхъ племенъ», значитъ и такъ называемыя «кочевыя монархіи», приходилось считать «еще организаціями не-государственного характера» (Еллинекъ, *ibid.* стр. 171).

Конечно, для того чтобы за этимъ выводомъ можно было признать универсальное значеніе, необходимо съ данной точки зрѣнія изучить государственную терминологию и всѣхъ другихъ первичныхъ государствъ, чтобы выяснилось, приведутъ ли изысканія къ аналогичнымъ выводамъ; но это уже дѣло отдѣльныхъ специалистовъ; намъ хотѣлось только указать на любопытные результаты, къ которымъ приводятъ наблюденія надъ государственной терминологіей грузинъ, армянъ, персіянъ и сирійцевъ и на ту перспективу, которая открывается впереди, если бы подобныя наблюденія надъ терминологіей и другихъ народовъ привели бы къ тождественнымъ выводамъ.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Стр.	Должно быть.	Стран.	Стр.	Должно быть.
4	25	Geórgie	47	24	Ко-биантъ
4	28	источникъ	53	24	كوسا
5	2	les plus anciens	63	26	плетенные
5	последняя	совершенно	64	6 снизу	свидѣтельствамъ
6	примѣч.	лингвистическія	65	1 „	атаковать
7	13	эпохамъ	66	3 „	моссиннойковъ
8		Geographica	74	4 снизу	у азнауровъ
11	2	жизни	79	21	перечнемъ
11	примѣч.	нужно	79	23	отношенія
14	7	привилегіей	80	22	быль
19	3	Geographica	83	18	придется
19	31	вскользь	83	2 снизу	свидѣтели
27	2	но	89	15	самаго
29	25	индивидуальная	92	10	на чѣмъ
29	27	Geographica	93	9	сатрапа
35	4	گوشان	96	10	жизнь
36	2	изъ города въ городъ	101	9	этимъ
36	4 снизу	საქართველო	101	19	одно
37	12	кузана	102	26	давалась
38	5	შეშობის	104	10	Арташесу
40	17	ოცო	104	7 снизу	принципы
41	11	ტფილისი	106	15	сюійск.
41	3 снизу	они	126	9	كوسا
42	19	передаетъ, онъ	126	16	нѣкій
43	11	развитую	127	6	поль
43	25	преувеличенными	127	10	كوسا
46	12	функціями			

1892. Замѣтки по армянскому языку (ЗВО, т. VII, стр. 73—79).
- » Имя Буть или Будъ въ армянской надписи VII вѣка по Р. X. (ЗВО, т. VII, стр. 322—326).
 - » Հայկական Չեռագիրք Ղեմարանի արևելեան լեզուաց ի Պետերբուրգ (Հանդէս Դժուրեայ, стр. 45—54, 80—85, 111—117).
 - » Переписка Фотія съ армянскимъ великимъ княземъ Ашотомъ и армянскимъ патриархомъ Захаріею (арм. текстъ и переводъ) (Православный Палестинскій Сборникъ, т. XI, вып. I, стр. 179—279).
 - » Списокъ рукописей Севанскаго монастыря. Изъ лѣтней (1890) поездки въ Арменію. Москва, стр. IV+59.
1893. Новые матеріалы по армянской эпиграфикѣ. Апш.—Аламанъ.—Мренъ.—Багаранъ.—Еровадакертъ.—В. Талынъ (ЗВО, т. VIII, 1893—1894, стр. 69—103).
- » Замѣтка о трехъ армянскихъ надписяхъ, помѣщенныхъ въ XIII выпускъ Сборника (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. XVII, стр. 191—197).
 - » Древне-армянская хрестоматія съ армянско-русскимъ словаремъ для начинающихъ, Спб., стр. III+171.
1894. Надгробный камень изъ Семирѣчія, съ армянеко-сирійской надписью 1323 г. (ЗВО, т. VIII, 1893—1894, стр. 344—349).
1895. Мнимое географическое названіе Ёротастакъ, въ Исторіи Агавангела (ЗВО, т. IX, стр. 191—197).
- » Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ «Ампрандареджаніани» (ЖМНП, июль, стр. 352—365).
 - » О начальной исторіи Арменіи Анонима. Къ вопросу объ источникахъ Исторіи Моисея Хоренскаго. По поводу критическихъ статей проф. А. Saggièra (ВВ, I, стр. 264—306).
 - » Сказаніе о католикосѣ Петрѣ и ученомъ Іоаннѣ Козерѣ. Изъ матеріаловъ для исторіи средневѣковой армянской литературы (Восточныя замѣтки. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей Факультета восточныхъ языковъ Имп. Спб. университета, Спб., стр. 9—34).
 - » Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ „Русуданіани“ (тамъ же, стр. 221—259).
 - » Критика и рецензія а) на арм. книгу: „Galouste Ter-Mekertchian, Armeniaca I II, Вагаршанатъ 1894“ (ЗВО, т. IX, стр. 305—311), б) на арм. книгу: „Подоль Арменія Араратская раскрыта А. Е. С., Баку 1894“ (ЗВО, т. IX, стр. 311—313), в) на груз. книгу: „М. Джанашивили, Ампрандареджаніани, Тифлисъ 1895“ (ЖМНП, октябрь, стр. 324—328).
1896. Житіе Петра Ивера, царевича-подвижника и епископа Мафумскаго V вѣка (Православный Палестинскій Сборникъ, т. XVI, вып. II, стр. XXXIX—125).
1897. Армяно-грузинскіе матеріалы для исторіи душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 49—78).
- » Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую [о *Висраміани*] (ЖМНП, мартъ, стр. 223—237).
 - » Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армявъ, грузинъ и сирійцевъ (المظفریة). Сборникъ статей учениковъ барона В. Р. Розена. Спб., стр. 67—96).
 - » Критика на а) работу: „The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures by F. C. Conybeare (Folk-Lore, London 1896, VII)“ (ЖМНП, апрѣль, стр. 483—490), б) арм. книгу: „Գալուստէ Դէր-Մկրտչեան (Միաբան), Ինչ տեղանկոց Արաբաջեալ. Զանկոյն օ մարտիրոսեան Գորն ու Սիմոն, ձախուցանողն Եւթօս. Վաղարշանատ 1896 (ВВ, № 3 и 4, стр. 667—674).
1898. Этимологія двухъ терминовъ армянскаго феодальнаго строя *սեպուհ* = *serpuh* = *чериuh и *նախարար* *naqarag* = *naharag (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 165—174).

1898. О предполагаемомъ коренномъ родствѣ трехъ армянскихъ словъ *ճշարիտ* *tšharit*, *ճշրիտ* *tšgrit* и *ճշտ* *tšht* (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 298—300).
- » *Թուեալ* *ergq*, спорный терминъ древне-армянскаго эноса (ЗВО, т. XI, 1897—98, стр. 300—302).
 - » Къ критикѣ Исторіи Моисея Хоренскаго. Г. Халатянцъ. *Армянскія зносы въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго* (ВВ, № 1 и 2, стр. 227—269).
1899. Ани, столица Арменіи. Историко-археологическій набросокъ (Вратская помощь пострадавшимъ армянамъ, II изд., стр. 197—222).
- » Изъ книги царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ духовныхъ сочиненій и героической повѣсти „Дареджагани“ (Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, т. X, № 2, стр. 233—246).
 - » Изъ повѣдки на Аюны. О грузинскихъ рукописяхъ Ивера.—О св. Варлаамѣ.—О древне-грузинскихъ переводахъ съ армянскаго (ЖМНП, мартъ, стр. 1—24)
 - » (1894—99). Сборники притчъ Вардана. Матеріалы для исторіи средневѣковой армянской литературы.
Часть I. Исслѣдованіе. Спб. 1899, стр. XII—394.
.. II. Текстъ. Спб. 1894, стр. т. XVI—344.
.. III. Приложения. Описание 10 змѣдальническихъ рукописей съ указателемъ, арабскій и дополнительные армянскіе тексты, армянскій текстъ съ переводомъ скалки „Лиса и почка въ западѣ“. Спб. 1894, стр. X—202.
 - » Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія (ЖМНП, июль, стр. 241—250).
 - » Возникновеніе и развитіе древне-грузинской свѣтской литературы (ЖМНП, декабрь, стр. 223—252).
1900. Армяно-сирійскія словарныя замѣтки. I. *Վիշուր* = *каза* (ЗВО, т. XIII, стр. 033—034).
- » Къ вопросу о переводахъ съ армянскаго на арабскій языкъ (ЗВО, т. XIII, стр. 035—038).
 - » Ефремъ Сиринъ, А. О дняхъ празднованія Рождества. В. Объ основаніи первыхъ церквей въ Иерусалимѣ. Армянскій текстъ съ сирійскими отрывками въ армянской транскрипціи XII—XIII вѣка. Изслѣд., изд. и перев., Спб. (ТР, кв. I, стр. 5—55).
 - » Иосифъ Аримаѳскій, Сказаніе о построеніи первой церкви въ городѣ Лиддѣ. Грузинскій текстъ по рукописямъ X—XI вѣковъ (съ двумя палеографическими таблицами). Изслѣд., изд. и перев., Спб. (ТР, кв. II, стр. 5—72).
 - » Краткій каталогъ собранія грузинскихъ рукописей, приобрѣтенныхъ Имп. Публичною бібліотекою въ 1896 году, Спб., стр. 13.
- 1900—1901. Агиографическіе матеріалы по грузинскимъ рукописямъ Ивера.
Часть первая. Описание пяти пергаментныхъ рукописей (ЗВО, т. XIII, 1900, стр. 1—89)
.. вторая. Житіе Св. Варлаама Сиро-Кавказскаго (Къ вопросу о „Варлаамѣ и Юсафѣ“) (ЗВО, т. XIII, 1901, стр. 89—141).
1901. Ипполитъ, Толкованіе Пѣсни пѣсней. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, переводъ съ армянскаго (съ одной палеографической таблицей). Изслѣд., перев. и изд., Спб. (ТР, кв. III, стр. CXIV+32+2⁹⁶).
- » Боги языческой Грузіи по древне-грузинскимъ источникамъ (ЗВО, т. XIV, стр. 1—29).
 - » Критика на книги: а) „Этюды по армянской диалектологіи. Левона Мсерианцъ, часть I, Москва 1897“ (ЗВО, т. XIII, стр. 0120—0134), б) „M. Wardrop and I. O. Wardrop, *Life of St. Xino* (+F. C. Conybeare, *The Armenian Version of Djouanshêr*), Oxford 1900“ (ЗВО, т. XIII, стр. 0134—0139).
1902. Грамматика древне-армянскаго языка. Этимологія. Вып. I. Спб., стр. 160.
Письмо и чтеніе. Ученіе о звукахъ. Удареніе. Детерминативъ. О родѣ. Склоненіе именъ. Прилагательныя. Числительныя. Мѣстоименія.
- » Объ единствѣ задачъ армяно-грузинской филологіи (Кавказскій Вѣстникъ, № 3, стр. 15—29).
 - » Новооткрытый армянскій текстъ «Паралипоменонъ». (Къ вопросу о переводахъ св. Писанія на армянскій языкъ) (Кавказскій Вѣстникъ, слѣдующій №, стр. 1—18).